

Орден
Знак
Почета

СМЕНА

№11 НОЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2020

*О жизни и творчестве художника И.С. Горюшкина-Сорокопудова
читайте на странице 65.*

Неизвестное об известном

<i>Денис Логинов</i>	Солнечный гений 4
<i>Владимир Братченко</i>	«Крот» 19
<i>Юрий Осипов</i>	Провинциальная драма Александра Вампилова 97
<i>Алла Зубкова</i>	Вызов, брошенный судьбе 122

Рассказ

<i>Юрий Орлов</i>	Босанова 32
-------------------	--------------------------

Это интересно

<i>Дмитрий Зелов</i>	Таинственное Коломенское 49
<i>Евгения Гордиенко</i>	Всеволод Мейерхольд. Режиссер с революцией в душе 106
<i>Николай Долгополов</i>	Романтик и «волкодав» 111
<i>Вадим Андреев</i>	Духи Ко Тао 133

Замечательные современники

<i>Дарья Парчинская</i>	Виктория Токарева: «Я — человек действия...» 58
<i>Елена Воробьева</i>	Юрий Ростцкий: «Искусство объединяет людей и стирает все языковые барьеры» 86

Судьба художника

<i>Виктор Ом</i>	Живописные сказы русской глубинки 65
------------------	---

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Пикассо. «Авиньонские девицы», или Картина-уравнение 77
---------------------	--

Поэзия

<i>Маргарита Воротынцева</i>	Стихи 94
------------------------------	-----------------------

Славянские древности

<i>Агния Заберина</i>	«Грудень — сумерки года» 120
-----------------------	---

Детектив

<i>Наталья Солдатова</i>	Проделки Элен, или Дама из преисподней 138
--------------------------	---

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фотоэтиюд Ульяны Кизиловой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр. 1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

Можайский
полиграфический
комбинат

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.10.2020

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«Если спросить современного читателя о русских и советских сатириках, которых он знает, сразу вспомнят Зощенко, Ильфа и Петрова, Катаева, а вот об Аверченко — в последнюю очередь. Между тем, именно «из его шинели» выросли те, кого мы считаем «золотым составом» советской сатирической школы, а самого его называли «Королем смеха».

Евгения **Гордиенко** «Аве, Аверченко!»

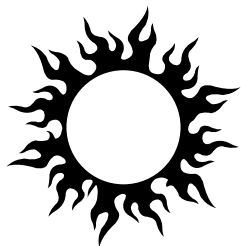
«Эта женщина прожила долгую и удивительную жизнь. Она могла остаться обычной европейской принцессой, которых и без нее было предостаточно, но судьба распорядилась иначе. В нее влюбился великий князь Николай Александрович и сделал ей предложение руки и сердца. Увы, сватовство оказалось недолгим — наследник престола скоропостижно скончался. А спустя несколько месяцев родители покойного жениха предложили Дагмар выйти замуж за своего второго сына — Александра. Так датская принцесса стала великой княгиней Марией Федоровной, а позже, когда на престоле оказался ее супруг, и императрицей Всероссийской...

Денис **Логинов** «Невеста двух наследников»

«...В 37-м Юрино отца арестовали и расстреляли как «врага народа». Репрессировали и мать будущего лауреата Сталинской премии по литературе. Из построенного для советской элиты знаменитого дома напротив Кремля Юру с бабушкой по приказу вождя выселили. В этот мрачно-серый «каменный заповедник» писатель вернется силой памяти на страницах своего романа «Дом на набережной». А в 1980 году, по представлению самого Генриха Белля, его выдвинут на соискание Нобелевской премии. Он имел хорошие шансы стать лауреатом, если бы не внезапная смерть...

Юрий **Осипов** «Горечь после фанфар...»

«Детектив Александра **Аннина** «Сокровища Гохрана».

СОЛНЕЧНЫЙ ГЕНИЙ

*«Подобно резцу скульптора
энергия солнечного луча
творит лик и образ органи-
ческой жизни на земле».*

А.Л. Чижевский

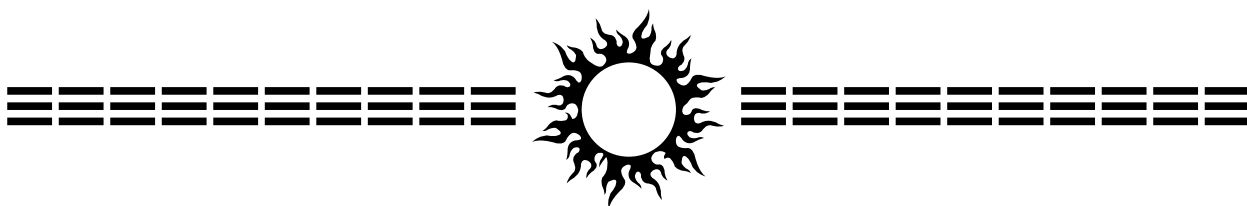
В сентябре 1939 года в Нью-Йорке состоялся I Международный конгресс по биологической физике и космической биологии, на котором советский ученый Александр Леонидович Чижевский был избран почетным президентом, и за многогранную научную и художественно-литературную деятельность его называли «Леонардо да Винчи XX века». Избран заочно — за границу его не выпустили. Обосновано это решение было не столько веско, сколько многословно, но суть можно передать в нескольких словах: «За не восторженный образ мыслей». Хотя и это было спорно, но спорить Чижевский никогда не любил — у него хватало других дел и увлечений.

Удивительно: хотя многие знают о «люстре Чижевского», некоторые даже видели ее воочию, а кое-кто испытал ее действие на себе и окружающих, а вот изобретателя забыли. И это тем более странно и нелепо,

что пресловутое изобретение было капелькой в океане научной деятельности Александра Леонидовича.

Его жизнь была целиком отдана науке. Причем не в одной конкретной области, а в... Знаете, трудно сосчитать. Достаточно сказать, что к сорока с небольшим годам Чижевского избрали почетным президентом I Международного конгресса по биофизике, он также был действительным членом 18 академий мира, почетным профессором университетов Европы, Америки, Азии.

А в СССР его статус был совсем иным. Но давайте попробуем обо всем по порядку.

Зимой 1897 года в городке Цехановце, Гродненской губернии (сейчас Подляское воеводство, Польша) в семье военного-артиллериста Леонида Васильевича Чижевского и его жены Надежды Александровны (урожденной Невиандт), родился сын Александр. Его отец был известен в русской армии как изобретатель командирского угломера для стрельбы с закрытых позиций и прибора для разрушения проволочных заграждений.

Эти гены легли в основу натуры будущего великого (давайте все-таки не бояться этого слова) ученого, который многократно превзошел талантливого отца в научных достижениях.

Трудно сказать, что Чижевский унаследовал от матери, поскольку известно о ней крайне мало, она скончалась, когда единственному сыну было чуть больше года. Воз-

можно, поэтический талант. Возможно, необыкновенная музыкальность. Возможно, очевидные способности к живописи. Так или иначе, во всех этих областях Александр Леонидович себя достаточно успешно реализовал, хотя был, в первую очередь, ученым.

Воспитывали осиротевшего мальчика бабушка и тетя — родная сестра отца. Александр получил разностороннее домашнее образование (изучал иностранные языки, историю, учился музыке). Денег на преподавателей не жалели, благо средства позволяли. Если чего и не хватало, то отцовского внимания, но Леонид Васильевич был слишком занят своей службой и новыми изобретениями. Это отношение к семейной жизни полностью передалось сыну, что ярко сказалось впоследствии.

Однако именно отец настоял на том, чтобы одаренный — а в этом

сомнений ни у кого не было — мальчик продолжил свое образование... в Парижской академии художеств у ученика знаменитого импрессиониста Э. Дега — Нодье Гюстава. Правда, продолжалось это недолго.

В связи с новым назначением отца и переездом семьи в крепость Зегрж (Польша) Александр поступил в шестой класс частного реального училища в Калуге и за год с небольшим прошел полный курс. К этому времени он уже свободно владел французским, немецким, английским и итальянским языками, которые выучил практически самостоятельно и с невероятной легкостью, поражавшей окружающих.

В 1910 году, когда ему было 13 лет, над Россией появилась комета

Галлея. Ей суждено было разграничить два увлечения Александра: искусство, литература и поэзия навсегда теперь остались лишь его хобби. Жизнь он посвятил изучению небесных светил.

Александр еще дома занимался новаторскими исследованиями в области гелиобиологии, в течение трех лет ставил первые опыты по воздействию отрицательно ионизированного воздуха на живые организмы (аэроионификация). Его опытные исследования дали четкий результат: положительно заряженные ионы воздуха негативно влияют на живые организмы, а отрицательно заряженные, напротив, производят благотворное действие.

Сенсация, которую, как всегда было у Чижевского, практически никто не оценил и не заметил. Но ему удалось впоследствии оформить авторское свидетельство на свой аэроионизатор для получения легких аэроионов, который широко известен как «люстра Чижевского».

В июле 1915 года Александр был принят действительным слушателем в Московский коммерческий институт (МКИ), а в сентябре того же года вольнослушателем в Московский археологический институт.

И вдруг — резкий поворот в судьбе, казалось бы, определенной: уход добровольцем на фронт во второй половине 1916 года. Так ему повелела его кровь — большинство дворян Чижевских или воевали, или

всю свою жизнь посвящали армии. Каждый первый — георгиевский кавалер!

Один только прадед молодого ученого — Никита Чижевский — воевал рука об руку с Суворовым и Кутузовым, ранен был с полсотни раз,

того же года защитил диссертацию на тему «Русская лирика XVIII века» (М.В. Ломоносов), а в декабре защитил диссертацию «Эволюция физико-математических наук в древнем мире» на степень магистра всеобщей истории.

Ч

ижевский мыслил широко и масштабно, но... оставался почти незамеченным тогдашней научной средой. Буря разразилась в 1924 году, когда он издал свою диссертацию «Физические факторы исторического процесса» в виде книги. Его знание иностранных языков пришлось как нельзя кстати — ради полноты статистических выкладок Александр Леонидович изучил данные за два с половиной тысячелетия!

а дожил в итоге до 111 лет. На отдаленных ветвях генеалогического древа рода отыскался даже великий адмирал Нахимов!

К предкам своим Чижевский относился с большим благоговением:

— Во мне, в моем теле, в моей душе — психике, в моем темпераменте все они, мои предки, живут и по сей час, — объяснял он свой поступок в своей автобиографии.

В мае-сентябре 1917 года он участвовал в боях в Галиции. Получил легкое ранение, контузию, и ему пришлось демобилизоваться.

А дальше начались чудеса, которых в жизни Чижевского было предостаточно. За один год (1917) он блестяще окончил Московский археологический институт. И не только. В мае

Сенсация для научного мира любой страны, а вот в России в то время было не до научных изысков. Революция переворачивала жизнь общества, но молодой ученый ее как бы и не замечал, политикой Александр Леонидович не интересовался совершенно, в отличие от подавляющего большинства своих сверстников.

Его занимали совсем другие вещи. В 1918 году он представил на историко-филологический факультет Московского университета и защитил диссертацию на степень доктора всеобщей истории «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса», которая спустя шесть лет была изложена в книге «Физические факторы исторического процесса».

Теория Чижевского выражалась в следующем: он заметил, что циклы солнечной активности проявляют себя в биосфере, изменяя все жизненные процессы, начиная от урожайности и кончая заболеваемостью и психической настроенностью человечества. А это, в свою очередь, отражается на конкретных исторических событиях — политико-экономических кризисах, войнах, восстаниях, революциях и тому по-

добном. Одним словом, Александр Леонидович ясно и доходчиво изложил те положения, до которых современная наука дошла чуть ли не сто лет спустя. Это сейчас пристально наблюдают за солнечной активностью и магнитными бурями, но связывают их преимущественно с природными катаклизмами и состоянием здоровья людей.

Чижевский мыслил гораздо шире и масштабнее, но... оставался прак-

тически незамеченным тогдашней научной средой. Не говоря уже про обыкновенных людей. Буря разразилась в 1924 году, когда он издал свою диссертацию «Физические факторы исторического процесса» в виде книги. Знание многих иностранных языков, в том числе и древних, пришлось как нельзя кстати: Александр Леонидович ради полноты статистических выкладок изучил данные за два с половиной тысячелетия!

Что представляет собою Солнце для современного человечества? — задавался вопросом молодой ученый. — Не более как явление природы, подобное многим другим! Не тем оно было для наших предков... Солнце было для них мощным богом, дарующим жизнь, светлым гением, возбуждающим умы. Вся мифология древних проникнута слепящей символикой солнечного луча! Интуиция наших предков привела их к тому же заключению, что и завоевания науки!

Выводы Чижевского статистически просты: 60% исторических событий с участием больших масс людей за двадцать пять изученных веков приходилось на годы максимума солнечной активности, и лишь 5% — на годы минимума.

Общественность поняла выводы ученого чересчур просто: мол, Солнце заставляет нас совершать те или иные поступки.

Биограф Чижевского Виктор Ягодинский так объясняет содержание первой серьезной работы уче-

ного: «Чижевский согласится, что Солнце не решает ни общественных, ни экономических вопросов, но в биологическую жизнь планеты оно, безусловно, вмешивается очень активно».

Иначе говоря, Солнце не принуждает нас делать именно то-то и то-то, но оно катализирует нашу деятельность за счет изменений психофизиологического фона организма. Природа — естественная предпосылка человеческой истории.

На ученого буквально обрушилось цунами. Чижевский вспоминал:

«Сразу же ушаты помоев были вылиты на мою голову. Были опубликованы статьи, направленные против моих работ. Я получил кличку «солнцепоклонника» — ну, это еще куда ни шло, но и «мракобеса».

Если бы не помощь и поддержка Циолковского, который опубликовал положительный отклик о представленной работе, с Чижевским как ученым было бы покончено уже тогда.

После защиты диссертации с 1917 по 1922 год Чижевский состоял старшим научным сотрудником, действительным членом института и профессором Московского археологического института. Но этого ему было мало.

Профессор продолжал учиться — на сей раз на физико-математическом (по естественно-математическому отделению) и медицинском факультетах Московского университета в качестве вольнослушателя. «Зна-

ний много не бывает», — то ли в шутку, то ли всерьез объяснял он свое экстравагантное по всем меркам поведение.

За что он ни брался, везде достигал в короткое время уровня профессионала если не в технике, то в неподражаемой оригинальности исполнения. За что собратья-ученые с завидным постоянством называли его шарлатаном. Слова «гениальность», «неординарность», «сверхдаренность» употреблялись в основном иностранной прессой, что потом — и неудивительно! — аукнулось Чижевскому в полной мере.

Но это случилось годами позже. А пока молодой ученый с головой погрузился в любимое занятие — работу. С 1922 по 1923 год он был внештатным научным консультантом Института физики и биофизики Наркомздрава СССР, а с 1923 по 1926 год — главным экспертом по вопросам медицины и биологии и членом технического совета Ассоциации изобретателей.

У него не было свободного времени, но каким-то чудом случались встречи и занимательнейшие беседы с известными литераторами: Л.Н. Андреевым, А.И. Куприным, А.Н. Толстым, И. Северяниным, С.А. Есениным, В.В. Маяковским, И.А. Буниным, М. Горьким, В.Я. Брюсовым. И в этих кругах он тоже был своим, но... как бы невидимкой. Хотя литературное творчество удавалось ему не хуже, чем большинству признанных мэтров.

Он с детства писал стихи. В Калуге были изданы первые сборники (и единственные прижизненные) стихотворений Чижевского (1915, 1919), проект «Академия Поэзии» (1918). Следующий поэтический сборник увидел свет более чем через 20 лет после смерти ученого — в 1987 году, затем в 1992, 1996, 1998, 2013 годах.

Но и эти издания остались почти незамеченными. Судьба словно смеялась над ним.

*Немного любит тот, кто любит меру,
Рассчитывает каждый поцелуй,
Кто страсти пыл готов принять
на веру,*

*Но не коснись, не требуй,
не тоскуй.*

*Как осторожен тот, кто мало любит,
Соизмеряет ласки и слова.*

Пародия любви его осудит:

Он лжет любви и любит ли едва?

*Любовь — вне меры: пламень
вдохновенный*

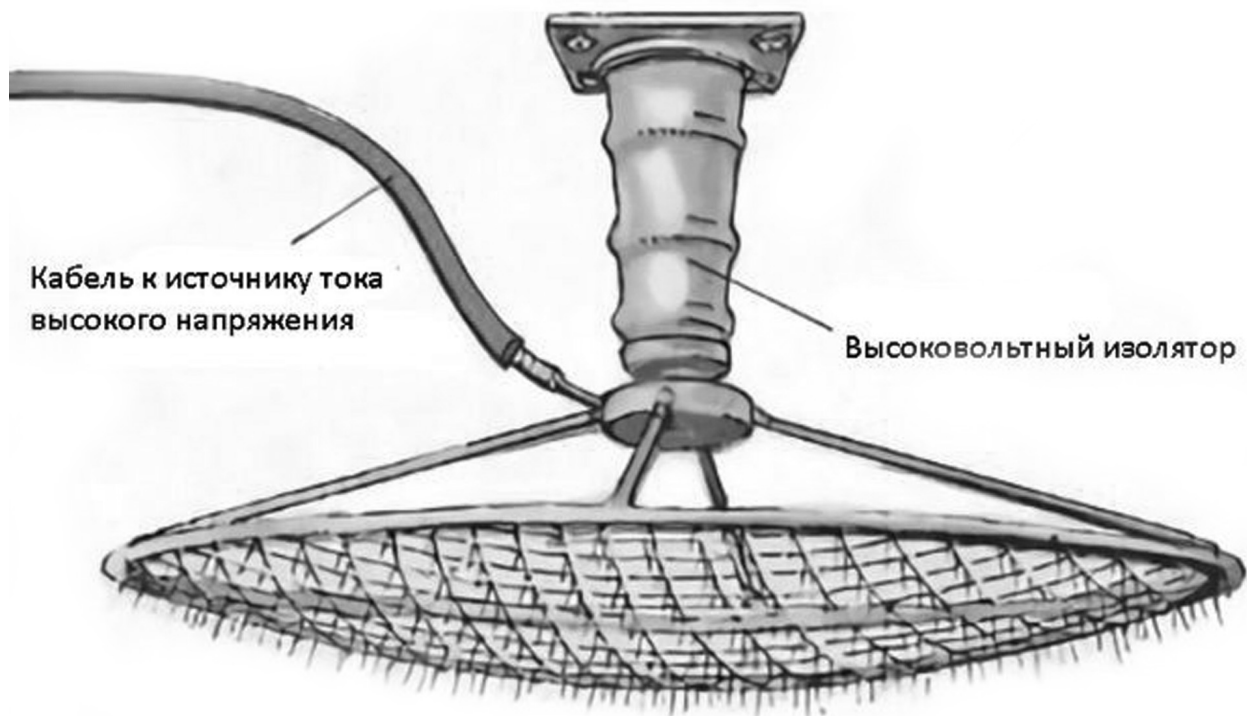
Охватит душу и сожжет дотла.

Но как измерить глубину

Вселенной?

Но как зажечь потухшие тела?

Хотя... В начале 1920-х годов по рекомендации А.В. Луначарского Александр Леонидович был назначен инструктором литературного отдела Наркомпроса, затем избран председателем Калужского губернского союза поэтов. Посещал литературный салон А.И. Хольмберг (внучки Л.Н. Толстого) и музыкальные вечера Т.Ф. Достоевской (внучатой племянницы Ф.М. Достоевского).

Люстра Чижевского

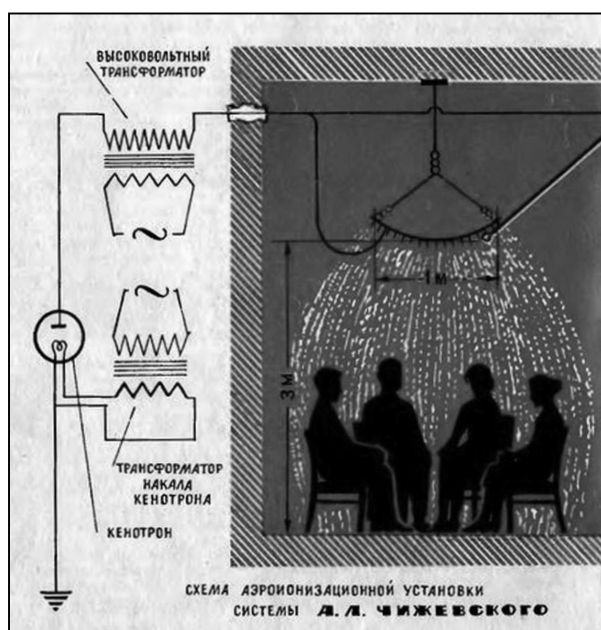
Свой среди чужих, чужой среди своих...

А еще у него был незаурядный дар художника-пейзажиста. Известно, что только в Калуге он написал более 100 картин, которые продавал, а средства от продажи шли на проведение научных опытов.

Где сейчас эти картины, и кто слышал о художнике Чижевском?

Еще в 1914 году в Калуге Чижевский близко познакомился с К.Э. Циолковским, который сыграл большую роль в становлении молодого ученого, в выработке его мировоззрения. Дружба ученых длилась более 20 лет. Циолковский поддерживал идеи младшего друга по гелиобиологии и эксперименты по аэроионификации.

Циолковский в Калуге преподавал физику, алгебру и геометрию, успел уже издать с полсотни науч-

Журнал «Юный техник», №3 1964 год

ных работ, писал научно-фантастические рассказы и высказал мысль, что человек во Вселенной может оказаться не одинок.

— Как вы думаете, — спросил Чижевский у Циолковского во вре-

мя первой их приватной встречи, — могут ли циклы солнечной активности влиять на мир растений, животных и даже человека?

— Было бы совершенно непонятно, если бы это было не так, — ответил Циолковский.

Чижевский содействовал утверждению мирового приоритета Циолковского в области космонавтики и ракетодинамики, переиздав в 1924 году его работу «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (под новым названием

«Вы экспериментально доказали факт биологического действия ионов воздуха на человеческий организм, на природу — этот факт, бесспорно, имеет огромное значение для науки, этот факт открывает большие перспективы для развития научной мысли».

Аррениус пригласил ученого в Стокгольм — работать вместе. Луначарский дал добро на выезд, но поездку отменили всего за два дня из-за неправильно оформленного свидетельства об ученой степени в нужной сфе-

К

сожалению, только «лампа Чижевского» получила широкое распространение и стала «визитной карточкой» ученого, который оформил авторское свидетельство на свое изобретение, навсегда закрепив его за собой в 1939 году. Результаты испытаний «ламп» были потрясающие. Все врачи рекомендовали этот прибор для скорейшей реабилитации пациентов и считали его незаменимым помощником

«Ракета в космическом пространстве») и разослав ее зарубежным ученым и научным обществам.

В марте 1926 года Александр Леонидович окончательно перебрался в Москву, но до середины 1930-х годов периодически приезжал в Калугу к родным и к Циолковскому.

Об экспериментах ученого каким-то образом узнал Максим Горький, а от него — нобелевский лауреат в области химии Сванте Аррениус. Тот написал Чижевскому письмо, которое привело ученого в восторг:

ре. Вместо Стокгольма и работы с лучшими учеными планеты Чижевский получил... удостоверение инструктора литотдела Наркомпроса.

Впрочем, он давно уже привык к тому, что жизнь его наполнена самыми невероятными парадоксами.

И все-таки к началу 1930-х годов Чижевский уже имел обширные связи с видными учеными мира (Ф. Нансен, Ш. Рише, А. д'Арсонваль и другие). Его приглашали для чтения лекций в Париж и Нью-Йорк, выдвигали в почетные академики, его работам

в области гелиобиологии и аэроионизации придавалось большое значение, предлагали купить патент на его работы по аэроионификации.

От последнего ученый решительно отказался, передав свое изобретение «в полное распоряжение Правительства СССР». Благодарность была, мягко говоря, слабой, если вообще была.

С 1924 по 1931 год Чижевский состоял старшим научным сотрудником (в звании профессора) в практической лаборатории зоопсихологии Главнауки Наркомпроса РСФСР. Здесь он ставил опыты по биологическому и физиологическому воздействию аэроионов на животных. В 1927 году в лаборатории, наконец, прошли испытания электроэффлювиальной люстры. И прошли, что не характерно, успешно.

Как результат, с 1930 по 1936 год Чижевский был директором созданной Центральной научно-исследовательской лаборатории ионификации (ЦНИЛИ) Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина. В исследованиях ЦНИЛИ участвовало 50 научных сотрудников, ее труды, вышедшие в Воронеже, составили 2 тома (1-й и 3-й), которые переводились на ряд иностранных языков.

Однако опыты ЦНИЛИ были жестко раскритикованы, и основную роль в этом сыграл директор Всесоюзного Института животноводства Б.М. Завадовский. С момента организации ЦНИЛИ он создавал различные комиссии, деятельность ко-

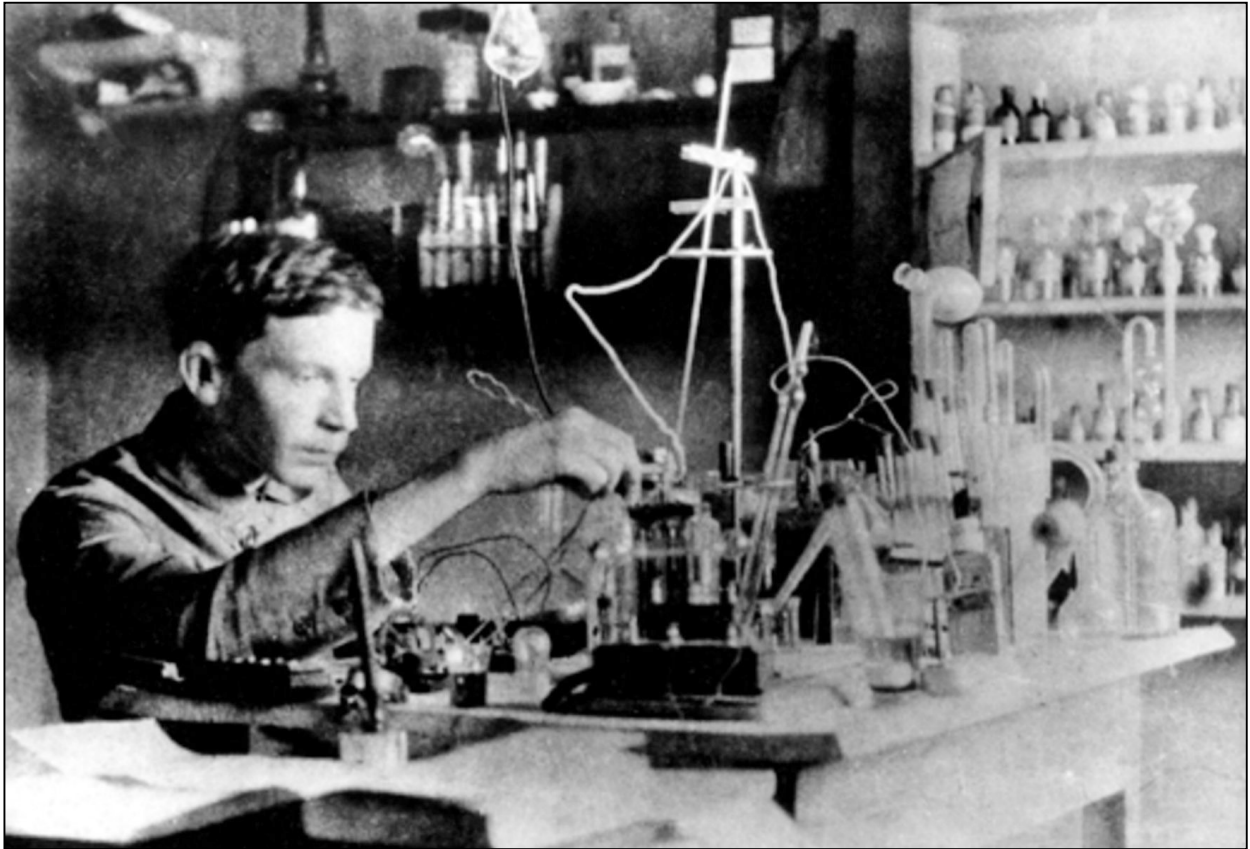
торых завершалась буквально погромами, публиковал в газете «Правда» статьи, порочащие идеи Чижевского (например, в 1935 году в статье «Враг под маской ученого» автор прямо обвинял Чижевского в контрреволюции, называл «носителем антисоветских идей» и «врагом под маской ученого»). В итоге в январе 1935 года запретили издание и распространение работ под редакцией Чижевского, а через полтора года ЦНИЛИ вообще распустили.

Только в конце 1938 года Чижевский был вновь приглашен на работу в качестве... научного руководителя по аэроионификации Дворца Советов.

«Враг под маской ученого» оказался необходим для реализации грандиозных планов партии и правительства. Парадокс, который, однако, никого не удивлял: все мало-мальски талантливые ученые работали под дамокловым мечом клейма «врага народа», как бы много он для этого народа ни делал.

В 1939–1941 годах Чижевский возглавил две лаборатории по аэроионификации (одна — на кафедре общей и экспериментальной гигиены в 3-м Московском государственном медицинском институте, другая — в Ленинградском государственном педагогическом институте) при Управлении строительства Дворца Советов Совнаркома СССР.

При этом звание академика присваивалось другим, заслуги которых были, мягко говоря, сомнительны.

Зато они умели говорить и писать правильные слова и знали, кому их адресовать. И еще — умели пристально следить за успехами других.

Чижевский издал целый ряд научных статей о влиянии солнечной активности. Редактором этих статей выступил первый нарком здравоохранения Семашко. Несмотря на это, постоянно предпринимались попытки дискредитировать Чижевского в глазах Сталина и подставить его под каток репрессий, который в то время набирал обороты.

Сталину доносили на Чижевского, намекали на контрреволюционный и ненаучный характер его деятельности. Упор делался на то, что лженаучные изыскания Чижевского бросают тень на советскую науку.

Вопрос об авторитете советской науки в мире для Сталина был не на последнем месте, поэтому он вызвал к себе Семашко и потребовал объяснений. Семашко, насколько это было возможно, изложил суть сделанных Чижевским научных открытий и возможностей, которые открывались через них в медицине, сельском хозяйстве. Неизвестно, говорил ли Семашко Сталину о том, что открытие Чижевского позволяет предположить, что мир в скором времени ожидают сильные потрясения, такие, как мировая война. Как бы там ни было, но Чижевского на время оставили в покое и дали возможность работать.

Незадолго до начала войны Александра Леонидовича пригласили в

Америку читать лекции. Резолюция — отказать, как политически неблагонадежному. От имени Международного конгресса по науке в Нобелевский комитет был направлен меморандум о научных трудах советского ученого, но отношение властей к нему были таким, что и из этой попытки ничего не вышло. В меморандуме давалась высокая оценка трудов Чижевского, и именно там прозвучало о нем как о «Леонардо да Винчи XX века».

Его пригласили на беседу по этому поводу и, дабы не поднимать шума и не выносить сор из избы, предложили самому отказаться от выдвигания, сославшись на туманные «этические мотивы». Александр Леонидович согласился. Но это не спасло его — маховик ненависти был уже запущен.

Враги могли торжествовать — и торжествовали. Их заветная мечта исполнилась после начала Великой Отечественной войны. В 1941 году Чижевский вместе с семьей эвакуировался в Челябинск, где и был арестован.

22 января 1942 года он был осужден по статье 58, пункту 10 и отбыл 8 лет заключения на Северном Урале, в Подмосковье и в Казахстане. Семью не тронули, что само по себе удивительно.

Хотя... Чижевский был женат четыре раза — любое более или менее серьезное увлечение завершилось браком. Правда, скорее на бумаге, чем в жизни.

Первой женой была некая Самсонова Ирина Александровна, которая родила ему дочь. Больше ничего конкретного неизвестно, кроме того, что Чижевский вообще не общался с женой и ни разу не видел дочку.

Второй женой в 1931 году стала секретарь Уголка Дурова Рощина Татьяна Сергеевна. Официально они развелись в 1951 году, но и до этого не слишком много времени провели вместе.

О третьей жене ничего не известно, кроме одной записи — «Справка-заявление о квартире» от 1 февраля 1960 года: «Прошу о предоставлении мне с семьей отдельной квартиры в три комнаты в одном из центральных районов Москвы. Семейное положение: «Я и жена Таранец Анна Михайловна 48 лет». По-видимому, просьба была удовлетворена: Чижевский переселился в Москву с научным архивом, библиотекой и... четвертой женой, Ниной Вадимовной Энгельгардт.

Вот о ней кое-что известно. Происходила она из дворянского рода Энгельгардтов, в 1924 году была арестована при попытке нелегально покинуть СССР и провела много лет в ссылке в Казахстане, где и познакомилась с Чижевским. Детей в этом браке тоже не было.

Так что о личной жизни ученого известно совсем мало: она была, но как-то в стороне от основной жизни, заполненной наукой и творчеством. Даже арест фактически ничего

не изменил: Чижевский по-прежнему жил в своем собственном мире, куда никому не было доступа. Он и в лагере оставался ученым, найдя спасение в науке, даже ухитрился лагерьную медицинскую лабораторию превратить в научную и на ее базе и при ее скромных возможностях проводить сложнейшие научные исследования.

В Карлаге Чижевскому разрешили создать кабинет аэроионизации, заниматься электрическими проблемами крови. Под его руководством над математическими расчетами по исследованию крови работали видные ученые-узники.

Изучая кровь и процессы, связанные с ее циркуляцией, Чижевский установил взаимосвязь циркуляции крови с окружающей средой и электрическими процессами в организме. Никто не мог понять, как ему это удалось!

Зато об этом знал великий Фарадей, который сказал как-то:

«Настоящий ученый сможет провести эксперимент, соорудив прибор из палочек, веревочек и собственной слюны».

Когда вышел срок заключения, Чижевский написал прошение на имя лагерного начальства с просьбой... дать возможность довести начатые эксперименты. Его назвали сумасшедшим, но разрешение дали.

Это, пожалуй, первый и единственный случай в истории лагерей, когда отбывший срок заключенный добровольно остался в месте заклю-

чения. Именно после этого поступка за Александром Леонидовичем прочно закрепилась репутация «не от мира сего». И, возможно, спасла его от новых репрессий.

В Карлаге Чижевский сделал фундаментальное открытие — структурно-системную организованность движущейся крови. После освобождения в январе 1950 года он был отправлен на поселение в Караганду, а когда через четыре года его освободили от поселения, продолжал жить почти на прежнем месте, только каким-то чудом получил двухкомнатную квартиру.

В Караганде Чижевский работал в качестве консультанта по вопросам аэроионотерапии, заведующим лабораторией структурного анализа крови и динамической гематологии в клинической больнице, лабораторией Карагандинского областного онкологического диспансера и научным консультантом в Карагандинском научно-исследовательском угольном институте.

Известно также, что этот институт собирался номинировать Чижевского за его работу «Электростатическое распыление лакокрасочных материалов и окраска изделий в электрическом поле» на соискание Ленинской премии. Но этому также не суждено было случиться. Путаница с присуждением премии возникла из-за его однофамильца, металлурга и коксохимика, академика АН СССР Николая Чижевского.

Несостоявшийся лауреат трех престижнейших премий обратил внимания на очередную неудачу не больше, чем на перемену погоды. Ему это действительно было безразлично, главное, чтоб не мешали заниматься любимым делом.

*«Катись, катись, родимая телега,
По древней, по проселочной
дороге.*

*С небес следит мерцающая Вега,
А мысли тонут в бесконечном
Боге.*

*И вдруг душа, озлобясь, негодует
На этот мир... Но, исходя в томленье,
Вновь остывает... Свежий ветер
дует*

*Навстречу мне! О, сладко
примиренье!»*

Вернувшись в Москву, он работал в «Союзсантехнике» консультантом по вопросам аэроионотерапии и научным руководителем лаборатории, а в 1961 году стал заместителем начальника в области аэроионизации научно-исследовательской лаборатории по ионизации и кондиционированию воздуха.

Были, наконец, обнародованы труды Чижевского по аэроионификации и по структурному анализу движущейся крови, над которыми ученый работал в Карлаге и Караганде.

В 1962 году его частично реабилитировали (полностью — посмертно).

К сожалению, только «люстра Чижевского» получила широкое распространение и стала «визитной карточкой» ученого, который оформил авторское свидетельство на свое изобретение, навсегда закрепив его за собой в 1939 году. Кто знает, помедли он с оформлением авторства еще несколько лет, и об удивительном приборе мы бы узнали как об изобретении какого-нибудь англичанина или американца. Многие страны пытались сделать аналогичный прибор. Дальше всех продвинулся в этом направлении немецкий «Симменс». Прибор они сделали, но он был настолько маломощен в отличие от того, который запатентовал Чижевский, что смысла в его использовании не увидели ни на производстве, ни те, кто пытался с его помощью оздоровиться. Зато результаты испытаний «люстры Чижевского» были потрясающими. Все врачи рекомендовали этот прибор для скорейшей реабилитации пациентов, считали его незаменимым помощником.

Достаточно сказать, что всемирно известный онкоцентр имени Блохина был полностью оснащен этим удивительным прибором, и врачи постоянно убеждаются в эффективности действия «люстры» на пациентов.

В последние годы жизни Чижевский много работал над воспоминаниями о годах дружбы с К.Э. Циолковским. В начале 1960-х годов несколько раз бывал в Калуге у дочери

Циолковского — Марии Константиновны Циолковской-Костиной, между ними велась оживленная переписка, к сожалению, сохранившаяся лишь фрагментарно.

Александр Леонидович Чижевский умер 20 декабря 1964 года в Москве и был похоронен на Пятницком кладбище. Эта утрата прошла для общественности практически незамеченной — так, парочка маленьких некрологов в не слишком значительных изданиях.

В 1965 году по инициативе Академии наук СССР была организована и проведена работа по изучению архивов ученого и создана специальная комиссия, которая принципиально подтвердила научное значение многих направлений исследования Чижевского и тем самым вернула его имя в мир российской науки.

Правда, посмертно.

Невероятно разносторонний и не очень удобный Чижевский не был ни диссидентом, ни настоящим «советским ученым», а его труды на стыке разных знаний всегда были уязвимы для критики.

Сейчас вспоминают пророчества Нострадамуса, Ванги, которые предсказывали многие катаклизмы и беды на планете Земля. Кто-то верит, кто-то крутит пальцем у виска. Может, настало время заново переосмыслить научные догадки и открытия Чижевского и по-новому взглянуть на нашу действительность, в том числе и на перспективы ситуации с коронавирусом? □

«КРОТ»

«Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя: богатыри — не вы». Такое незабываемое послание оставил нам в назидание Михаил Юрьевич Лермонтов. Человек, о котором пойдет речь ниже, к племени богатырей никак не принадлежал. С детства он отличался слабым здоровьем, а в студенческие годы врачи признали у него чахотку. Он рано стал задумываться о причинах богатства одних людей и бедности других, о несправедливости, жестокости и произволе царских чиновников и о безропотном терпении неграмотных и забитых простых людей. И, после долгих и мучительных размышлений придя к выводу, что виновниками всех бед являются царь и его министры, решил посвя-

тить себя борьбе с самодержавием. В конце своей непродолжительной жизни он сказал: «Я хорошо знал, что мне недолго осталось жить, и вот я хотел хоть последние дни посвятить какому-нибудь хорошему, полезному делу». Но как осуществить свои намерения, он не знал, пока неожиданный случай не свел его с революционной организацией «Народ и воля». Народовольцы приняли его в свои ряды, и этот хронически больной человек, обнаружив богатырский дух, необычайное мужество и несгибаемую волю, сумел принести организации неоценимую пользу. Звали его Николай Васильевич Клеточников.

Он родился 20 октября 1846 года в городе Пенза в интеллигентной, высокообразованной семье. Его отец, Василий Яковлевич, был уездным учителем рисования, а потом служил архитектором. Родители дали своим трем детям прекрасное образование. В пензенской гимназии в то время преподавали выдающиеся учителя, в том числе преподаватель физики и математики И.Н. Ульянов. Вместе с Николаем в гимназии учились будущие революционеры Дмитрий Каракозов и его двоюродный брат Николай Ишутин.

В 1864 году Николай окончил гимназию с серебряной медалью и поступил на физико-математический факультет Московского университета. Среди студентов он вновь встретил товарища по гимназии

Ишутина, который пытался создать в университете тайное общество. Принимал ли Николай участие в этой затее, сказать трудно, так как через год он перевелся в Петербургский университет, где в это время преподавали такие светила науки, как Д.И. Менделеев, П.Л. Чебышев и А.Н. Бекетов. На факультете вместе с Николаем учился Герман Лопатин, будущий политический деятель и революционер, один из авторов первого перевода «Капитала» Карла Маркса на русский язык.

В конце февраля 1866 года, на втором курсе, Николай серьезно заболел, у него обнаружилась чахотка. Он прервал учебу и вернулся домой, в Пензу, а потом, по совету врачей, уехал лечиться на южный берег Крыма, в Ялту. Здесь он работал

письмоводителем уездного председателя дворянства. Такая «карьер», длившаяся пять лет, опостылела ему. Получив небольшое наследство после смерти родителей, Клеточников обосновался в Симферополе и в течение года служил кассиром в Обществе взаимного кредита, где, кстати, получал неплохую зарплату — 1000 рублей в год. В общей сложности он прожил на юге России более десяти лет. Как вспоминал сам Николай, «в глухой провинции, среди чиновников, занимавшихся дрязгами, попойками, вообще ведущими самую пустую, бессодержательную жизнь. Среди такой жизни я чувствовал какую-то неудовлетворенность, мне хотелось чего-то лучшего».

Тем временем в Петербурге, Москве и в других крупных городах нарастало революционное движение против самодержавия, возникла и стала активно действовать подпольная организация «Земля и воля». Ее члены, молодые и образованные люди, рассчитывали добиться политических изменений в стране, в том числе путем убийства ненавистных народу министров царского правительства, губернаторов, градоначальников, членов императорской семьи и даже самого царя. Часто они добивались поставленных целей, однако происходили и крупные провалы. В феврале 1877 года в Петербурге начался «Процесс 50-ти» о «тайном сообществе, задавшемся целью ниспровержения существую-

щего порядка». Клеточников был поражен мужественным поведением подсудимых, которым было всего-то по 20–25 лет. В их числе было 16 девушек, и одна из них, юная Софья Бардина, заявила судьям: «Преследуйте нас — за вами пока материальная сила, господа, но за нами сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи».

В октябре того же года грянул «Процесс 193-х пропагандистов». На следующий день после объявления «пропагандистам» приговора, молодая учительница Вера Засулич проникла в кабинет петербургского градоначальника Ф. Трепова и выстрелом в упор тяжело ранила его. Царские власти были не на шутку напуганы. Государственный канцлер А. Горчаков отчитал министра юстиции К. Палена: «Вы думали убедить наше общество и Европу, что это дело кучки недоучившихся мечтателей, мальчишек и девчонок, и с ними нескольких пьяных мужиков, а между тем вы убедили всех, что это не дети и не пьяные мужики, а люди вполне зрелые умом и с крупным самоотверженным характером, люди, которые знают, за что борются и куда идут... Теперь Европа видит, что враги правительства не так ничтожны, как вы это хотели показать».

Клеточников восхищался стойкостью этих людей, мечтал вместе с ними участвовать в революционной борьбе, но его мучили сомнения, хватит ли у него для этого сил. Тогда перед ним живым укором возни-

кали образы храбрых девушек, и ему становилось за себя стыдно. Наконец он принял решение ехать в Петербург, разыскать этих смелых революционеров, войти в их ряды и стать участником и исполнителем задуманных ими террористических актов.

В сентябре 1877 года Николай поступил вольнослушателем в Петербургскую медико-хирургическую академию. Это был, пожалуй, единственный путь к осуществлению его планов. Он начал заводить связи с радикально настроенными студентами, но тут болезнь неожиданно снова свалила его и вынудила вернуться в Симферополь, а затем в родную Пензу. Год ушел на поправку здоровья, и в конце 1878 года он вернулся в Петербург. В столице у него были две знакомые землячки, учившиеся на высших Бестужевских женских курсах. В один из декабрьских дней девушки рассказали знакомому им редактору «Земли и воли» Николаю Александровичу Морозову, что с ним хочет встретиться серьезный и надежный человек. Вместе с Морозовым на встречу пришел еще один человек, назвавшийся Петром Ивановичем. На самом деле это был Александр Дмитриевич Михайлов — глава Исполнительного комитета «Земли и воли». Он лично контролировал подбор и прием новых членов в организацию. Безошибочным чутьем подпольщика Михайлов сразу увидел в Клеточникове нужного для организации человека, и, не откладывая дело в «долгий ящик», обратился к нему: «Вы,

Николай Васильевич, ежели разделяете идеи свободы, то, как человек вне всяких подозрений со стороны правительства, можете оказать нам большую услугу». Клеточников немедленно откликнулся: «Я готов принять участие в каком-нибудь опасном предприятии». — «Опасных предприятий пока не требуется», — остановил Михайлов этот благородный порыв. «Чем же тогда я могу быть полезен?» Ответ очень удивил Клеточникова: «Вам надо снять комнату в доме №96/1, расположенном на углу Невского и Надеждинской улицы, войти в доверие к хозяйке и понаблюдать за нею. Мы уверены, что она доносчица». В доме по указанному адресу проживала солидная дама, вдова полковника, Анна Петровна Кутузова. В молодости она была красавица, дружила с дипломатами, а добытую у них информацию сообщала в Третье жандармское отделение. Анна Петровна сдавала меблированные комнаты для постояльцев, в том числе и для землячек Николая Васильевича, от которых и стало известно, что у нее на квартире часто собираются жандармские агенты. Клеточников снял одну из комнат у мадам Кутузовой, и вскоре тихий, скромный и безработный жилец сумел покорить ее сердце умением искусно раскладывать пасьянс. Вечерами, за чашкой чая с малиновым вареньем, перебирая карты, вдова рассказывала ему о своем бурном прошлом. Прошло еще немного времени, и Николай Васильевич стал

пользоваться у вдовы полным доверием: политикой он не интересовался, лишь иногда, вздохнув, жаловался, что никак не может найти службу, хотя имеет хороший опыт в канцелярских делах. У Кутузовой от жильца не стало никаких секретов, она призналась, что и по сей день помогает жандармам, и предложила Николаю Васильевичу свою помощь в устройстве в этой конторе. Ее предложение поставило Клеточникова в тупик. Он попросил дать ответ на следующий день: нужно было выиграть время, чтобы посоветоваться

лов приказ». Три дня в неделю Клеточников должен был являться к генералу Кирилову и докладывать о результатах наблюдения. Но тайного агента и доносчика из него не получилось. Промучившись около двух месяцев, он ни одного подпольщика, ни одной конспиративной явки так и не выявил. Докладывать было нечего. Чтобы как-то оправдаться перед начальством, Николай даже уговаривал Михайлова придумать для него какое-нибудь «пустяковое разоблачение». Однако Александр Дмитриевич принял другое решение —

К

леточников восхищался стойкостью членов подпольной организации «Земля и воля», мечтал вместе с ними участвовать в революционной борьбе и принял решение ехать в Петербург, разыскать этих смелых революционеров, войти в их ряды и стать участником и исполнителем задуманных ими террористических актов

с Михайловым. А Михайлов давно мечтал внедрить в охранку своего человека, и это предложение ему очень понравилось. Он предложил Клеточникову не только дать согласие, но и быть усердным на предлагаемой работе и добиваться продвижения по службе.

25 января 1879 года Николай Васильевич Клеточников был определен «по вольному найму» в Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое в народе называли «Стука-

подать прошение об освобождении его от агентурной службы «по причине врожденной близорукости и слабости здоровья», что было чистой правдой. Вновь помогла мадам Кутузова, обратив внимание генерала на то, что ее жилец обладает каллиграфическим почерком, а в те времена это ценилось очень высоко. Лично проверив почерк Клеточникова, генерал был приятно удивлен, и в марте 1879 года Николай Васильевич был зачислен, пока еще по-прежнему «вольнонаемным»,

Александр Дмитриевич Михайлов

в третью агентурную экспедицию, основное подразделение Третьего отделения. (Третье отделение состояло из пяти «экспедиций», плюс корпус жандармов). Здесь были сосредоточены все агентурные сведения по политическим делам, и он, занимаясь перепиской особо секретных документов, был посвящен во все, что входило в круг деятельности этого подразделения.

Проникновение в святая святых политического сыска открыло перед революционным подпольем невиданные возможности обезвреживать практически любые замыслы жандармов. Первым успехом Клеточникова было разоблачение провокатора Рейнштейна. Этот агент охраны, по прозвищу «Николка», вошел в доверие к руководству «Северного

союза русских и рабочих» и за 1000 рублей серебром уже сообщил список всех его членов. Он же, после двухлетней слежки, сумел обнаружить подпольную типографию «землевольтцев». Полиция совершила облаву, но в помещении было пусто: ни станков, ни людей и никаких следов, за что можно «зацепиться». По приговору Совета «Земли и воли» агент был ликвидирован, его нашли мертвым в номере московской гостиницы.

В Третьем отделении началась паника. 24 марта 1879 года была проведена массовая облава на квартиры подозреваемых в революционной деятельности. Поиски ни к чему не привели. Но на одной съемной квартире, в которой проживали две молодые подпольщицы, в мусорной корзине были найдены обрывки записки с предупреждением о предстоящем обыске. Тотальной проверке подверглись все сотрудники Третьего отделения, допущенные к секретным документам, включая Николая Васильевича, так как именно он переписывал текст распоряжения о проведении обысков. Однако генерал Кирилов считал, что выдать тайну мог кто угодно, но только не Клеточников. Подозрение пало на невинную сотрудницу, которая могла предупредить своих подруг, так как знала, что они были в списках неблагонадежных. Не поднимая шума, во избежание позора, ее тихо уволили.

Пережив этот опасный период, Николай Васильевич продолжал трудиться с еще большим усердием.

Иногда он оставался в конторе после окончания рабочего дня и работал до позднего вечера. В полном одиночестве он открывал секретные сейфы и изучал различные досье и документы, в том числе доклады секретных агентов. Всю информацию Клеточников незамедлительно передавал Михайлову. Со всеми предосторожностями они встречались на конспиративной квартире, хозяйкой которой была молодая революционерка, якобы невеста Николая Васильевича. Встречаться приходилось часто, в некоторые месяцы почти каждый день. Клеточников обладал удивительной памятью. Ему не надо было делать никаких выписок, он легко запоминал имена и фамилии, цифры, адреса и планы готовившихся

арестов, облав и провокаций. Все это он по памяти докладывал Михайлову, даже давал устные портреты сыщиков — описывал их внешний вид, походку и особые приметы — и буквально парализовал работу Третьего отделения. В атмосфере взаимной подозрительности, теряясь в догадках, жандармы и полицейские безуспешно пытались раскрыть причины столь загадочных и частых провалов в своей работе. Неожиданная подсказка пришла им от коллег из Европы. Императору Александру II положили на стол анонимное письмо, в котором сообщалось, что в Третьем отделении работает «крот», — грамотный, опытный и опасный революционер. Император переслал письмо шефу

корпуса жандармов с грозным приказом: «Найти изменника и навсегда запереть его в крепости». Начались повальные обыски, аресты и допросы, но обнаружить «крота» никак не удавалось. Он как сквозь землю провалился. Власти предприняли невиданный до сих пор шквал репрессий. Только в 1879 году было издано 445 полицейских приказов. В ответ народовольцы ответили активизацией террористической деятельности. В их программе было написано: «Искусно выполненная си-

жизнь царя было совершено 2 апреля 1879 года. Утром, в первый день Пасхи, Александр II в одиночестве(!) шел по набережной Мойки, направляясь в сторону Дворцовой площади. Здесь его настиг террорист-народник А. Соловьев, вооруженный револьвером мощной системы. Александр II заметил стрелка и стал убегать, меняя при этом направление движения. С расстояния около десяти метров террорист выпустил обойму из пяти патронов в спину императору, но все пули пролетели ми-

Он обладал удивительной памятью. Ему не нужно было делать никаких выписок, он легко запоминал имена и фамилии, цифры, адреса и планы готовящихся арестов, облав и провокаций. Все это Николай передавал руководителю своей организации Михайлову и в результате буквально парализовал работу Третьего отделения...

стема террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10–15 человек — столпов современного правительства — приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы, т. е. создаст удобный момент для нападения. Пользуясь этим моментом, заранее собранные боевые силы начнут восстание...» Но главной своей целью они ставили убийство царя. Очередное, третье (после выстрелов Д. Каракозова и поляка А. Березовского в Париже) покушение на

мо. Подоспевшие жандармы задержали преступника и доставили его в полицейское управление. 25 мая состоялся суд, и через три дня Соловьев был повешен. Революционеры поклялись отомстить за своего соратника, и 26 августа 1879 года Исполнительный комитет «Народной воли» вынес смертный приговор Александру II. Было организовано очередное покушение. Для этой цели народоволец С. Халтурин с фальшивым паспортом устроился работать плотником в Зимнем дворце, пронес туда 30 кг динамита и 5 фев-

раля 1880 года осуществил взрыв под царской столовой. Император в тот день задержался с обедом, и это спасло ему жизнь. Пострадала царская охрана: погибло 11 человек, 56 было ранено, а дворцу был нанесен серьезный ущерб.

Террор «Народной воли» вызвал у властей страх и растерянность. Наследник престола откровенно признался: «Страшное чувство владения всеми нами. Что нам делать?» Однако отец был спокоен: он был уверен, что террористам никогда не удастся отнять у него жизнь, так как считал, что находится под защитой Всевышнего. Тем не менее, памятуя народную мудрость «На Бога надейся, а сам не плошай», он потребовал от правительства принятия самых жестких мер, а 5 апреля 1879 года подписал указ о назначении в Петербурге, Харькове и Одессе временных генерал-губернаторов. Им предоставлялись чрезвычайные полномочия, вплоть до введения военного положения и вынесения смертных приговоров. А царская охранка подверглась колоссальной реорганизации. В феврале 1880 года Третье отделение было ликвидировано и передано в Департамент государственной полиции при Министерстве внутренних дел.

Для Клеточникова эта реорганизация обернулась дальнейшим карьерным ростом. С декабря 1880 года он стал заведовать секретной частью 3-го делопроизводства, а через год был назначен младшим по-

мощником делопроизводителя Департамента полиции. Теперь Николай Васильевич был посвящен во все политические розыски, производившиеся не только в Санкт-Петербурге, но и по всей империи. Он контролировал сбор и хранение секретной информации, имел ключи от шкафов и от сейфа с документами особой секретности, принимал участие в совещаниях руководства. Начальство ставило Клеточникова в пример другим чиновникам, он часто получал денежные премии, его стали приглашать на званые ужины. А в апреле 1880 года случилось совсем уж невероятное событие: Александр II, по представлению Лорис-Меликова, пожаловал революционеру Клеточникову за его «отлично-усердную и ревностную службу» орден Святого Станислава 3-й степени и прибавку к жалованию!

Напряженная двойная жизнь во вражеском окружении ненавистных ему людей требовала от Николая Васильевича необычайной стойкости, самообладания, мужества и даже артистизма. Особенно тяжело было, когда ему приходилось участвовать в «дружеских вечеринках». Один из его близких товарищей впоследствии вспоминал: «Его жизнь была жизнью мученика. Глубочайшая тайна, какую надо было окутать даже его существование, совершенно изолировало его от людей единомыслящих<...>, удаляя его от всего честного и достойного общества, за исключением двух-трех человек,

которые не могли его компрометировать.<...> Итак, почти всегда он оставался среди людей, которых презирал и ненавидел, но с которыми вынужден был вечно играть ненавистную ему роль их сообщника и единомышленника. Это положение производило самое ужасное впечатление на Клеточникова — большой пессимист вообще, с каждым днем он становился таковым все больше и больше... Он даже состарился под тяжестью печального знакомства с извращением человеческой природы...» Беда, как это всегда бывает, пришла неожиданно. 28 ноября 1880 года арестовали Михайлова. Николай Васильевич был потрясен этим арестом, однако продолжал передавать информацию Баранникову. Вскоре пришлось

сменить место свиданий, так как «невеста» тяжело заболела. Для продолжения конспиративных встреч комитет, крайне неудачно, выбрал квартиру Колодкевича, который давно находился в розыске. 28 января 1881 года Колодкевич и Баранников были также арестованы. В этот же день, по поручению комитета, Анна Корбе трижды приходила на квартиру Клеточникова, чтобы сообщить ему об этом, но так и не застала его дома. В третий раз она оставила для него записку: «Николай Васильевич. Мне Вас нужно видеть, да не знаю, когда Вас захватить дома. Вы знаете, что я гуляю перед обедом по Невскому (солнечная сторона) около 5 час. Не будете ли так добры вернуть на Невский в это время». Кроме того, она отправила ему по почте открыт-

ку. Этими запиской и открыткой Анна пыталась предупредить Николая Васильевича: до встречи с ней ни к кому не ходить и не посещать квартиры Колодкевича. И тут произошла роковая случайность, от которой никто и никогда не застрахован.

ситуации в организации не проигрывались, к такому «сценарию» он не был готов, поэтому «выпутаться» не сумел и был арестован.

Всего было арестовано двадцать народовольцев, в том числе предатель Меркулов. Судебный процесс

В

Всего было арестовано 20 народовольцев, среди которых оказался и Клеточников. На судебном процессе дело слушалось за закрытыми дверями. 15 февраля был объявлен приговор: всех арестованных приговорили к смертной казни через повешение, но затем, когда на престол вступил Александр III, казнь была заменена на пожизненную каторгу, а Николай оказался в застенках Алексеевского рavelина. Там неизлечимо больной Клеточников и скончался. Это было в 1833 году

Клеточников не сразу узнал об аресте Баранникова и Колодкевича, так как их арестовали не жандармы, а городская полиция. А когда узнал, то прямо со службы побежал на квартиру Колодкевича, чтобы оставить там сигнал опасности. С улицы он заметил выставленный в окне знак безопасности, позвонил в дверь условленным звонком, но дверь ему открыла ... полиция! Увидев перед собой чиновника департамента тайной полиции, сыщики от неожиданности буквально остолбенели. В этот момент Николай Васильевич мог бы воспользоваться их замешательством и представить свое появление как контрольную проверку. Но такие

над ними рассматривался особым присутствием Сената с 9 по 15 февраля 1882 года под председательством сенатора Дрейера. Дело слушалось при закрытых дверях, присутствовали лишь немногие высокопоставленные чиновники и высшие чины Министерства внутренних дел. Клеточников, по словам Михайлова, вел себя «решительно и достойно». На суде он заявил: «Есть одно отвратительное учреждение, которое развращает общество, которое заглушает все лучшие стороны человеческой природы и вызывает к жизни все ее пошлые темные черты. Таким учреждением было Третье отделение. Тогда, гг. судьи,

я решился проникнуть в это отвратительное учреждение, чтобы парализовать его деятельность». Председатель с иронией перебил его: «Кому же вы служили — этому отвратительному учреждению (то есть, по вашим словам, отвратительному) или кому-нибудь другому?» «Я служил обществу», — ответил Клеточников. «Какому же такому обществу? Тайному или явному?» — «Я служил русскому обществу, всей благомыслящей России». — «Вы получали жалование в Третьем отделении?» — «Да, получал». — «И вы находили возможным брать деньги из этого отвратительного учреждения, как вы его называете? «Если бы я не брал, то это показалось бы стран-

ным, и я навлек бы на себя подозрение». — «Сколько же вы брали от этого мерзкого учреждения?» — «Мне платили много, и это был неплохой вклад Третьего отделения в нашу организацию! Премного благодарны»...

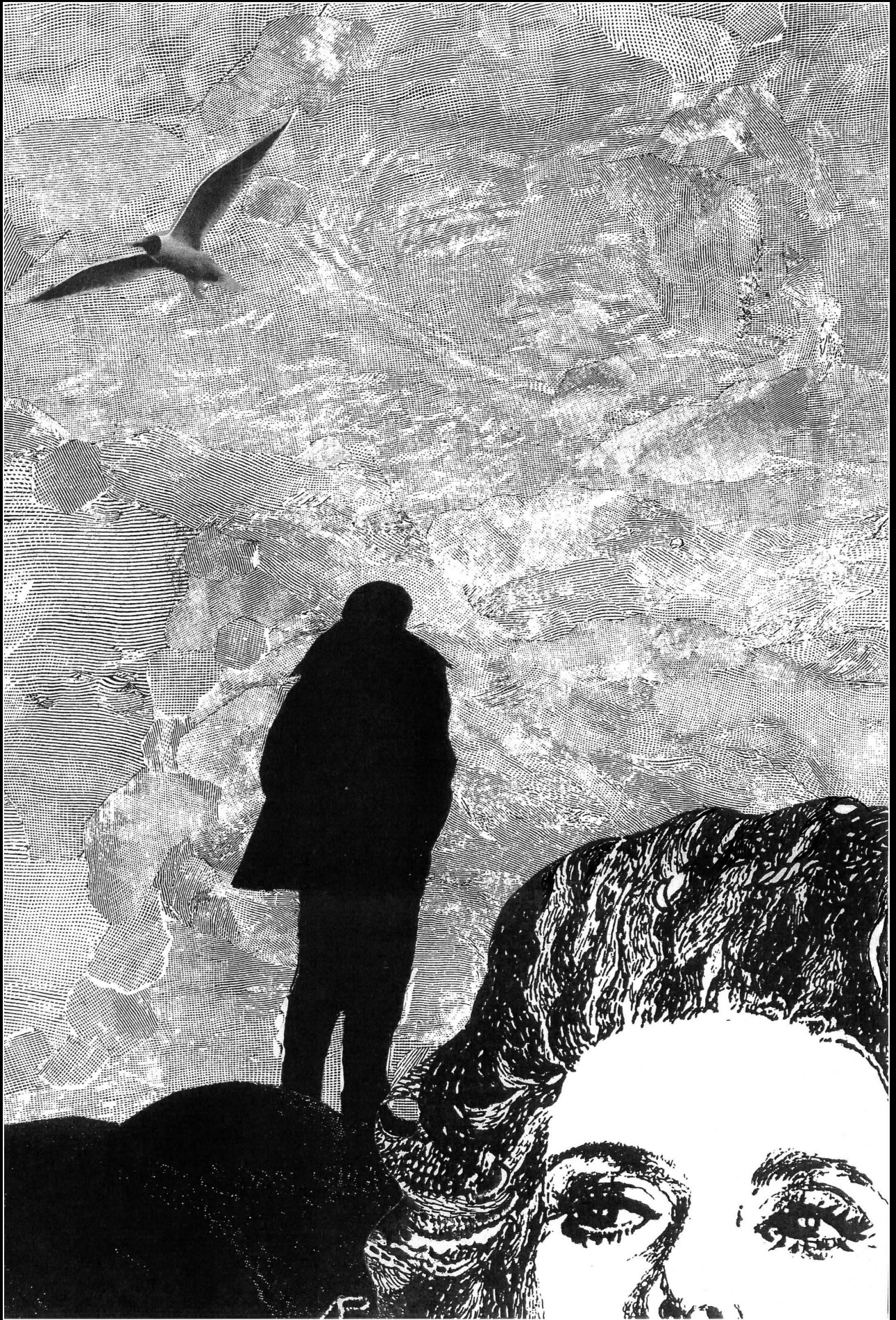
Тем временем, пока шло расследование и судебное разбирательство, оставшиеся на свободе народовольцы, несмотря на понесенные потери, упорно готовили очередное покушение на царя. На этот раз кровавый план им удался: 1 марта 1881 года на набережной Екатерининского канала бомбисты подстерегли императорский кортеж и смертельно ранили Александра II. Не доезжая до госпиталя, царь умер от потери крови.

В последний день суда, 15 февраля, когда подсудимые были введены в зал, в наступившей тишине подсудимый Тетерка со всей революционной принципиальностью нанес мощный удар по физиономии предателя Меркулова. Раздались аплодисменты, кто-то несмело произнес «Браво!» В этот же день был объявлен приговор: Михайлова, Колодкевича, Клеточникова и остальных подсудимых приговорили к смертной казни через повешение, но затем казнь была заменена на вечную каторгу. Вступивший на престол Александр III «уважил» ходатайство суда, и вместо каторжных работ подсудимых отправили в мрачные застенки Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, то есть на мучительную и неминуемую смерть. Хуже всех пришлось Клеточникову. Жандармы знали, что Николай Васильевич неизлечимо болен чахоткой, и его нарочно поместили в самую промозглую камеру и лишили прогулок. Он требовал облегчить участь своих товарищей и объявил голодовку. Один из надсмотрщиков рavelина был некто Соколов, который знал Клеточникова по работе в Третьем отделении. На седьмой день голодовки, когда Николай Васильевич уже не мог двигаться, Соколов приказал накормить его силой щами из кислой капусты и полусырой ячневой кашей. Через три дня Клеточников скончался в диких муках от воспаления желудка. Это случилось 13 июля 1833 года.

Судебный процесс проходил в полной тайне, долгие годы сведения о нем не публиковались, поэтому мадам Кутузова не могла понять, куда исчез ее жилец, ни о чем ее не предупредив. Сделанный ею расклад пасьянса указывал на неожиданный удар судьбы и казенный дом. Наконец от генерала Кирилова она узнала всю истинную трагическую картину происшедшего и, поняв, что и сама оказалась невольной участницей, как это ни странно, прониклась к жильцу какой-то особенной симпатией. Разобраться в том, кто прав — жандармы или революционеры, — она не могла, но, самое главное, она не могла понять, зачем понадобилось убивать царя-батюшку? □

Юрий Орлов

Босанова

Человек и его образ — это не одно и то же: первый потерян среди людей, второй потерян в тебе. Ты не станешь тревожить механизмы воспоминаний, пока он живет рядом, а после работы или в выходной день есть возможность выйти на связь. Вы договоритесь о встрече, пройдетесь вдоль набережной. Зимой будет крепкий мороз и хрустящий снег, весной запах цветущих лип и улыбки женщин. Вы вспомните ушедшие дни или почитаете стихи, может быть, оказия унесет в Судак, где игра в нарды или преферанс вместе с живущими по соседству любителями крымского портвейна отвлечет на время от привычных невзгод. А после игры пройдетесь подышать отшумевшей грозой приморья.

Но когда человека больше нет, то позвонить можно только в какой-нибудь уголок своего сознания, где память удерживает только часть образа.

Ты начинаешь метаться по глухим чуланам полушарий, и становится понятно: все оставшееся в несовершенной системе человеческого разума — это размытый портрет, не слишком четкий, дополняющийся несколькими фото из альбома. Быть может, ощущение потери придет в телефонном разговоре. Его бывшая подруга зайдет жалобами на здоровье, кошку, одиночество и мужа. И здесь, благодаря тоскующей без него ли, без чего-то ли иного душе, приходит время для поиска потерянного осколка, потому что на утверждение «вы же были друзьями», ты неожиданно для самого себя ответишь: «нет».

Много ли вспомнится и отложится на чистом листе бумаги в виде букв и предложений? Ведь дни, прожитые без строчек, изредка намекают на то, что время незаметно махнуло ресницами, прокрутив за окном лишь бесполезную череду дождей. Остались только веселые и грустные занозы, все остальное — вакуум.

Всегда мучает вопрос, нужно ли персонажу настоящее имя, ведь мой герой отличен от знакомого кому-то человека, поэтому всегда могут возникнуть претензии родственников и друзей. Скорее в силу природной лени ко

всякой выдумке почти все имена оставлю без изменений. Во всяком случае, пишу для его истинных друзей и одного врага, но не исключаю, что это всего лишь росчерки в пустоте, которые никто никогда не прочтет. Вот Догаев, к примеру, вполне резонно заметил, что я просто бумагомаратель, поскольку все уже написано в античные времена, и ничего нового уже не придумать. (Возможно, здесь был намек на создание оригинальной философии жизни.)

Не могу согласиться. Эволюция продолжается, и у каждого времени есть свой герой, который вынужден сочинять оправдания тому, что живет, как гнусный эгоист, и эти оправдания называет оригинальной философией жизни.

В общем, вытаскиваю занозы.

Однажды под Новый год в комнату ко мне забрела одинокая хандра. Оторвав глаза от компьютера и оглядевшись по сторонам, я вдруг обнаружил, что холодильник тоскует по продуктам, шампанского нет и в помине, и человека, с которым можно его выпить, поблизости тоже не наблюдается.

Закрывались последние магазины, и сыпала с неба мелкая крупка, которая тут же таяла, превращаясь под светом фонарей в блеск тротуаров.

Его дом находился через дорогу, в частном секторе, и я подумал, что пришло время найти Стаха, если он не уехал и еще жив. По правде говоря, я не делал себе подарка, а попросту искал спасения от одиночества, потому что знал от людей, которые с ним встречались, о бедственном положении нашего общего знакомого и его пристрастии к алкоголю. Решив, что ничего не теряю, и, не надеясь на обретение ценного общения посреди жизненной пустоты, я пересек пешеходный переход и, выйдя на Стрелковую улицу, двинулся по направлению к Малому Салгиру.

Помнилось, что у ворот, где жил Стах, имелся потаенный звонок.

Семнадцать лет отделяли меня прежнего от этой ночи. Номер дома стерся из памяти, но я рассчитывал на то, что смогу разыскать нужные ворота благодаря упрямой в ограде кнопке.

Я нашел ее без труда и нажал, ничуть не колеблясь.

Долго никто не открывал. Снежная крупка перешла в настоящий дождь. Я собрался, было, уходить, но вот во дворе послышались мокрые шаги, залаяла собака, щелкнула задвижка, и калитку в воротах открыл незнакомый парень.

— Шура Стахорский живет здесь?

— Да. Проходите, он там, у себя, — вяло махнул рукой парень, указывая направление.

Двор не изменился, только орех заметно вырос, и собака другая, хотя по виду не менее свирепая. Я по привычке притерся к углу дома, зная, что длинная цепь не позволит псу дотянуться до ног, и пошел в сторону времянки.

Не постучавшись, открыл дверь и оказался в крошечной и весьма запущенной комнате. Не желая быть сразу узнанным, я надвинул фуражку на лоб, но Стах все равно узнал меня и воскликнул: «Геник!»

Он выглядел глубоким стариком, и, сидя на не заправленной кровати, казался маленьким, хотя роста был высокого. Его длинные седые волосы, собранные на затылке в хвост, имели рыжинку, лицо почернело от табака и алкоголя, а зубов почти не осталось.

Стах вскочил и бросился обниматься. В этих объятиях была радость найденного животного. На зов пришла его сестра, не очень довольная с виду, однако, узнав меня, вероятно, что-то вспомнила, оттаяла и улыбнулась. Ольга находилась в разводе, она пела в ресторане недалеко от вокзала. Как выяснилось, мне открыл ее сын.

Похоже, в воздухе витала отшумевшая ссора, которая обрекала их на встречу Нового года порознь. Проходя мимо дома, я успел заметить через окно новогоднюю елку и накрытый стол, к которому моего приятеля не собирались приглашать (он был в майке и босой). К тому же замок, висевший на холодильнике, проводил черту пищевого раздела.

Я держал в руке пакет с бутылкой водки, ветчиной, хлебом и какими-то консервами, борясь с желанием повернуться кругом и бежать назад, чтобы не пропустить куранты.

Сестра Стаха моментально, по-женски обвела меня глазами и воскликнула:

— Кайф! Просто Дед Мороз! — Затем повернулась к брату и попросила: — Если у тебя есть чистые носки, то надень их. Рубашка, надеюсь, тоже найдется. Идите в дом к столу, нам есть что вспомнить.

— Я не знал, что ты приехал, — сказал Стах, когда мы выпили по рюмке, и немного утихли басы восторгов.

— Уже год, как вернулся.

— Почему не заходил?

— Забыл про тебя. А сегодня вспомнил. Много лет прошло.

— Геник, как хорошо! Это настоящий подарок! А ты все еще пишешь свой гениальный роман?

— Все еще пишу.

— И лечишь радикулиты?

— Если просят.

— Оля, ты помнишь, как Геник вылечил мою спину?

— Ой, ну, эту пластинку про твои способности лечить Шура регулярно ставит себе на язык! Просто кайф, что ты явился! Послушаешь легенды про самого себя! Кстати, у меня болит поясница...

Тридцать лет назад мы со Стахом попали на гастроли вместе с рок-группой, которая называлась «Вторая половина». То было время, которое предшествовало распаду нашей страны. Железный занавес стремительно

раздвигался, и сквозь него неслись потоки новой музыки, которую мы выпитывали с жадностью голодных вампиров. Эти потоки, наряду с умирающей экономикой, разрушали привычный уклад жизни областных филармоний, кассы которых опустели в ожидании звезд. Тогдашний директор Курской филармонии поддался на уговоры администратора «Второй половины» и принял группу к себе под крыло в надежде сотворить собственную курочку, несущую золотые яйца.

Я оказался там по глупости, которая состояла в том, что мне хотелось написать какой-нибудь гениальный роман. Бывает, что молодость и эгоизм слишком высоко ценят свои способности, во всяком случае, со мной и моими друзьями случилось именно это — мы жаждали славы и денег. Музыканты — на поприще музыки, а я — на стезе литературы.

Стах, пожалуй, единственный из нас, кто не страдал высокой самооценкой. Он был страстным почитателем «Лунного Пьеро», произведения в стиле арт-рок, написанного нашим другом Саней, лидером «Второй половины». Скоро я в такой мере увлекся этой музыкой, что забыл о писательских притязаниях. Так часто происходит, когда попадаешь под чужое влияние, и твое эго капитулирует, соприкоснувшись с течением иных судеб, иных, более сильных талантов. Люди, которые предостерегали от этого, не были услышаны. Я променял свое поприще на чужое.

Никак не оставляет одна мысль, которую я никогда не осмеливался высказать в кругу старых друзей (с ними отрадно отдаваться магической власти звука, идущего от гитар, барабанов и синтезаторов). Но все чаще, находясь наедине с самим собой, я формулирую ее так: никакое падение цен на нефть в хрипящих девяностых не сравнится с той разрушительной силой, которую принесла музыкальная стихия, обрушившись на наши неокрепшие души. Возможно, она соответствовала пульсу молодых сердец, звала к революции сознания, к исследованию пространства, которое находилось там, где эта музыка рождалась, откуда приходила к нам в сопровождении завораживающего кино Голливуда. Запад трубил на весь земной шар, неся на нашу землю чудесную сказку иного мира, и звуки музыки подкрепляли мощную иллюзию, на крыльях которой прилетели иные взгляды, иные интересы, иные сочетания слов, что в совокупности сконструировало вирус разборки осознанного взгляда на реальность. Здоровому организму такие вирусы не страшны, он воспринимает музыку как чистый и свободный от идеологии вид энергии, но если иммунная система сознания ослаблена, то сопутствующие потоки, связанные с религиями, философией и экономическим укладом потребительского общества, непременно начнут свою разрушительную работу.

Тем, кто устоял и принял на себя эту стихию, не поддавшись соблазну найти свое место в других странах или мимикрировать под пришедшие

ритмы и ноты, еще только предстоит возродить музыку своей земли и своего неба.

По дороге в Курск у меня украли в плацкарте теплые сапоги. А у Шуры таких сапог вовсе не имелось. В тридцатиградусный мороз мы беспечно тащили тощие сумки с вокзала в филармонию, шагая по снегу в летних туфлях. Я тогда уже был женат, моей дочери исполнилось два года, и с каждым шагом в сторону предстоящих гастролей в семейных отношениях натягивалась невидимая струна, которой неизбежно суждено было лопнуть.

Нас оформили на работу артистами вспомогательного жанра, проще говоря, грузчиками. С этой минуты мои писательские амбиции стали растворяться в повседневной возне с аппаратурой и светом, а также в добыче наличных на пропитание.

— Геника однажды чуть не убило большим током, — сказал Стах. — Мы делали пульт управления светом, и он осмелился залезть в трансформаторную под сценой. Коротнуло со взрывом!

— Что поделатъ, если электричество — мне не друг. — Я сидел за столом, вертя рюмку и глядя на елку. Переливчатые гирлянды напоминали ужасную резь в глазах, приобретенную, как итог беспечного отношения к физике высоких напряжений.

— А я кричал: «Геник»! Было темно и тихо. Геник молчал. Все решили, что его уже нет...

Этот случай нас очень сблизил, может быть, потому, что Шурины вопли и мое собственное имя, звучащее далеким эхом, отчетливо донесли до моего полупризрачного сознания, что на тот момент во всем здании Курской филармонии жизнь грузчика-осветителя Гены интересовала только одного человека. После инцидента и того, как Шура заботливо сопроводил меня к офтальмологу за глазными каплями, я стал прощать ему постоянное курение в гостиничной комнате и такое же постоянное нытье по поводу отсутствия секса. (А курил он, надо сказать, не только табак).

— Да, Шура, ты так громко меня звал, что я очень быстро врубился, что нахожусь все еще на этом свете! Разве я мог бы узнать об этом, если бы не ты?!

О чем еще шла беседа в ту новогоднюю ночь? Кажется, вспоминали день рождения Ольги. Но чтобы вытащить из памяти еще один эпизод, пришлось на пару лет глубже нырнуть в былое, и я помню, что думал тогда совсем не про день рождения, а про то, что в этом доме почти не изменилась обстановка, чего нельзя сказать о его обитателях.

Когда возвращался, неуверенно шагая по дороге, над которой висел запах отшумевших петард, не давала покоя фраза Стаха о том, что любовь к женщине бывает одна.

— Это у тебя одна, а у меня нет, — утверждал я, смутно припоминая, что лет двадцать назад мы уже спорили на эту тему. Думалось об иллю-

зорности прошлых отношений и необъяснимом переносе одного и того же чувства на следующую женщину. Моего приятеля, однако, этот вопрос не беспокоил, потому что он всю жизнь любил Инну, которую увел у своего бывшего друга. Хотя после того, как они с Инной расстались, Стах с головой окунулся в «большой секс».

Мы стояли на веранде, слушая дождь, он ухмыльнулся беззубым ртом и несколько раз шепеляво прогундосил, что из «большого секса» ушел всего-то пару лет назад. Правда, через минуту с гордостью добавил:

— Иногда все же перепадает...

Я долго не мог уснуть вместе с мыслью, что мне, видимо, придется взять на себя материальную поддержку Шурино алкоголизма.

Во мне пробудилась ответственность, и показалось, будто я потрогал ручку двери, за которой скрывается тайна отношений между всеми, кого Всевышний погрузил в эту жизнь. Я так и остался стоять перед ней, умом понимая, что, если какой-то секрет и существует, то назвать его можно либо «любовь», либо «ненависть». Эта дверь очень редко бывает открытой для тех, кто много рассуждает на подобные темы, вот я и повернулся кругом, чтобы, наконец, забыться в предрассветном сне, который ведет в отдельную калитку по имени безразличие.

Проснувшись, я понял, что нахожусь перед той же дверью. И что мимо не пройти.

Во время наших гастролей он просыпался рано и первым делом забивал длинную папиросу, которой пыхтел, стоя у раскрытой форточки в одних трусах, сутулясь и покашливая. Затем заваривал стакан крепкого чая и снова залезал в постель, чтобы читать Пруста или Фолкнера. Однажды Шура пересказал мне рассказ Фолкнера «Полный поворот кругом», да так красочно, что прочитанный позже оригинал показался бледноватым.

— Зачем ты с утра куришь? — спросил я. — У тебя и без того шатаются зубы!

— Оттого, что если не буду курить, то запью, — ответил он, смотря в книгу.

— Отчего же запьешь?

— Оттого, что нет секса. — И он снова погружался в книгу.

Стах был полон талантов, не дошедших до ума и воли. В школе поражал учителей математическими способностями, которые во взрослой жизни проявились лишь в навыках заядлого любителя преферанса. Отучившись в музыкальном училище два курса по классу тромбона, бросил учебу и занялся ударными, но здесь дальше игры на свадьбах дело не пошло.

В нем жила фанатичная и даже идолопоклонническая любовь к некоторым музыкантам, среди которых группа «Вторая половина» занимала, пожалуй, первое место. Стах обожал «Вторую половину» до такой степени,

что был единственным, кто сохранил все записи, и любой, кто появлялся у него в камере, обязан был рано или поздно эти записи прослушать. Он был убедителен в этом обожании, выстроив у себя в голове иллюзию, что музыки круче, чем «Лунный Пьеро» в этом мире нет.

Однажды в камере случился пожар, сгорели барабаны, книги и музыкальный центр, но записи огонь не тронул, после чего мой приятель стал относиться к ним, будто к священному писанию по магнитной ленте. (Мне был вручен оцифрованный вариант этих писаний в качестве новогоднего подарка.)

Недавно компакт, на котором написано «1/2», случайно попался мне на глаза, что, в сущности, и послужило толчком для этого повествования. Диск наряду с несколькими фото — те немногие вещи, которые остались как память о Стахе.

И вот думается: чем более подробным рисуешь образ, тем более субъективным он становится, и время от времени возникает предположение, что проза только кажется правдивой по мере вытаскивания штришков-занозок, пахнущих то табаком и перегаром, то потом и кровью. Правда в том, что музыканты, которых так любил мой приятель, вряд ли вообще станут предпринимать подобные попытки, сестра и племянник подавно, а значит, мне остается быть единственным человеком, который способен нарисовать читателю торопливый портрет не самого типичного представителя эпохи большого развала. Глядишь, тот, кого в этом мире теперь не существует, каким-то образом вернется на пыльные улицы, в компанию любителей карт, на стройку, в армейский оркестр или возникнет посреди знойного лета отбивающим ритм босановы по пустой сорокалитровой бутылке, где только что закончилось вино.

На Стрелковой улице его били иногда почти до смерти. Здесь он любил своих женщин, по ней летом ходил в комнатных тапках, а зимой съезжал на санках от ворот дома до самого Малого Салгира, вечно заросшего осокой.

За семнадцать лет моего отсутствия на Стрелковой улице изменились и люди, и дома, выросли богатые и забористые виллы чиновников, служащих и бизнесменов, чьи шикарные машины, едва выехав за ворота, регулярно обдавали хронической грязью проходящих мимо людей, кошек и собак. Многие пустили корни в эти условия, и на этой почве расцвели — кто-то благодаря предпринимательским талантам и труду, кто-то в силу склонности к обирательству, воровству и лжи. Его же приспособляемость была вынужденной, и за пару лет до нашей новогодней встречи перешла в стадию под названием хронический голод. Когда я искал дом Стахорских, мне представлялся человек то ли преуспевающий, то ли нищий. Стах действительно обнищал. Но нюанс заключался в том, что он обладал даром приспособляться к ухудшающимся условиям. Из человека, прибли-

женного к профессии музыканта, Шура стал человеком, приближенным к профессии строителя; несколько лет перебивался случайными заработками на дачных участках, затем попал на стройку в Судак, где встретил женщину, которая оставалась с ним до самой смерти.

Звали ее Лида. Шура называл Лидуся. Сыновья у нее были сурожскими «пиратами». Да и в кого молодые люди могли превратиться, проживая в курортном городке девяностых, когда в облаке грядущего тысячелетия даже правители видоизменялись в разбойников...

Она нашла его на улице храпящим в усы жарким летним вечером. Стах лежал на скамейке недалеко от военного санатория. Рядом валялась опрокинутая пустая бутылка на сорок литров.

— Концерт окончен. Меня выгнали, — пробормотал он в полусне.

— Ты строитель? — спросила она.

— И музыкант, — простонал он, нащупывая пальцами стеклянную поверхность инструмента. Глаза у него медленно раскрылись: — ...могу быть хорошим любовником.

— Пойдем со мной, поспишь по-человечески. — Она шагнула по направлению к генуэзской крепости, показывая стройную фигуру велосипедистки.

Шура двинулся следом, прихватив бутылку.

Новогодняя ночь имеет порой длительные рецидивы.

...Летнее утро просочилось через шторы вместе с голосом Стаха, который кричал мое имя под балконом. Я поднялся с постели, достал из холодильника бутылку портвейна и вышел во двор.

Он слушал пение птиц и мял в руках пустую сигаретную пачку. Рассказ о Лидусе Шура приготовил на десерт, и по этому случаю надел белый пиджак.

— Надеюсь, ее образ стоит того, чтобы с утра пить.

— Лидуся из тех, кто может крепко стукнуть, не задумываясь. У нее сильные ноги и руки. Мастер велосипедного спорта, как-никак. Я бы встал с ней спина к спине, если бы пришлось отбиваться от каких-нибудь хулиганов.

— Но если она связалась с тобой, у нее, наверное, слегка не в порядке голова.

— Ты что! Это женщина-преферансник! К тому же прекрасно кидает кости! В нарды мы играли ночи напролет! Ее мама-снайпер убила на войне сто фашистов! А как умеет готовить! Геник, поехали в Судак, это станет частью твоего романа!

Вот какую игрушку подслала мне судьба! Только ли филантропические помыслы руководили мной, когда я кормил и поил своего приятеля, когда покупал ему лекарства, давал деньги на проезд, напяливал на него свои старые куртки и рубахи? В Стахе был найден тот, кто способен за эту, в сущности, мизерную плату отдать в дружеское распоряжение все свои игры. И оказалось, что в мире его игр мне было вполне комфортно.

Справедливости ради я сделал попытку раскрыть для него кое-какие свои радости-секреты (пытался научить игре в го, предлагал любимые книги и музыку), но он не смог этого принять, потому что был забит под завязку собственной информацией и очистить «корзину своей памяти» не желал. К слову сказать, разнообразный информационный мусор роем кружил по орбитам его переполненного разума.

Если надеть очки волшебника и рассмотреть меня на карте Шурино мира, то окажется, что личность по имени Гена Казаков стократно примитивней, чем воображает. Какой смысл в том, что эта личность придумала, будто обладает лекарскими способностями, и написала пару рассказов, напечатанных в местном журнале? Чего стоят все жизненные устремления никому не нужного романтика с изредка звучащей в кармане копеечкой «на кино»? И раз уж мы с Шурой — те камни го, что отдались на волю течения, то почему бы не раскошелиться и не свозить его в Судак? Может быть, и на самом деле это будет частью романа, который уже написан где-то на пергаменте Шурино пространства?

Я находился тогда сразу в нескольких мирах, которые примерял по мере зависимости от химии тела. Проще говоря, пытался, чем попало, думал, что попало, и вследствие этого совершал самые разные глупости, особенно по весне. Но затем, неожиданно для себя, становился на краткое время аскетом, постился, ходил пешком по горам, обливался холодной водой и занимался вей-чи.

К этому времени я успел на семнадцать лет эмигрировать в Израиль, развестись и вернуться обратно в Симферополь. Моей дочери Алисе уже двадцать, она отслужила в Армии обороны и настойчиво искала контакта. Я ждал ее приезда, но не предполагал, что дочка прилетит не одна, а вместе со своей матерью. Не скажу, что прибытие Лены направляло обстоятельства правильным путем. Ожидались жизненные виражи вроде крутых «американских горок», от которых всегда захватывало дух и кружилась голова.

На этот раз причина была в Святом Валентине, поразившем сердце потертого романтика, а это рискованно сочеталось со стремлением моей бывшей жены к возобновлению отношений. Надо сказать, я целый год вел с ней безуспешные переговоры о возвращении домой, но без какого-либо положительного результата. И вот три месяца назад налетел на кризис собственного возраста и на Марину.

В мелодию пути, по которому я шагал уверенно и ритмично, вплелись синкопы, привнесенные рукой композитора.

Стах не морочился переживаниями, стоящими на старте моего ближайшего месяца, потому что всегда дрейфовал по воле обстоятельств. В данном случае он направлял в Судак интересных постояльцев, что давало шанс претендовать на бесплатную койку от Лидуси и выпивку от меня. Он предвкушал море, вино и болтовню, а мне Стах был необходим как фон и буферная зона

для решения психологических задач, — за два года молчаливой жизни я совершенно разучился выражать мысли вслух. Зато он молчать не умел.

То лето было сырым и молниеносным.

В любовном треугольнике я жить не умел, и Лена сразу же все поняла. Наши графики и амплитуды редко совпадали, вот и теперь посторонние вихри перемешали нам и чувства, и отношения.

Алиса по пути в Судак не умолкала, восторгалась природой, которую подкрасили сочные краски блуждающей грозы. Казалось, она не замечает недосказанности, благодаря которой настроение ее родителей варьирует от истерической веселости до мрачного молчания.

Лидины апартаменты располагались неподалеку от западной стены генуэзской крепости. Ее вершины зубьями бойниц смотрели в небо поверх зелени деревьев, как вечное напоминание о войнах Крыма.

Мы вошли во двор, держа в руках сумки и пятилитровые баллоны портвейна.

Шура и Лидуся перекинулись только парой слов, прежде чем сесть в беседке за нарды.

Дверь во двор открылась, и перед нами предстали парень и девушка с внушительными рюкзаками.

— Тут здаются кімнати?

Лидуся вбросила на поле зары, которые легли неудачно.

— Вы играете в преферанс? — Ее голос звучал низко, почти по-мужски.

— Ні, а що це?

— Может быть, в нарды?

— Нарди?

— Только что заехали играющие в го. Может быть, вы играете в го?

— Ні.

— Тогда во что вы играете?

— Ми не граємо.

— Сожалею, но место не для вас. Выше по улице комнаты сдает Рыжая Стерва. Если повезет, она вас примет. Интересуетесь игрой — заходите учиться. На будущий год у вас появится шанс остановиться здесь.

— Та йдіть до бісів з вашими іграми! Чого пристала до людей! Як що немає місць, так би й сказала! А то ігри якісь! — Они повернулись и вышли.

— Ну что за люди! Войдут без стука, выйдут, дверь не прикроют! — покачала головой Лидуся, закрывая двери на щеколду.

Обустроившись, мы также расположились в беседке. Я и Алиса решили разыграть фусеки, перед тем как спуститься к морю. Лена достала пачку сигарет, закурила, и Лидуся тут же поднялась из-за стола:

— Минуту. Только принесу пепельницу и стаканы. Как насчет яблок и абрикос?

— О, абрикосы! — воскликнул Стах (яблоки он ел только в тертом виде из-за зубов). Отхлебнул портвейна и сказал, когда Лидусина спина скрылась на кухне: — Я прожил с этой женщиной три счастливых года, пока не появился ее средний. Он сказал, что сам умеет класть кирпичи. Всему приходит конец.

— Ты не смог убедить его, что не претендуешь на этот дом? Или была другая причина? — спросила Лена.

— Да, им не понравилось, что я долго живу с их матерью. Когда уехал, младший и средний тут же со мной подружились. Дружить на расстоянии в восемьдесят километров всегда легче, чем вблизи. Старший сидит, ни разу его не видел. Думаю, он тоже бы выступил против меня.

— За какое преступление его посадили?

— За убийство. Но все не так просто, Лидуся сказала, что его подставили.

Когда стаканы и фрукты появились на столе, все принялись за игру и вино. Иногда я встречался глазами с Леной и отводил взгляд. Телефон был предусмотрительно отключен.

— Тыставишь это в свой роман? — спросил Шура.

— Что именно?

— Как Лидуся отправляет курортников к Рыжей Стерве.

— Романы никому не нужны. Люди больше не читают толстых книг. Они вообще не читают.

— Ну вот, а мы на тебя рассчитывали! — рассмеялась Лида. — Мы ведь читаем!

— Писатель из меня не вышел, целитель тоже. Я допускаю слишком много ошибок, спросите у Лены.

— Папа, ты кокетка! — объявила Алиса, поставив очередной камень.

Доска потихоньку приобретала узор.

— По моим наблюдениям, — вставил свое слово Стах, — жены смотрят на мужей однобоко, поэтому я никогда не был женат.

— Странная и непонятная игра вей-чи. Пока Геник здесь, я надеюсь получить пару уроков. — Лидуся искоса поглядывала на доску, ее стало одолевать любопытство. Но Шура она все же заметила: — Я бы никогда не вышла за тебя. Три года у меня в ушах был только Фил Коллинз и «Вторая половина». Твою пластинку заело из-за пьянства.

— Мы получим скидку за жилье? — пришел я на выручку своему приятелю.

— Скидками заведует мама, она со мной на паях. Подходы к ней знает Шура, причем, когда не слишком пьян.

— Та самая мама-снайпер?

— Именно!

— Все совершают ошибки, — заметила Лена.

— Но не все прощают.

— Есть еще такие, кто не помнит чужих ошибок. Это все равно, что простить.

— Вы об игре или за жизнь? — спросила Лидуся.

— Какая разница!

— Оставьте ваше го, сходим к морю, а вечером я расскажу, как была баптисткой, если интересно.

— Об этом я уже забыл. Вспоминать не хочется.

— Лена, а что, баптисткой быть весело?

— Совсем не весело.

— Тогда зачем вспоминать?

— Незачем вспоминать. Просто я единственная, кто не умеет играть в ваши игры...

— Когда научишься расписывать пулю, узнаешь радость! — воскликнул Шура. — Не надо молитвенных домов, достаточно преферанса! Потом я расскажу историю про то, как на гастролях Геник побил грузина. Или достану свою бутылку, постучу самбу, повоем на Луну...

— Опять завел пластинку!

— Папа, правда, что ты бил грузина, или он так шутит?

— Правда. Но только грузин меня победил. Потом испугался и дал денег, чтобы его в тюрьму не посадили.

— Геник, ты все рассказываешь неправильно! Это ты побил грузина! Просто тебе наложили швы, а ему не наложили! — Шура наполнил стаканы. — Дело было в Смоленске, в гостинице. Вечером после концерта Геник обучал меня игре в го. Я зашел на минуту в номер заварить чаю, а когда вернулся, они уже катались по полу и докатились до того, что попали в чужой номер к двум мужикам. Кончилось тем, что я так и не научился играть в эту игру.

— Он меня нокаутировал.

— А ты ударил его ногой в печень! Он присел! Я выбежал из номера, стал этого грузина хватать, но он вырвался и разбил тебе бровь! Вот как было! Не выдумывай про нокаут, просто этот парень сбил тебя с ног! Но ты сразу встал! Здесь и менты прибежали, когда ты кровью умывался! Его повязали, а тебя в больничку отвезли!

— Папа, он правду говорит?

— Не знаю, я уже забыл, как все было.

— Но почему, за что?!

— Деньги лишние завелись у того парня, вот почему!

— Не отвлекайся, Шура, сейчас твой ход! До ужина не закончим, а мне еще перец фаршировать! Кстати, вы здесь поужинаете или в кафе пойдете?

— Пап, так почему все-таки вы с тем грузином подрались? Из-за женщины, да?

— Какой умный ребенок!

— Дядя Шура, не называй меня ребенком, а то я стану называть тебя черный дед! И попрошу папу спрятать от тебя вино!

— Ну что же, фаршированный перец, так фаршированный перец. Мы ужинаем у Лиды... Понимаешь, Алиса, это была даже не женщина, а совсем еще девчонка, девятиклассница. Этот парень протащил ее по коридору за руку и стал открывать номер, но она испугалась, подбежала ко мне и попросила: «Вы не могли бы отвести меня к моему классному руководителю?» Мы прошли всего несколько шагов, когда он напал. Схватил меня за руку и ударил, тут я его повалил, и началось что-то отвратительное. Дальше Шура уже рассказал. Он видит здесь какой-то подвиг, а у меня перед глазами только двое перепуганных парней в трусах, которые не закрыли на замок дверь перед тем, как лечь.

— Главное, ты, наконец, обзавелся теплыми сапогами, а наш администратор одолжил у тебя и выплатил всей команде месячную зарплату, потому что филармония замешкалась... Почему меня никто никогда не бьет за деньги!?

— Разве можно знать, когда заплатят тебе, а когда заплатишь ты? Драки чаще бывают дармовые, если считать, что сломанные носы и выбитые зубы не плата, а жертва алчным демонам.

Мы опять погрузились в прошлое, откуда произрастают печали и радости сегодняшнего дня, и мне вдруг вспомнилось письмо, в котором Лена говорила о том, как ей трудно одной. Она писала, что я бросил ее с ребенком ради любования красотами русских городов, что воля моя растекалась, а сочинять гениальные романы — не моя стезя.

Играть дальше уже не хотелось, потому что смоленская история напомнила застарелое ощущение надвигающейся катастрофы, которая лавиной унесет нас далеко за море и покроет мой город коростой безвкусных реклам.

Над крепостью и нами нависла сизая дождевая туча, которая темнела по мере заката солнца, вздрагивала судорогами поселившейся в ней зарницы, то и дело вытряхивала из себя морось и угрюмо молчала, готовясь грохотнуть в тот миг, когда люди уйдут в сон.

Мы возвращались с прогулки. Алиса была наэлектризована ветром, что-то кричала, пела мантры грозе. Почуввав природу этой земли, она убежала далеко вперед. Мы шли вместе с Леной бок о бок, Шура волочился за нами, тяжело передвигая большими ногами, и что-то ворчал о закончившихся сигаретах.

Подвыпивший пляжный продавец шатался по террасе кафе, размахивал связкой копченого товара и кричал сидящим на берегу: «Риба-риба-

риба! Бо — омба! Роба-риба-риба! Бо-омба! Заходите на пиво с рибой!» Напрасно старался этот загоревший до состояния мавра человек. Его призывы съедались ветром и оглушительным шелестом прибоя.

— Наверное, мне нужно уехать сейчас, — вдруг сказала Лена. — Наверное, нужно поменять билеты и вернуться в Иерусалим.

— Не уезжай, — кинул я на нее быстрый взгляд.

Она остановилась, чтобы достать из сумочки сигареты, потом обернулась к Шуре.

— Вот, возьми.

Шура закурил и произнес неожиданно трезво:

— Не вздумай... Зачем уезжать, Геник ждал тебя. И что тебе там делать, русской?

— Не знаю, что буду здесь делать, как жить, ведь у меня же Алиса, клиника.

— Мы ведь как-то живем.

— Повально пьете.

— Это потому, что нет секса.

Я рассмеялся, отметив про себя, что Шура несколько не изменился.

— Вас, Казаковых, не поймешь, не врубаетесь, когда серьезно говорят, — пожал он плечами. — Хорошо бы еще портвейну... или в Швецию, там алкоголикам наливает государство. Я об этом где-то читал.

— А здесь тебе кто наливает?!

— Да... нет, Леночка, ты не подумай, что я тоже хочу уехать, это просто обида социально слабого члена общества.

— Не зовите на родину, если нет гарантий защиты от социальной слабости. Почему-то очень смешно, когда говорят, что русский язык угнетают там, где все говорят по-русски. Что за бред!

— Разве это смешно?

— Конечно! Не вижу никаких серьезных угроз. В Израиле русский язык не государственный, но мы на нем разговариваем, дети в школе учат, если есть желание. А здесь, в Крыму, какие могут быть угрозы?

Я задумался, что же ей ответить. Начнешь рассказывать и получишь заведомо известное возражение, мол, зачем жить в таком уродливом обществе, если есть гражданство Израиля. И понесется извечный спор между «умными» уехавшими и «глупыми» оставшимися, но вот кто и откуда уехал, в такой беседе становится очень неопределенным, особенно в моем случае. Тогда зачем же спорить, если правильнее провести этот месяц, наслаждаясь прелестями крымского лета, и не возвращаться более к теннису аргументов между играющими в разных системах координат.

Мы пробыли в Судаче трое суток. С утра Стах показал путь через гору в пустынную каменистую бухту, пахнущую водорослями. Вода здесь бы-

ла тихая и прозрачная. Над нами нависала скала, сверху покрытая цветущими каперсами. Тишина, покой, жаркий парящий воздух по волшебному мановению природы меняли вчерашнюю декорацию грозы и ветра. Но к вечеру на небе снова проявлялись маленькие, быстро сизеющие тучки, начинало задуть с юго-востока, и очень скоро наверху кто-то собирал из них нашу старую ворчливую знакомую, пронизанную зарницами. Тогда мы возвращались к своим баллонам, к Лидусе под вызревающий виноград, где ходила тень мрачной снайперши, которая стойко держала оборону цен.

Плохо воспитанные пионеры всегда ищут, где им легче жить. Море мировых коллизий швыряет их по земному шару, но они всегда будут стремиться душой к месту рождения, чтобы выметать икру своей ментальности. Якоря брошены в почву любви, дружбы и преданности. Отзвучавшие горны и бой барабанов продолжают манить к памятным искрам пионерских костров. Из всего этого, как из матрешки, то ли Бог, то ли Природа тянут носителей идеи, растворяющей в себе силу индивидуального эго. Где бы ни находились они, их сердца все равно обладают центростремительной силой.

— Стахорский, ты был когда-нибудь пионером?

— Я вырос из пионеров раньше, чем был в них принят. Свой пионерский галстук я засовывал в карман и надевал его только по требованию.

— Ты индивидуалист?

— Да.

— Ты хотел бы уехать отсюда?

— Нет лучше места для алкоголика, чем улица Стрелковая. В округе этой улицы Шуру Стахорского знают все самогонщики. Только армия смогла оторвать мою задницу от каморки, которую построил отец. Меня направили в Казахстан, позже оставляли на сверхсрочную. Еще бы! Я сотворил им полковой оркестр! В военной части было хорошо, но пришлось вернуться. И потом, должен сказать еще одну причину: здесь живет Инна.

— А как же Лидуся?

— Лидуся очень хорошая. Вместе с ней стоит жить на этом полуострове. Но любовь всегда бывает только одна. Я, кажется, уже говорил.

— Почему ты не женился на Инне?

— Она не захотела, ведь Инна хорошо знала, кто я.

— А кто ты?

— Социально слабая часть общества. Такие не должны размножаться.

— Ты зачислил себя в тупиковую ветвь эволюции?

— Меня направили в тупик обстоятельства между музыкой и строительством. Когда являешься в алкоголизм, у тебя документов не спрашивают. Сам удивляюсь, насколько живучим оказался. Меня не может

погубить даже белая горячка! — Шура погрозил кому-то кулаком и провыл прокуренным басом бывшего туберкулезника:

— У-у-у!

На третий день мобильник предательски загудел и пополз где-то под кроватью. Может быть, он включился сам, но есть подозрение, что, выпив накануне лишний стакан, я сделал попытку связаться с Мариной и забыл его отключить.

Пока Лена извлекала гадкий аппарат с помощью веника, сон цепко водил меня по цветущим садам Зазеркалья.

— Говори! — приказала она, тыкая им в самый мой нос. — Я выйду, покурю!

Самое забавное было в том, что, стоило только сну раствориться в реальности этого мира, как по моим слуховым цепям пошел чей-то знакомый голос, который повторял одно и то же про то, что любовь всегда бывает только одна...

И вот интересный получается момент нашей истории, невидимый глазу качественный переход! Каких-нибудь двадцать лет назад мы писали друг другу письма, и оттого, что шли они довольно длительный промежуток времени, мы старались выразить в посланиях как можно больше чувств, от которых пухли почтовые конверты.

Позже появилась электронная почта, ознаменовавшая собой начало информативной краткости, которая достигла апогея в чмоки-эсэмэсках, очень удобных для быстрых согласований и встреч. Сегодня назрела острая необходимость успевать за жизнью электронных приборов, иначе твоя сексуальная составляющая становится безнадежной...

Аэропорт города Симферополя! Кто на земном шаре знал бы о нем, если бы не украинские события, которые произойдут через каких-то полтора года, после того, как я провожу Лену в Иерусалим?!

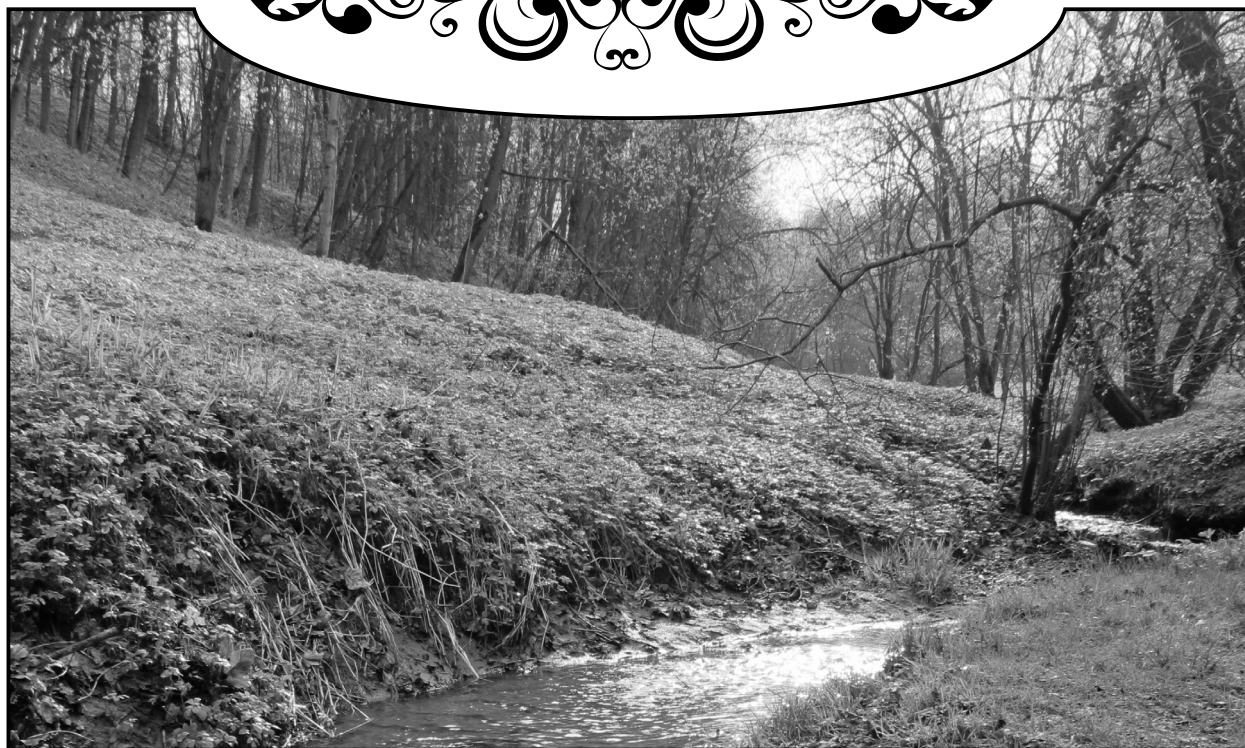
Как бы я не сопротивлялся, но мой приятель прав. Свою бывшую жену я люблю даже тогда, когда отталкиваю ее от себя и хочу обнять ту, которая зовется Мариной!

Даже в земной жизни есть временное и вечное! □

Дмитрий Зелов

ТАИНСТВЕННОЕ КОЛОМЕНСКОЕ

...Время бежит стремительно и неумолимо: чуть более полувека назад Коломенское было уютным, тихим местом ближнего Подмосковья, а в наши дни оно оказалось чуть ли не в центре огромного мегаполиса. От этого соседства бывшая царская усадьба, а ныне музей-заповедник только выиграл: в суете рабочих будней так приятно пройтись по его огромной территории, утопающей в зелени разнотравья, вдыхая аромат цветов и едва уловимое обаяние многовековой старины, которая тут буквально на каждом шагу. Но есть в Коломенском, практически посе-

редине усадебного комплекса, одно загадочное место. Происходившие в нем на протяжении столетий события были настолько невероятными, что в них сейчас трудно поверить. Называется это место — Голосов овраг.

В самом названии оврага, тянущегося на протяжении более километра, зашифрована его древняя, дохристианская история. В нем скрыто имя языческого бога Велеса (Волоса), покровителя столь незаменимой в обиходе древних славян домашней живности. Местность на крутом берегу Москва-реки, где в XVI веке возникла царская усадьба Коломенское, в которой в 1530 году родился первый русский царь, получивший в истории прозвище Грозного, была заселена людьми издревле. По названию соседнего с Коломенском села Дьяково, что на правой стороне Голосова оврага, получила свое название культура раннего железного века, — дьяковская. Она была открыта археологами еще в середине XIX столетия, а ее представители обитали на широких просторах центральной европейской части современной России. Так что именно жители окрестных с Коломенским мест были в далеком прошлом первыми «москвичами».

Если спуститься на дно глубокого, густо поросшего зеленью Голосова оврага, очень трудно поверить, что совсем рядом суется сует самого большого города России. Кажется, будто ты оказался где-то далеко-далеко за городом, в таинственно-волшебном лесу из сказочного детства. Рано утром и ближе к вечеру со дна оврага поднимается призрачный туман. Вот как раз с ним-то и связаны происходившие на протяжении веков мистические истории.

«БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК» В ЦЕНТРЕ СТОЛИЦЫ

Молва издавна приписывала Голосову оврагу дурную славу. Местные крестьяне из окрестных сел и деревень строго-настроено запрещали своим детям приближаться к нему и играть там в прятки. Да и сами в

позднее вечернее или ночное время старались обходить овраг стороной, делая изрядный крюк. Поговаривали, что на его дне обитает таинственное лохматое существо очень высокого роста и невероятной силы, которое порой забирает с собой неведомо куда не в меру припозднившихся путников. В наше просве-

ценное время можно было бы только улыбнуться подобным страшилкам «темных и невежественных» людей прошлых веков. Вот только...

Голосов овраг находится как раз на месте одного из геологических разломов Русской платформы, на которой и расположена столица России,

а с местами таких разломов, как правило, всегда связаны загадочные истории. Перейдем к конкретным фактам.

В русских летописях XVII столетия сохранилась удивительная история. В 1621 году, когда страна уже начала оправляться от страшных последствий Смутного времени, а на престоле сидел первый из Романовых, у стен царской резиденции в Коломенском неожиданно появился вооруженный отряд татарских всадников. По свидетельству очевидцев, они появились «словно бы из ниоткуда». На памяти у всех еще были свежи польско-литовские интервенции, и потому, не мешкая, стрельцы быстро взяли в полон незваных чужеземцев. Позвали толмача, которому татары, ничтоже сумняшеся, поведали, что они — воины крымского хана Девлет-Гирея. Спасаясь от преследовавших их русских конников, они спустились на дно Голосова оврага и затаились в густом тумане. Когда преследователи скрылись из вида, татары вышли на другой берег оврага, к Коломенскому. И все бы в этой истории было замечательно, если бы не одно «но». Крымский хан Девлет-Гирей действительно стоял лагерем в окрестностях столицы, руководя из своей ставки в Коломенском захватом Москвы. Вот только было это... в 1571 году, а заблудившийся отряд его воинов появился у стен царского дворца спустя полвека, когда о набегах татар в Русском государстве стали уже забывать. Ну,

не о массовом же помешательстве идет речь?!

История оказалась настолько невероятной, что дошла даже до царя Михаила, который повелел учинить по этому делу строгое дознание и определить, кем являются на самом деле выдающие себя за воинов Девлет-Гирея странные всадники. Уж не шпионами ли, или того похуже. Однако по итогам пристрастного расследования царевы сыщики пришли к ошеломляющему выводу: татары были именно теми, за кого себя и выдавали! В пользу этого говорили и устаревшие слова из их языка, и характерные для конца именно XVI столетия вооружение и экипировка всадников. Что же произошло с незадачливыми воинами? Возможно, спустившись в Голосов овраг, они, к несчастью для себя, попали в так называемую петлю времени, где привычное нам линейное время течет совсем по-иному. Ведь все они как один твердили, что пробыли в злополучном овраге не более часа, хотя на самом деле прошло более 50 лет.

Мистические случаи в Коломенском происходили и позже. В сухих и беспристрастных отчетах полицейского управления Московской губернии в XIX веке были неоднократно отмечены загадочные исчезновения жителей Коломенского и окрестных сел. Люди просто пропадали бесследно. При этом никаких улик или зацепок, которые могли бы помочь распутать эти загадочные происшествия, полиция обнаружить

не могла. Одна из таких мистических историй даже попала в июле 1832 года на страницы газеты «Московский листок».

Поздним вечером двое местных крестьян, Иван Бочкарев и Архип Кузьмин, возвращались домой из соседней деревни. Делать лишний крюк запоздавшим путникам не хотелось, и они решили сократить до-

рогу через Голосов овраг: и домой быстрее попадут к женам и детям, да и не страшно вдвоем-то. На дне глубокой долины клубился густой, плотный туман, в который и вошли немного оробевшие мужики. Они шли практически наощупь, как вдруг перед ними возник какой-то коридор, залитый призрачным бледным светом. В нем оцепеневшие от ужа-

са Иван с Архипом увидели огромных, покрытых шерстью то ли людей, то ли каких-то существ, которые знаками показали им выход из заколдованного места. Минут через пять приятели наконец-то выбрались из оврага и стремглав бросились к своим избам. Вот только встреча с родными была не совсем радостной. Оказалось, что они отсутствовали дома два десятка лет, а их постаревшие жены и выросшие за это время дети с трудом признали в них пропавших безвестно много лет назад глав семейств.

Тогда в дело вмешалась московская полиция, следователи которой не придумали ничего лучше, как провести в овраге научно-практический эксперимент, чтобы понять, врут ли непонятно где находившиеся 20 лет местные крестьяне, и что вообще за чертовщина творится на подведомственной им земле. Хотя лучше бы они этого не делали. Один из участ-

ников такого опыта растворился в тумане Голосового оврага навсегда, причем его тело, несмотря на поиски, так и не было найдено. Другой сумел выйти живым и невредимым, но от увиденного и пережитого тронулся умом, а затем и вовсе покончил с собой.

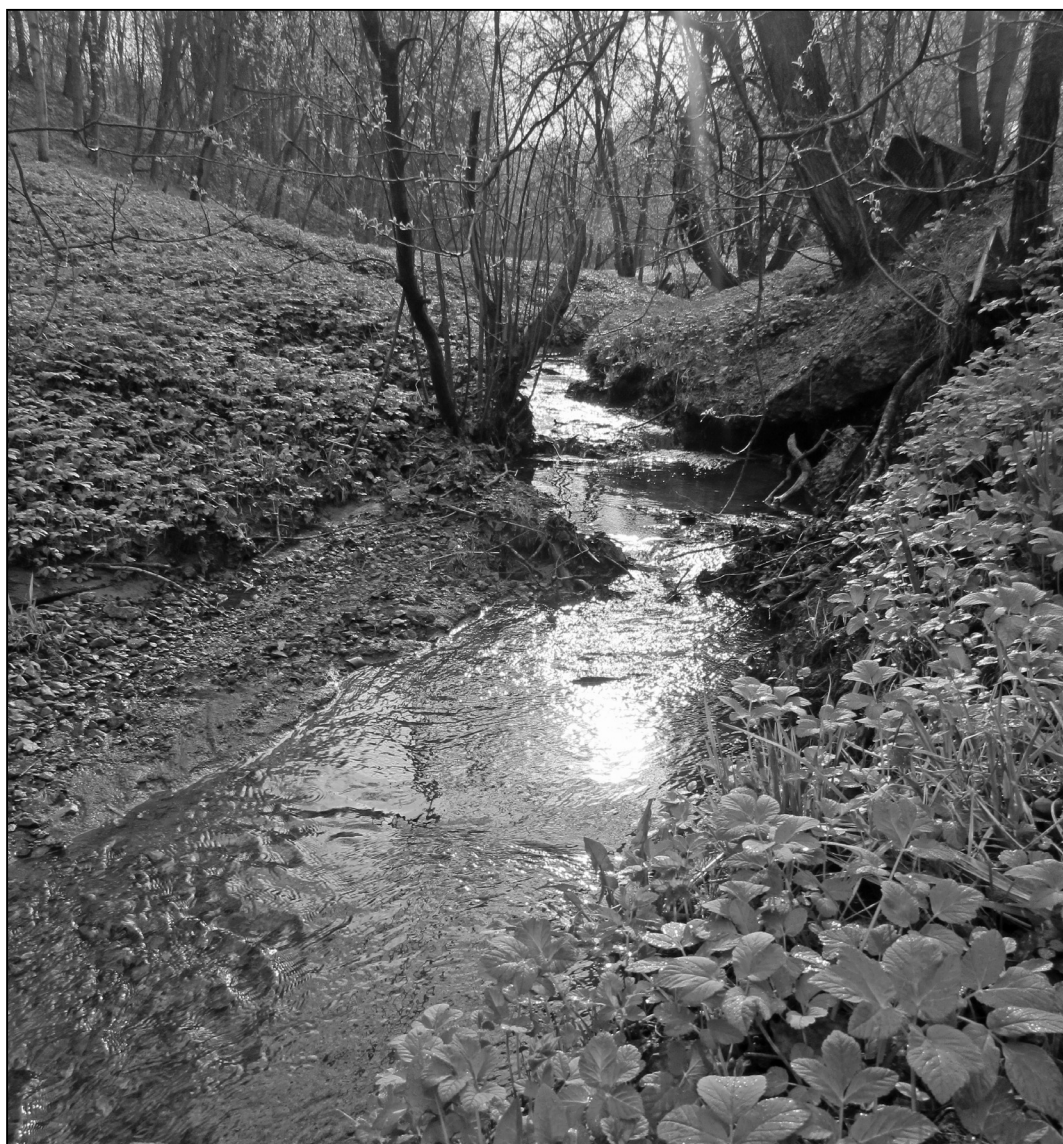
Загадочных лохматых существ огромного роста в окрестностях Коломенского видели и позднее. Вот свидетельство из прошлого века. 1926 год, торжество победившего материализма, разгул атеизма. Казалось бы, места для мистики не осталось вовсе. Однако за этот год на страницы советской печати попал следующий случай: делавший поздно вечером обход Коломенского милиционер наткнулся в густом тумане Голосова оврага на «заросшего шерстью дикаря» ростом значительно больше двух метров. Страж порядка выхватил из кобуры пистолет, но загадочное существо

заставило его взглядом на пару минут безвольно замереть на месте, а само словно растворилось в прозрачном тумане.

ЗАГАДОЧНЫЕ ВАЛУНЫ КОЛОМЕНСКОГО

На обрывистой круче Голосова оврага с незапамятных времен лежат два огромных валуна: «Гусь-камень» и «Девичий камень». Их местоположение легко определить по множеству

ленточек, привязанных к растущим рядом деревьям. По свидетельствам ученых, возраст камней более 4000 лет, а «Девичий камень» назывался в древности Перунов и ему издревле поклонялись населявшие эти места язычники. Народная молва приписывала огромным, изъеденным временем и природными стихиями валунам чудодейственную силу. Нужно было только с искренней верой посидеть на камне и попросить у него об исцелении от недуга. Согласно преда-

нию, «Гусь-камень» возвращал представителям сильного пола мужское здоровье, а «Девичий камень» помогал уже отчаявшимся, было, прекрасным девушкам и молодым женщинам обрести долгожданное потомство. Конечно, можно было бы относиться к данному поверью как

к нелепому, досужему суеверию, но дыма без огня, как известно, не бывает. За последние десятилетия слава и известность древних валунов Коломенского возросла многократно, равно, как и поток желающих получить от них помощь с годами становится только все больше и больше.

Стоит отметить, что еще в конце 90-х годов прошлого века изучением феномена этих камней занимались авторитетные ученые из Института общей физики, проводя вокруг валунов замеры электромагнитных полей. Результаты оказались поразительными: превышение нормы электромагнитных излучений в Голосовом овраге — более чем в 12 раз, а вблизи самих валунов — более чем в 27 раз! Было также установлено, что с поверхности древних камней исходит интенсивное излучение, образующее вокруг валунов мощное электромагнитное поле. Видимо, именно оно и является причиной происходящих вокруг них чудес. Приходящие прикасаются к камням руками и, оказываясь в зоне исключительно благоприятного воздействия электромагнитного поля, заряжаются от валунов благотворной энергией, подобно тому, как мы заряжаем аккумуляторы для различных приборов.

...Многие тайны и загадки Голосова оврага пока так и не разгаданы. И официальная наука пока еще не всегда может дать вразумительный ответ на не раз имевшие место быть в далеком прошлом события. Будем надеяться, что движущийся семимильными шагами научно-технический прогресс в недалеком будущем сумеет все-таки объяснить случившиеся в Голосовом овраге с путниками чудеса и приключения.

P.S. Интересно, что Голосов овраг в строго научном смысле оврагом и не является. Как разъяснила методист отдела музейной педагогики Московского государственного объединенного музея-заповедника (МГОМЗ), кандидат геолого-минералогических наук Ольга Максимова, настоящие овраги — это глубокие рытвины, которые относительно недавно промыты временными потоками воды. Растительности на них практически нет, а на дне отсутствует постоянный водоток. Знаменитый же овраг Коломенского как овраг давно прекратил свое развитие и являет собою прямо противоположную картину: тут и густая зелень по его склонам, и журчащая по его дну настоящая маленькая речка — Садовнический (ныне — Коломенский) ручей. □

Гусь-камень

Виктория Токарева — яркий представитель современной художественной литературы в жанре женской прозы. Ее жизнь, словно калейдоскоп сменяющих друг друга событий, наполненных людьми, верных своему таланту и призванию. Окончив музыкальное училище, а затем консерваторию, освоив музыкальное мастерство и став пианистом, она по жизни выбрала иной путь — прозаика и сценариста. «Джентльмены удачи», «Мимино» и другие фильмы, снятые по сценариям Токаревой, давно уже стали частью нашей жизни...

Виктория Токарева

*Редакция благодарит
издательство «Азбука»
за предоставленные
фотографии
и за помощь в работе
с материалом*

«Я — человек действия...»

— Виктория Самойловна, вы — ребенок войны. Какой она вам запомнилась? Помните что-то, связанное с вашим эвакуационным детством?

— Когда началась война, мне было три года, однако я помню два эпизода, связанных с окончанием войны. Первый — мы возвращались из эвакуации в Ленинград. Шел

какой-то мужик вдоль вагона, стучал палкой по вагону и кричал: «Победа! Победа!» Все высыпали на полустанок, и там играл оркестр. Мама моя стояла и горько плакала, потому что она осталась одна, совсем молодая, с двумя детьми на руках. И второй момент — я помню, как наши солдаты шли по Ленинскому проспекту большой колонной — победители, те, кто выжили, выстояли. Огромная толпа стояла на улице и смотрела, как они идут. Один из солдат отделился от колонны, подошел ко мне и вручил цветок — я тогда была тощенькая, худенькая, как комарик, и, видимо, чем-то походила на его дочку. Этот цветок я помню до сих пор.

А мое эвакуационное детство... Помню, как-то постучала в окно своей подружке Мильке, она высунулась, и лицо у нее было такое круглое, отекшее. Я спросила: «Ты что, переспала?» «Я опухла», — ответила она и заплакала. А вот мы, тогда еще маленькие дети, не голодали, всегда были сыты и одеты, потому что наша мама была ловкая. Где бы она ни работала, всегда каким-то образом выворачивалась, у нее просто такой характер был, можно сказать, героический. И потом, уже после войны, когда все кругом жили плохо, мы жили хорошо. Она прекрасно вышивала и брала заказы. Война не война, женщины всегда хотят выглядеть красиво. Мама вышивала кофточки, и ей за это приносили мед, масло, так и выкручивалась. Спасибо ей за то, что мы жили лучше других.

— По первому образованию вы — пианистка, были какие-то планы, связанные с музыкальным поприщем?

Терпеть не могла всю эту музыку! Это был караул! Я вообще-то способная от природы, и играла хорошо, помню, даже на радио выступала. Но все равно это было не мое. Я не мечтала о карьере пианистки. Среди моих однокурсниц были очень способные девушки. Помню, одна из них сказала мне однажды: «Когда я подхожу к роялю, у меня руки дрожат от страсти и желания играть». Я этого совсем не понимала.

— А потом, оказавшись на сценарном факультете ВГИКа, вы поняли, наконец, что именно это — ваше?

— Да. Это оказалось гораздо интереснее, и все было замечательно. У нас был провинциальный курс — студенты съезжались со всех уголков России. Я в группе была самой молодой, любила модно одеваться, и меня воспринимали как легкомысленного человека. Все-таки сценарий — это мозги, а я не производила впечатления девушки с мозгами. Юбка на нижней юбке, прическа «бабетта» — какие тут мозги, какие мысли? Но я считаю, что талант не зависит от внутреннего содержания. Он либо есть — либо нет.

— Как вы считаете, почему отечественный кинематограф не берет все лучшее, что было заложено в СССР?

— В СССР было великое кино. 50-е годы — настоящий расцвет: работал Рязанов, Данелия, Панфилов, Габрилович-сценарист. А еще я очень люблю шедевры 70-х годов, особенно фильмы Панфилова, практически все, в том числе и «Вассу Железнову». Сейчас тоже есть очень талантливые режиссеры. Звягинцев — все, что он делает, я обязательно смотрю. Хлебников — его «Аритмия» прекрасный фильм, так что есть талантливые ребята, потому что Россия такая страна, в которой всегда будут талантливые режиссеры и писатели. В литературе ведь тоже есть сейчас большие таланты — Прилепин, например.

— Конечно, в современной литературе есть таланты, но в целом, к сожалению, в обществе сегодня отсутствуют культурные ориентиры, и молодежь стала мало читать. Как вы считаете, можно ли привить вкус и любовь к чтению подрастающему поколению?

— Сейчас молодежь уже другая. Есть те, кто любит читать, а есть и такие, кто совсем не интересуется литературой. Кто хочет, тот читает, кто не хочет, тот не читает, и с этим ничего не поделаешь, время другое, многое изменилось, и в ориентирах тоже.

— Да, время изменилось. вы сами, Виктория Самойловна, освоили компьютер, Интернет? Не секрет, что вы до сих пор пишете от руки...

— Во-первых, это настолько не мое, что меня даже тошнит, когда я об этом слышу! Мне это не близко! Более того, я считаю, что, когда набираешь текст на компьютере, это в какой-то мере отражается на качестве написанного. Надо писать рукой по бумаге, и тогда космос идет через свои каналы, передаваясь по руке, и ты работаешь, так сказать, на пару с космосом. А когда работаешь за компьютером, то между тобой и космосом стоит большая машина-железяка. Я считаю, что это неправильно, это тормозит процесс.

— И все же, как, по вашему мнению, должна сегодня развиваться российская литература? С оглядкой на Запад или Восток или надо идти своим путем?

— Для меня вот эти все понятия «путь», «избрать» — это нечто абстрактное, не имеющее ни к чему никакого отношения. Вот, к примеру, родился такой интересный и талантливый человек — Захар Прилепин, он садится и пишет. В мое время таким символом была Татьяна Толстая, она стала знаменитой в 37 лет, когда написала свой рассказ «Петерс», и все вздрогнули. Понимаете, какой рождается талант, такой и будет наша литература.

Что касается лично меня, я в литературе больше пятидесяти лет и работала всегда с неизменным успехом. Все мои книги и сегодня раскупаются. В молодости, когда я учи-

лась в музыкальном училище, у меня все время было такое чувство, будто я сижу в зале ожидания и жду поезда. И это ощущение ожидания — когда же придет другая жизнь, не покидало меня. Мой поезд пришел в 1964-м году, когда я написала рассказ «День без вранья». Успех был ошеломительный, и я поняла, что села в свой поезд. Поехала и еду до сих пор.

— Что для вас слагаемые успеха?

— Любовь и благополучие. Когда живешь не в коммуналке, чувствуешь себя хорошо. Что такое молекула воды, H₂O? Отдельно H₂O — это газ, кислород и водород. Так и люди. Когда рядом с женщиной любимый человек, то это молекула воды, а когда женщина одна, то это кислород и водород.

— У вас консерватория за плечами. Интересно, вы как-то влияли на музыкальное сопровождение в фильмах, написанных по вашим сценариям?

— Совершенно не влияла. Я помню, сказала прекрасному композитору Андрею Петрову: «Да ну, вот здесь вот закончим тоникой!» Он промолчал, а потом ответил: «Если ты еще раз скажешь «тоника», то я встану и уйду».

И все-таки музыкальное образование мне многое дало. Я, например, слушаю Баха. Половина людей его не могут слушать, потому что это сложная музыка. А я понимаю, что в

ней происходит — главная партия, побочная, откуда, куда идет. Еще я очень люблю хоры, особенно детские. Когда я их слушаю, у меня слезы текут. Это касается моей души, потому что хор — это всеобщая молитва. Конечно, классическая музыка дает определенное восприятие мира, но... в консерваторию я не хожу. Помню, пианист Николай Петров меня приглашал на концерты, и я несколько раз ходила, но каждый раз, садясь и слушая какой-нибудь концерт для рояля с оркестром, начинаю сочинять очередной свой замысел, эта музыка вдохновляет меня, возникает желание творить, и я что-то придумываю. А вот так, чтобы как некоторые, которые приходят с клавирами, перелистывают и слушают, глядя в ноты, я не могу, это не про меня.

— А у вас есть любимые композиторы?

— Во-первых, Чайковский. У него такие мелодии, что я даже не понимаю, откуда он их брал! Какие-то невероятные музыкальные темы! А еще у него есть симфоническая поэма «Ромео и Джульетта». Там такая божественная тема, что я помню, как когда-то один дирижер, когда началась эта тема, бросил дирижерскую палочку, опустил руки вдоль тела и заплакал. Он стоял перед оркестром, плакал, а они играли эту тему. Потому что другому настоящий музыкант воспринимать музыку не может — он ощущает ее так, как чувствовал ее Чайковский.

Во-вторых, я очень люблю Шопена. Он такой женственный композитор, и мне это очень близко. У Шостаковича люблю слушать его основную симфонию, 7-ю, связанную с нашествием фашистов на Ленинград. А современных композиторов я не понимаю. Я люблю, когда все понятно, а когда непонятно — не люблю.

— Говорят, что режиссер Георгий Данелия, снимавший комедийные картины, в жизни был грустным человеком...

— Он не снимал в комедийном жанре. Он говорил о своих фильмах: «Я только называю их комедией, потому что под комедию давали больше пленки». Снимая комедию, как таковую, он никого не хотел смешить. Данелия снимал жизнь так, как он ее видит. Многие воспринимали это как комедию. Он вообще был близок к Феллини, к итальянскому кино. А еще был очень хорошо воспитан своими матерью и отцом и всегда был очень корректным.

— Данелия был и остается для вас гением?

— Гении для меня — это люди вроде братьев Люмьер или того, кто изобрел паровоз или самолет, то есть что-то такое, чего не было раньше. А Данелия и другие замечательные режиссеры — они просто усовершенствовали киноязык. В кино для меня есть две гениальные личности — Андрей Тарковский и

Алексей Герман, создавшие новый язык. Они шли впереди времени, а Данелия шел в ногу со временем. Это высокая одаренность. А гениальность — это немного другое, внесение своего, чего-то нового.

— Мои друзья, да и я сама периодически смотрим «Джентльмены удачи» и «Мимино». А вы?

— Я не люблю смотреть свои фильмы и читать свои книги — я не живу с вывернутой назад шеей. Мне всегда интересно делать то, что я делаю в данный момент. Сейчас у меня есть замысел о карантине. Это не про коронавирус, а про то, как живет человек, когда он сидит в замкнутом пространстве и не общается привычно с людьми. Вот этим заняты мои мысли сейчас.

— Есть ли у вас какое-нибудь хобби?

— Я засеяла участок травой, поднялась изумрудная травка ковром, я поставила удобные стулья со столиками и читаю книги. В данный момент перечитываю роман «Эдичка» писателя Лимонова. Читаю его, чтобы понять, откуда это все взялось, как это длилось. Поразительную нашла мысль — все обожествляли Сахарова и Солженицина, а Лимонов про них сказал так: «Они рассказали людям, как плохо в СССР, и раскачали волну эмиграции в Америке, но они не рассказали, как наши люди там плохо жили, как они потеряли статус, как не работали по специальности и получали 280 долларов».

Бедный Лимонов варил на балконе щи и ел их целый день. Бедные эмигранты! Как они жили, когда к ним относились как к людям второго сорта!

— А какое у вас любимое место?

— Мое любимое место — это то, где мы любим отдыхать. Это Италия, итальянская еда, итальянский характер. Они очень беспечные, почти как дети. И вот когда сидишь в маленьком городке, а мимо тебя ходят итальянцы с собачками и детьми, хорошенькие такие, нарядные. Ну, юг, что вы хотите! Солнце — это витамин Д, а когда он есть, то человек гармонично развивается. Как Чехов говорил о русском климате: «Климат такой, что, того и гляди, снег пойдет...»

— Как вы относитесь к экранизации своих произведений?

— Очень хорошо сказал критик Шмыров, что проза Токаревой не переплавляется в кино. И Шукшин, по-моему, сказал, что чем хуже литература, тем лучше кино. Потому что хорошую литературу трудно переплавить в кино. Вот по Пушкину мало хороших экранизаций. А мои лучшие фильмы не те, которые сняты по рассказам и повестям, а когда сели, написали киносценарий от начала до конца, а потом сняли. Потому что главное в моей прозе — это интонация. Причем ироническая. Это невозможно передать в фильме, там можно передать только грубую линию сюжета. Поэтому, когда я пе-

редавала права на экранизации своих произведений, я никогда не читала этих сценариев и не смотрела этих фильмов — чтобы не расстраиваться. Запомнился фильм «Террор любовью» — там так сыграла Розанова! Неплохой фильм «Ты есть» с Анной Каменковой в главной роли.

— У вас большая семья, и я знаю, что ваш правнук увлекается футболом. А он уже понимает, что его бабушка знаменитая писательница?

— Молодые и старые сегодня живут на разной скорости. Да, он увлекается футболом, и он потрясающий красавец, что очень приятно. Но мне ближе всего моя внучка. Она вдруг, ни с того ни с сего, написала сценарий к сериалу в одиннадцать серий. Валерий Тодоровский прочитал, и ему понравилось (зять писательни-

цы — прим. ред.) Мне как-то гадал Павел Глоба, известный астролог, он сказал, что у меня будет внучка со звездой. Очень может быть...

— Вы сказали, что читаете много. А кто ваши любимые писатели?

— Из классики — Чехов. Я стала недавно его перечитывать и очень боялась, что что-то переросла. Но он по-прежнему интересен и прекрасен. Из современных люблю женскую литературу. Это Толстая, Дина Рубина, Петрушевская, Улицкая. Из мужчин писателей по-прежнему люблю всех, кого любила в Советском Союзе: Юрий Трифонов, Валентин Катаев, Виктор Астафьев. Из молодых — это Пелевин, Захар Прилепин и Гришковец. Он не чувствует своего таланта и очень удивился, когда узнал, что я люблю его прозу. Акунина я читать совершенно не могу. Он как-то сказал, что его проза — это бизнес, и я поняла, что это не кокетство, это так и есть.

— А как вам Алексей Иванов?

— Вы знаете, как-то был опросник: «Чей юмор вам нравится больше всего?» — и он сказал: «Виктория Токарева!» Я люблю всех, кто любит меня. Не люблю тех, кто меня не любит. А у Алексея Иванова я прочитала с удовольствием «Географ глобус пропил». Очень хорошо написано, но я не поняла, как так возможно: он пишет про педагога, который ведет детей в поход, и они несколько раз чуть не гибнут!

— У вас нет желания переехать в другую страну, в Италию, например?

— У меня никогда не было такого желания. Я живу и хочу жить в русском языке. Жить в чужой стране — это караул! Кому мы там нужны?! Я на Западе буду всего лишь стареющей теткой, а здесь я — Виктория Токарева!

— Есть в вашей жизни что-то такое, от чего вы получаете вдохновение и жизненную силу?

— Я заряжаюсь не от слова и не от солнца. Я — человек действия, не люблю замереть, как муха в янтаре, — мне это неинтересно. В течение дня люблю обязательно что-то сделать, приготовить, например, это ведь тоже действие. Сейчас я много читаю — это пассивное действие, тоже творчество.

— Есть ли у вас заветная мечта?

— Конечно. Пожить подольше. Когда Сергею Михалкову задали такой же вопрос — ему тогда было 96 лет, — он ответил, что хочет дожить до ста лет. Я думаю, что там, куда мы все потом отправляемся, нет такой красоты. Там нет тела, а все удовольствие — телесное. Мне хочется как можно дольше продлить свою жизнь.

— Что пожелаете читателям в эти короновиральные будни?

— Все проходит — пройдет и это! □

Беседовала *Дарья Парчинская*

ЖИВОПИСНЫЕ СКАЗЫ русской глубинки

Виктор Ом

Иван Сильч
Горюшкин-
Сорокопудов.
Автопортрет

«Художник, живущий в провинции, является важнейшим субъектом ее культурной и художественной жизни, культурным посредником, связывающим провинциальную художественную среду с «большим миром культуры».

М.М. Бахтин

«Из века в век»

Как возникает интерес к работе художника? Только через восприятие его работ. И случается, что интерес и вспыхнувшая любовь к «живописным феериям» сохраняются на всю оставшуюся жизнь. Так произошло и со мной... Как-то попалась репродукция картины с колокольней,

голубями и монахами. Колокола — это еще впечатления отрочества. Моя матушка привела меня однажды в храм, и неожиданно зазвучавший колокольный звон так ошаршил, что я замер и перестал дышать, а опомнившись, — заплакал... После этого на всю жизнь сохранился интерес ко всему, что связано с этим «гласом веков». И нынче не пропущу ни слова, ни фото, ни любых картинок с изображением колоколов, ни информации о них... Интерес необъяснимый — почти мистический.

Русский художник Иван Силыч Горюшкин-Сорокопудов (о котором почему-то пишут — забытый художник) вошел в мою жизнь тоже через репродукцию его картины «Из века в век».

На картине написаны застывшие в молчании колокола... Над колокольной полуденное летнее солнце. И двое монахов... Один кормит слетевшихся к ним голубей, а напарник, задумавшись, смотрит в неохватный простор дали, которая распласталась внизу и так хорошо видна с колокольни. Ему, наверное, чудится, что звуки колоколов все еще плывут и плывут над полями, холмами и убеленными зноем тропинками, между лесных массивов... Но в молчащих колоколах слышны теперь лишь шуршащие порывы ветерка, и кажется, что напевают они все ту же неслышную мелодию вечности... А над этим благолепием витает то, что мы называем — «время жизни!» Мерно и отрешенно течет

оно, как и всегда, в одну сторону — вперед.

Строки поэта Николая Рубцова будто здесь и были написаны:

*Звон закольный и окольный,
У окон, около колонн —
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.*

*И колокольцем каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои луга звонят не глуше
Колоколов твоей Руси!*

И все это — Россия!..

Холст, как и солнечным светом, наполнен любовью к простой обыденности русской жизни, из которой слагается жизнь людей, большая история народа и страны.

В начале жизни фамилия художника, написавшего эту картину, была Горюшкин... Что-то тягостное слышится в самом слове, так хоро-

«Базарный день в старом городе»

шо знакомом всякому русскому. Веками витало оно среди российских просторов, и, поди ж ты, «горестной отметиной» даже фамилии стали обозначать...

К сожалению, оправдало оно себя и применимо к судьбе нашего замечательного художника.

Словно по чьей-то злой указке мальчишка Ваня Горюшкин оказался круглым сиротой. Стало быть, и «горюшко» — тут как тут!

Родился он 5 ноября 1873 года в селе Нащи Тамбовской губернии в семье волжского бурлака Силы Васильевича Горюшкина. Родители умерли рано, и мальчик их почти не помнил. Четыре года Ваня провел в си-

ротском приюте, а потом его забрали к себе дальние родственники из Саратова мещане Сорокопудовы. Видимо, в знак благодарности он добавил их фамилию к своей. Так сложилась одна фамилия из двух — Горюшкин-Сорокопудов! С этой фамилией и вошел Иван Силыч в историю русского изобразительного искусства.

Хотя приобретенная семья относилась к нему с теплотой, быть на иждивении все равно тяжело, и Ваня решил искать работу. А куда могли брать на подработку мальчишек? Конечно, на подсобные работы. Вот он и устроился «мальчиком при буфете» на пароходах, курсирующих от Саратова до Астрахани и вверх

«Портрет жены»

по Волге, а когда выдавались свободные минутки, доставал свой блокнотик и делал беглые наброски проплывающих мимо пейзажей. Впечатлений было много, и они оказались незабываемы. А пока о том,

чтобы стать художником, мальчик и мечтать не смел.

Со временем, набравшись профессионального мастерства, Иван приедет в Пензу и начнет педагогическую деятельность в Художественном училище. Наряду с активным творчеством, это станет еще одной стезей его талантов. Но это будет еще не скоро...

На жизненном пути юноши в это время появился известный путешественник по Монголии, Китаю и Восточной Сибири Павел Яковлевич Пясецкий. Это был удивительный человек, и, что важно, он в свое время в Петербурге вольнослушателем посещал класс живописи Павла Петровича Чистякова в Императорской академии художеств, поэтому был осведомленным человеком в сфере изобразительного искусства. А еще был человеком неравнодушным, дружил с художниками, да и сам очень любил изобразительное искусство. Взглянув на рисунки Ивана, Павел Яковлевич посоветовал ему обратиться в Астрахани в недавно организованную художником П.А. Власовым изостудию, что Горюшкин незамедлительно и сделал. В этой студии вместе с ним занимались Борис Кустодиев (впоследствии знаменитый живописец!), Вахромеев, Елатонцев и другие. Именно в этой студии познал азы рисунка и живописи талантливый юноша Иван Горюшкин-Сорокопудов.

Дальше был Петербург... С 1892 по 1895 год Горюшкин-Сорокопу-

«Старая Русь»

дов учился в классах рисовальной школы при Императорском обществе поощрения художеств, а в 1897 году поступил в Императорскую академию художеств. Его преподавателями были мастера первой величины — П.О. Ковалевский, В.В. Мате и, главное, выдающийся мастер Илья Ефимович Репин. Здесь Иван снова встретился со своим давним знакомцем и коллегой Борисом Кустодиевым, который был уже одним из лучших учеников Репина. Вместе с Иваном учились молодые, впоследствии составившие славу русского национального искусства, И. Билибин, И. Бродский, К. Сомов, Ф. Сычков. Рядом с талантливыми и такими же

молодыми, как и он сам, очень устремленными студентами Горюшкин-Сорокопудов быстро продвигался по многотрудной стезе любимого искусства.

Тогда, в студенческие годы, Иван заинтересовался культурой Древней Руси, ее историей. Именно из-за этого он ездил на этюды в русские города, где будто бы само прошлое время застыло в каменных образах величественной национальной архитектуры. Это, конечно, Ростов Великий с его изумительными храмами и сердцевина русского православия — Сергиев Посад. Благословенный Радонеж и Хотьков, с его Покровским женским монастырем, где

хранится рака с мощами Преподобных Кирилла и Марии, родителей Святого Сергия Радонежского.

Места эти, расположенные в пятидесяти километрах от Москвы, всегда привлекали творцов. Именно здесь, вдохновляясь пейзажами окрестностей «Святой Земли», художник Михаил Нестеров написал знаменитый шедевр — «Видение отроку Варфоломею»... А всего в четырех километрах от Радонежа находится усадьба Абрамцево, ставшая своеобразной «меккой» для русских художников. Здесь бывал весь цвет русской культуры — художники, композиторы, выдающиеся театральные деятели, писатели и поэты, великие артисты и режиссеры...

Направление в изобразительном искусстве, к которому принадлежал Иван Силыч Горюшкин-Сорокопудов, — реализм. Направление многовековое. Каждый художник привносил в общее течение нескончаемой реки реалистического отображения действительности свой вклад, а это всегда новый взгляд, неожиданная проработка того, что ранее не замечалось, это проникновение художника в самые таинственные глубины реальности земного бытия... Иногда реализм называют «хребтом» или «костяком» всех изобразительных возможностей!

Иван Силыч, тоже внес свой мощный вклад в неисчислимую многогранность достижений реализма.

Слева:
*«Сталин
у гроба
Ленина»*

*«Упавшие
колокола»*

Есть у него и работы, которые попадают под определение «соцреализм». Он ведь жил в то время, когда это направление в литературе и искусстве стало доминирующим в СССР, а так как художник не разделял идеи социалистического реализма, он, как говорится, выпадал из художественной жизни. Его не принимали в творческие союзы, он не имел возможности выставляться и, конечно, не мог получать заказы. Думает-

ся, только поэтому у Горюшкина-Сорокопудова появились картины, посвященные революционным событиям и Владимиру Ленину: «Революция. 1905 год», «Баррикады. 1905», «Разгром барской усадьбы», «Шлиссельбургская тюрьма» и «Привезли арестантов», «Ленин на трибуне», «Похороны Ленина» и еще ряд подобных работ. Но Иван Силыч, при всем при этом, не был революционером в искусстве. Не случилось

«Раздача милостыни в Святую ночь в Старой Руси»

у него «прорывных», ошеломляющих работ о том времени, он все-таки был представителем реалистической русской школы в живописи и графике. Подтверждением этому — его многолетняя педагогическая практика в провинции, он был настоящим учителем и наставником для молодого поколения художников. Передавал им необходимые принципы реалистической школы и приемы мастерства реалистического отображения многообразного русского мира.

Но и педагогическая деятельность, и общественная (он был директором Пензенской картинной галереи и директором Пензенского художественного училища) были подчинены главному делу его жизни — творческой работе!

Помнится, еще в студенческие годы у нас бытовало мнение, что Горюшкин-Сорокопудов и по тематике картин, и по исполнению очень похож на Кустодиева, и даже на Нестерова... Но мы были молоды, еще недостаточно подготовлены, поэтому нам бросались в глаза лишь какие-то внешне схожие элементы живописных работ, и их некое совпадение сразу казалось повтором одного и того же. Теперь такие мысли вызывают лишь усмешку. Да, эти художники жили в одно время, учились в одно время и, можно сказать, у одних и тех же учителей, но они очень разные личности, разные мастера и разные художники! Разные по духовной составляющей, по своим интонационно-колористическим вос-

«Плач Ярославны»

приятиям мира и людей. А похожи, безусловно, в одном — в восприятии русского мира, который они страстно и любовно изображали. Да, все они очень любили свою родину — Русь — Россию! Любили свое Отечество, свою землю и свой народ, но выражение и отображение этого у каждого было очень своим, неподражаемо оригинальным.

Самые значительные живописные полотна у Горюшкина-Сорокопудова — это его исторические фантазии на темы бытования в Древней Руси. Это все та же «Русь — уходящая»... Храмы, монастыри, колокола... Сказочные причудливой деревянной архитектуры замки, слегка детски-наивные... Словом, истори-

ческий жанр в творчестве этого художника был главенствующим. Об этом говорят сами работы. Они источают такой очаровывающий магнетизм, что репродукции их часто можно видеть в книгах по истории как иллюстрации, и даже в школьных учебниках. Это доказывает глубинное художественное проникновение художника в суть ушедших времен, очень реалистически верно запечатленных образов, порожденных воображением и мастерством художника. Своеобразие этих работ ярко и узнаваемо! Особенно замечательны холсты «Старая Русь», «Скит», «Плач Ярославны», «Канун Пасхи в Старину»... А еще — «Княже у обедни» и «Женщина времен Тишайшего царя», «Божий суд» и

«Базарный день в Старой Руси», «Раздача милостыни в Святую ночь в Старой Руси»...

Помимо этого Иван Силыч написал множество пейзажных работ, поскольку любовь его к родной природе, как говорится, лежала на самой поверхности. Одна эта, такая жизнеутверждающая, такая светоносная работа чего стоит. «Солнце на лето, зима на мороз» — так называется этот холст, живописная сюита — радость «белого-белого дня!»

Продуктивно работал Горюшкин-Сорокопудов и в жанре портрета. Создал большую галерею портретов современников: портреты скульптора К.А. Клодта и Соболецкиковой-Самариной, «Портрет матери» и «Портрет жены», а также блестящие портреты Н.В. Мансыревой, В.В. Фоминой, мастерски написанный порт-

рет друга и коллеги, художника Ф.В. Сычкова и большой хост — «Групповой портрет московских художников». Эти работы могут служить образчиками подлинно мастерских реалистических портретов в русском искусстве.

Проникновенно написан и автопортрет Ивана Силыча. Он поражает не только цветовой гаммой, но и внимательным анализом собственной души. Художник, держа в руке кисть, очень внимательно вглядывается не только во внешние черты, но старается приоткрыть мир внутренний, многосложный, как и бывает у настоящего мастера...

Блестяще выполнен портрет «Листопад» — лик девушки среди опадающих огненно-желтых и карминных листьев. Эта картина возбуждает ассоциации к направлению

Слева:
*«Солнце
на лето,
зима
на мороз»*

«Листопад»

«арт-нуво», очень модного в те годы. Это были годы активного творческого азарта двух ярких представителей модного направления, Густава Климта и Адольфа Мухи. Но работа Горюшкина-Сорокопудова не подражательна, она как «реплика» на работы этого течения, и стоит в ряду реалистических достижений Ивана Силыча. Это его взгляд и чувства, его мастерство, и — его образ наступающей осени...

Много времени и творческих сил отдавал Иван Силыч графике, прак-

тически в течение всей творческой жизни. Выполнял графические иллюстрации для книжных издательств. Книги многих авторов проиллюстрировал Горюшкин-Сорокопудов, в том числе таких выдающихся писателей, как Мельников-Печерский («В лесах») и Алексей Константинович Толстой («Князь Серебряный»). Его графические работы с большим пиететом печатали самые значимые столичные журналы — «Нива» и «Столица и усадьба». А еще он обладал литературным

талантом. Написал книгу воспоминаний «Годы учебы у Репина», известную статью «За реализм под суд» и другие материалы, печатавшиеся в периодике.

Советская власть отметила достижения большого мастера изобразительного искусства наградами — орденом Трудового Красного Знамени и званием «заслуженный деятель искусств РСФСР». Работы Горюшкина-Сорокопудова хранятся в Государственной Третьяковской галерее и других собраниях страны. Но самое большое собрание его работ находится в Пензенской картинной галерее, где в 1986 году был открыт мемориальный музей художника.

В большом творческом наследии прекрасного русского художника явственно проступает его огромная любовь к своей земле, России и людям, к неповторимой природе любимого Отечества. Он пришел в мир не только за тем, чтобы «увидеть солнце», как говорил поэт, но и отобразить в своих живописных «сюитах и симфониях» очарование его света и жизнеутверждающей красоты ...

Последние годы жизни Иван Силыч провел в деревне Ивановка, отлученный от своих любимых учеников. Чиновники «от искусства» считали, что художник воспекает далекое прошлое, совершенно не понимая советской действительности.

В той же деревеньке Горюшкин-Сорокопудов и скончался в декабре 1954 года. Похоронили его в Пензе.

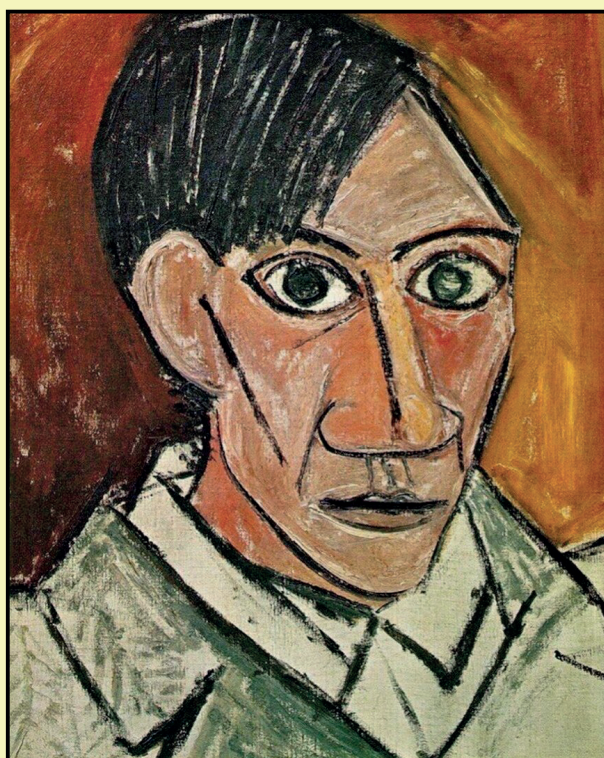
Полноценное и успешное воинство не может состоять только из генералов и маршалов, необходимы ему и сержанты, и командиры подразделений, и солдаты-воины. Может, такая аналогия и не уместна, но взял я ее лишь затем, чтобы четче обозначить мысль — все занимающиеся искусством не могут быть гениями! Особенно это очевидно в изобразительном искусстве, где веками жила и здравствует традиция — обучения мастером ученика. В истории искусства не счесть случаев, когда у мастера средней руки учился впоследствии прославившийся в веках своего учителя гениальный ученик! И вот вопрос — а стал бы гением ученик, не будь у него учителя-профессионала, который пошагово учил, показывал различные приемы владения живописной техникой, учил обращению с материалами — словом давал все то, что и составляет технический и творческий «базис» для работы художника? Подобные уроки педагога-мастера — это вклад в поток «вечной реки» искусства. И он бесценен для грядущих поколений! Учитель-мастер всегда на страже охранения традиций, подлинного мастерства.

Слова эти и о мастере-педагоге, большом русском художнике Иване Силыче Горюшкине-Сорокопудове! □

ПИКАССО

«Авиньонские девицы»,

или Картина-уравнение

*Пабло Пикассо.
Автопортрет*

В истории искусства очень редки картины-революции, картины, дающие начало новому направлению, новому видению, новому пониманию красоты. И такой революцией, не-

сомненно, стала созданная в 1907 году картина Пабло Пикассо «Авиньонские девицы».

Как и всякое новаторское произведение, это полотно вызвало поначалу острое неприятие и порой даже осуждение, причем не только широкой публики, но даже близких друзей художника, его коллег-живописцев.

«Слушай, Пабло, несмотря на твои объяснения, твоя живопись — это как если бы захотел заставить нас есть паклю и пить нефть, чтобы плевать огнем!» — говорил другу Жорж Брак. А Матисс, давний и всегдашний соперник Пикассо, кричал, что этот испанец позорит живопись и хочет ее уничтожить. Лео Стайн, брат Гертруды Стайн и известный коллекционер, откровенно хохотал над Пикассо. Реакция на «Девниц» была столь оскорбительна, что художник Андре Дерен даже сказал, что «в один прекрасный день Пикассо найдут повесившимся позади его великого холста».

«Авиньонские девицы»

Сергей Щукин, ценитель всего нового и уже прикупивший несколько работ Пикассо, из Москвы спрашивал своих парижских приятелей,

правда ли, что Пикассо совсем сошел с ума? Но поэт Андре Сальмон иначе оценил полотно: «Это обнаженная проблема, белые цифры на

теперь были не персонажи, не образы, а свободно комбинируемые знаки. С «Авиньонских девиц» начался кубизм.

Так что же такое изобразил на своей новой картине совсем еще юный, 26-летний Пикассо?

На огромном полотне стоят пять уродливых женщин. Тут все уродливо, даже фрукты в нижней части картины и те какие-то уродливые, неаппетитные. Героини Пикассо смотрят на зрителей в упор. Грубые лица и грубо раскрашенные тела, написанные коричневыми, голубыми и розовыми тонами, очерченные острыми, угловатыми линиями. Никто до Пабло не писал ничего подобного. Нет, конечно же, многие художники любили изображать обнаженных дам, но, как правило, они были прекрасны и возбуждали эстетическое чувство, а порой будили эротические фантазии. Эта же картина явно требовала от зрителя радикальной смены вкусов и нового понимания Прекрасного.

В 1904 году молодой испанец Пабло Пикассо переезжает в Париж. А как иначе — ведь именно здесь, в столице Франции рождается новое искусство, бурлит жизнь. Здесь творят самые разные художники из самых разных стран. И, конечно же, он обустроивается в знаменитом монмартском общежитии для бедных художников Бато-Лавуар. Он много работает — идет его так называемый «розовый период», сменивший наполненный трагизмом «голубой период». Тогда его героями были

классной доске, ...это принцип, установленный картиной-уравнением». Пикассо потряс искусство и открыл новый путь — элементами картины

«Обнаженная под сосной»

нищие, старики и дети, теперь — клоуны, танцовщики и акробаты.

Пикассо здоров и полон сил. Рядом с ним — очаровательная, веселая и чувственная Фернанда Оливье, первая женщина, с которой он живет под одной крышей, первая женщина, которую он любит по-настоящему. Пабло и Фернанда обитают в маленькой квартирке в Бато-Лавуар — крохотная спальня, тесная передняя и совсем небольшая мастерская. Вместо электрической лампы — керосиновая, обшарпанные стены. «В одном углу стояла кушетка, в другом — маленькая печка с плитой для обогрева и готовки, несколько стульев,

одно большое сломанное кресло... Пахло псиной и красками, и там была еще большая собака, и Пикассо переставлял ее с места на место, как будто собака была мебель», — вспоминала Гертруда Стайн. В мастерской Пикассо обитало разное зверье — мартышка, черепаха, кошки и собаки. А еще там был единственный на весь дом водопроводный кран. По сути, Пикассо был еще нищ, но критики уже обратили на него внимание, некоторые его работы нашли своих покупателей, и он уже чувствовал, что успех совсем рядом, и стремился к победе. (Как только у него появились деньги, он тут же поки-

нул это богемное жилье и перебрался в респектабельную квартиру на бульваре Клиши). И совершил резкий поворот в своей творческой судьбе.

В те годы балом в парижском мире живописи правил Матисс. Лео Стайн, человек азартный и умный, хорошо знавший натуру художников, решил познакомить молодого Пабло и уже довольно маститого Матисса, надеясь в глубине души, что между ними возникнет соперничество. Оба — азартные, честолюбивые, талантливые. Стайн хотел получить от этого соперничества свою выгоду — новые полотна, которые войдут в его коллекцию. И все получилось так, как он рассчитывал.

В 1906 году весь Париж говорил о последней картине Матисса «Счастье жизни», на которой были изображены несколько обнаженных женских фигур. И Пикассо тоже жаждал славы, он тоже хотел, чтобы везде звучало его имя. И он начал писать своих обнаженных дам, корежа при этом все нормы живописного представления женской наготы. Он создавал новую эстетику. Дни и ночи Пабло работал над новой картиной, и теперь уже не он ревновал свою красавицу Фернанду ко всем мужчинам, крутящимся вокруг нее, а она ревновала его к его новому полотну, которое он не оставлял ни на минуту и которое поглощало все его время и силы.

Конечно, в этом полотне не все полет удивительной фантазии ху-

дожника — он опирался на находки Эль Греко («Снятие пятой печати», 1608), на африканское искусство. Как-то Пабло посетил парижский Этнографический музей, где его внимание привлекли маски народов Африки, Океании и Полинезии, обычно употребляемые в магических действиях колдунами. Увиденное произвело на него сильнейшее впечатление. Он писал: «Мои самые сильные художественные переживания я испытал, когда мне вдруг открылась изумительная красота скульптур, созданных безымянными художниками Африки. Эти произведения религиозного, страстного и строго логичного искусства относятся к самым впечатляющим и прекрасным творениям человеческого воображения».

В 1906 году в Париже прошел ряд выставок, на которых можно было увидеть иберийские скульптуры. На Пикассо они произвели огромное впечатление. Во время работы над «Авиньонскими девицами» он частенько любовался двумя древними иберийскими статуэтками, хранившимися у него в мастерской. Но вот как они к нему попали? История этих статуэток не проста и даже носит детективный характер. Главные ее персонажи — Пикассо, Гийом Аполлинер и приятель поэта, его секретарь, авантюрист, обладавший невероятным шармом, бельгиец Жери Пьере. Вот как об этом рассказывается в книге Нормана Мейлера «Пикассо. Портрет художника в юности»:

«Герника»

«Однажды (в 1907 году) он (Жери Пьер), например, сказал Мари Лорансен (Мари Лорансен — художница, подруга Аполлинера): «Мадам Мари, я сегодня собираюсь быть в Лувре, может быть, вам оттуда что-то принести?» Этот вопрос для каждого означал бы, что он предлагает купить что-нибудь для Мари в магазине «Дю Лувр», крупном универмаге на улице Риволи, который пари-

жане часто называли просто «Лувр»; но в этот вечер он вернулся в квартиру Аполлинера с двумя каменными иберийскими головками и, ликуя, объявил, что они и в самом деле из Лувра — из музея.

Это вызвало взрыв веселья среди художников Монмартра, и, когда он, как обычно, заявил, что нуждается в наличных деньгах, и предложил продать статуэтки, об этом стало извест-

но Пикассо, который купил их и в дальнейшем, как ему было свойственно, вдохновился этими старинными произведениями народного искусства Испании. В 1907 году он как раз приступил к работе над «Авиньонскими девицами», и всякий, кто смотрит на «Девиц», может увидеть сворованные Пьере головы — или, по крайней мере, их уши — в двух центральных фигурах». (В некоторых источниках го-

ворится, что Пикассо заплатил Пьере за фигурки 50 франков, которые тот благополучно проиграл в бильярд.)

Закончив «Авиньонских девиц», Пикассо поставил фигурки в шкаф и забыл об их существовании.

А в 1911 году Пьере, сначала разбогатев, а потом разорившись, вернулся из Латинской Америки в Париж и снова похитил из Лувра — ради острых ощущений, и чтобы снова по-

казать, что охрана в музее никуда не годится, — еще одну иберийскую фигурку. Но тогда все говорили о только что украденной в Лувре «Джоконде», и полиция в связи с этим расследовала каждую кражу в лучшем музее Франции. Перепуганный Пьере, вернув через один из парижских журналов, «Пари журнал», украденное, сбежал на юг Франции и оттуда принялся слать отчеты о своих «подвигах». Аполлинеру и Пикассо пришлось вернуть украденные фигурки через тот же журнал — при условии полной конфиденциальности. Однако каким-то образом их имена все-таки стали известными. Дело кончилось допросом Пикассо и арестом Аполлинера, которого поместили в тюрьму Санте и выпустили оттуда только через две недели. Пикассо не было предъявлено обвинений, но он оставался свидетелем по этому делу...

Так закончилась история с иберийскими фигурками.

Но не только шедевры прошлого вдохновляли Пикассо во время работы над «Авиньонскими девицами». Основой его замысла были его собственные впечатления от посещений барселонских публичных домов, в частности того, что располагался в центре Барселоны, недалеко от его родительского дома. Спустя много лет после создания картины Пикассо рассказывал известному критику, историку искусства и издателю Даниэлю Анри Канвейлеру: «Ты не можешь представить, как меня раздражает это («Авиньонские девицы») название. Это Андре Сальмону (другу Аполлине-

ра и Пикассо, писателю) пришло в голову. Ведь сначала она называлась «Бордель на улице Авиньон». Это заведение было частью моей жизни: я жил в двух шагах от улицы Авиньон, там и покупал бумагу и акварельные краски. С другой стороны, ты знаешь, что бабушка Макса Жакоба была родом из Авиньона, и мы долго отпускали всякие шуточки по поводу картины: про одну женщину говорили, что она бабушка Макса, про другую — что это Фернанда Оливье, а третья была Мари Лорансен. И все они собрались в борделе на улице Авиньон». Вот так шутили в компании Пикассо.

Пабло часто бывал в парижской тюрьме Сен-Лазар, где сидели проститутки и воровки, которые не раз позировали молодому художнику, он сделал там множество эскизов и рисунков. А в Барселоне он нередко заходил в больницу Санта-Креу и навсегда запомнил лица несчастных, больных самыми разными болезнями проституток, их глаза, в которых жило разочарование и полное безверие в Бога и людей. Смерть, эрос, отчаяние — все это было в судьбах этих несчастных женщин. И все это потом, спустя годы, отразилось в лицах и фигурах авиньонских девиц.

Прежде чем остановиться на окончательном варианте композиции, Пикассо сделал сотни эскизов. (Он покажет их публике лишь спустя много лет, в 1973 году). Художник сам говорил, что написал картину «в два приема». Первый этап — с марта по май 1907 года. В эти месяцы Пикассо планировал изобразить на

картине шесть или семь персонажей, среди дам должны были быть студент-медик и матрос. Один из них на эскизе сидит за столом, на котором бурдючок с вином и фрукты. А второй стоит к зрителю боком и неотрывно смотрит на обнаженных женщин. Одна его рука приподнята, в другой он держит книгу и череп. В этом персонаже угадываются черты самого Пикассо. Мэри Мэтьюз Джедоу, автор книг о Пикассо, считает, что и студент, и моряк — это Пикассо, обесиленный и измученный подхваченной в Барселоне венерической болезнью (от которой он избавился лишь спустя много лет). Художник словно предостерегает, изображая череп в руках студента, о том, что болезни и страдания — неотъемлемая часть этого порочного мирка. Страсть и желание влекут за собой болезнь и смерть, а потому любовь бывает так уродлива. Никакой нежности, никакого тепла — и все возможные и невозможные пагубные последствия. За удовольствия приходится расплачиваться, и плата порой бывает очень высокой...

Но все эти смыслы, которые закладывал в картину Пикассо, оказались гораздо менее важными, чем то новое, что привнесла эта картина в искусство. «Здесь, — пишет российский историк искусствовед Михаил Герман, — своего рода художественный электрошок: искусство взламывает эмоциональные защитные слои, оно врывается прямо в усталое депрессивное подсознание, говорило на языке, на котором человек не ре-

шался еще говорить, о том, о чем он еще не отваживался думать».

XX век, принесший две страшные мировые войны, только начинался. У Пикассо впереди была долгая жизнь, долгий путь в искусстве (он умер в 1973 году, в 92 года), впереди — его гениальная «Герника»...

Непростая судьба ждала и «Авиньонских девиц»: лишь спустя 32 года картина была признана достойной музейного собрания. Несколько лет она оставалась в мастерской художника. В 1914 году ее показали публике. Кто-то даже захотел ее купить — за 20 тысяч франков, но Пикассо отказался продавать полотно. И наконец только в 1924 году он согласился продать картину известному парижскому модельеру Жаку Дусе — тот купил ее за 25 тысяч франков, которые были выплачены в виде 12 ежемесячных взносов. Дусе умер в 1929 году, и картина перешла по наследству его вдове мадам Дусе. В 1937 году она продала — в шесть раз дороже! — «Авиньонских девиц» нью-йоркскому дилеру Жаку Зелигману, который показал ее на выставке современного искусства, после чего она перешла — Зелигман выручил 28 тысяч долларов — уже в собрание MOMA, нью-йоркского Музея современного искусства. Сегодня эта картина — одна из самых значимых в коллекции музея. И это неудивительно: «Авиньонские девицы», даже если они вам и не нравятся, — настоящие революционерки, совершившие переворот в искусстве XX века! □

Юрий Ростозцкий

Фото из личного архива

Юрий Ростозцкий — очень харизматичный и талантливый оперный певец, солист Гостелерадио компании «Культура». Он стажировался в Германии, в Италии, участвовал в мастер-классах Галины Вишневской, Фабио Сарторы, Деборы Йорк, Даринн Зиммер, Хуана Диего Флореса... Юрий — лауреат множества международных конкурсов: Гран-при в конкурсе молодых музыкантов-исполнителей, приз за лучшее исполнение романсов П.И. Чайковского, 3-я премия в конкурсе теноров имени И.С. Козловского, дипломант конкурса вокалистов имени Б.Г. Штокколова ...

«Искусство объединяет людей и стирает все языковые барьеры»

— Юрий, в это сложное время, которое переживает весь мир, есть ли творческие планы на ближайшее будущее?

— Сейчас непростой период для артистов, но, несмотря на это, появилась возможность заняться тем, что всегда откладывал, и эти три

месяца пандемии дали возможность посмотреть и попробовать произведения и партии, которые хотелось бы исполнить в будущем. Интересны новые произведения, которые нужно проработать на перспективу,

народных инструментов имени Некрасова по Европе. Он перенесен на осень, и мы надеемся, что он состоится. Также было запланировано концертное исполнение барочной оперы «Аннет и Любен» в дворцово-

*Выступление
в Нидерландах*

послушать, как партия «ложится» на голос. Я пробую более плотные партии в операх Россини, Моцарта, Доницетти и Глинки. Также идет обсуждение с агентами проектов, перенесенных из-за пандемии на осень или на следующий год.

Я являюсь солистом Гостелерадио компании «Культура», и с моим участием был запланирован большой концертный юбилейный тур Академического оркестра русских

парковом музее-заповеднике Царицыно в формате оперн-эйр. Но эта опера, сочиненная французским композитором Блэзом по заказу Екатерины Великой, будет транслироваться в видеоформате.

— Есть ли у вас любимый композитор, и какие партии хотелось бы исполнить в будущем?

— Я планирую исполнить партию Неморино в опере «Любовный на-

питок» Доницетти. Арии и сцены из этой оперы уже приходилось исполнять на концертах и конкурсах, но в самом спектакле пока не участвовал. Мне близок образ героя Неморино, его открытые эмоции, лиричность и непосредственность, он схож с Ленским — я провожу такую арку между этими двумя героями. Особенно мне близок по стилю и по темпераменту Моцарт. Я сейчас с большим интересом пою арии

из его опер «Дон Жуан», «Похищение из сераля» и «Митридат». Также на моем пианино лежат клавиры опер Россини «Турок в Италии» и «Семирамида» — это для следующих европейских ангажементов. Когда поступает предложение на конкретную партию, то надо быть уверенным, что она тебе подходит по голосу. Мне везет — все исполненные мною оперные герои (Ленский, Линдоро, Феррандо, Рамиро, Тебальдо) мне близки

Тебальдо
(«Монтечки
и Капулетти»,
Беллини),
Каунасский
музыкальный
театр

Справа:
Линдоро
(«Итальянка
в Алжире»),
Россини

как образы и идеально подходят голосу. В таком высоком ключе классического репертуара сейчас работаю и продолжаю свое развитие.

— Кто привил вам любовь к пению?

— Я всегда пел, еще даже будучи ребенком. В нашей семье не было профессиональных музыкантов. Мои папа и мама хотя и учились в музыкальной школе, но настоящего пев-

маться вокалом. Тогда из меня педагог не «вытаскивал голос» (есть такое профессионально выражение), голос был при мне всегда — яркий и высокий дискант. Если надо было петь соло в хоре, то всегда ставили меня, и при этом не важно было — высокие ноты или низкие. Позже, учась в музыкальной школе, всегда участвовал во всех главных концертах города и края, и по окончании школы вопрос о выборе профессии не сто-

ческого голоса у них не было. Когда мне исполнилось пять лет, и я пришел в подготовительный класс музыкальной школы, меня сразу перевели в старший хор, а дополнительно стали со мной индивидуально зани-

мать — я продолжил музыкальное образование в колледже искусств.

— Расскажите, пожалуйста, где вы получали вокальное образование?

— Моя семья из Санкт-Петербурга, папу после окончания Военно-морского института направили служить в Петропавловск-Камчатский. Здесь я учился в музыкальной школе № 4 и в Камчатском колледже искусств, который является ведущим на Дальнем Востоке. Окончив колледж, продолжил свое обучение в Москве на вокальном факультете знаменитой Гнесинки — Российской ака-

смотром и контролем своих наставников. Определенно, у меня есть педагоги, которые по-настоящему верили и пестовали меня. Мой первый педагог вокала в музыкальной школе № 4 — Ольга Владимировна Усманова, с которой были покорены все региональные вокальные конкурсы. Особая роль в моем становлении принадлежит преподавателю в колледже искусств — заслуженному де-

Бригелла («Ариадна на Наксосе», Штраус)

демии музыки имени Гнесиных, где получил диплом с отличием по специальности «Вокальное искусство».

— Кого вы считаете своими учителями в профессии?

— Учителей было много, надо сказать, что певцы, как и спортсмены, всегда находятся под чутким при-

ятием искусств РФ Евгению Ивановичу Морозову. Он обращал внимание на артистизм и музыкальность, что очень важно в нашей профессии, прививал сценическую свободу и выразительность. Являясь студентом колледжа, я выступал на серьезных всероссийских вокальных конкурсах и побеждал. Считаю это большим до-

стижением, потому что именно в колледже я ощутил себя артистом.

В РАМ имени Гнесиных моим педагогом была заслуженная артистка РФ, профессор Светлана Владимировна Горенкова — известный специалист по вокалу, в классе которой мы работали над техникой голоса. Я очень благодарен Гнесинке за образование, за ту атмосферу, в которой мы находились: стены, где творили и преподавали великие музыканты, уважительное отношение педагогов к студентам, что позволило навсегда впитать традиции и музыкальный дух семьи Гнесиных. На последних курсах вокального факультета есть предмет «Оперная студия», где молодые вокалисты учатся петь оперные партии с оркестром, ходить по сцене и участвовать в мизансценах с партнерами. Это полноценный оперный спектакль — с оркестром, хором, в костюмах и полным залом публики. Моей дипломной работой была партия Ленского в опере «Евгений Онегин» П.И. Чайковского.

Дальнейшее сотрудничество с талантливым оперным коучем Светланой Ефимовой помогло моему продвижению на европейский уровень. Усердная и активная работа в этом направлении принесла победы на европейских конкурсах. А еще очень помогли международные мастер-классы, зарубежные стажировки, ангажементы и проекты. Это большая ответственность — представлять свою страну за границей.

— Вы много гастролируете, какая поездка особенно запомнилась?

— У меня с Нидерландами сложились теплые отношения. Я выступал на их главном вокальном конкурсе и от президента конкурса получил приглашение исполнить серию концертов. Мне предоставили возможность спеть партии Евангелиста и тенора в «Страстях по Матфею»

*Феррандо
(«Так поступают
все»,
Моцарт)*

Баха — барочная духовная оратория для солистов, органа, двух хоров и двух оркестров, исполняемая на немецком языке. Это редкость, что российскому певцу доверили исполнить такую трудную ведущую партию. После этого пел Линдоро в «Итальянке в Алжире» Россини в трех театрах Голландии. Поначалу ко мне относились настороженно — русский тенор там редкий гость, к тому

— Ограничения, конечно, существуют, и это не только, например, не пить холодное, не есть острое. Эмоциональные ограничения тоже существуют: нельзя нервничать и расстраиваться, нужно ограждать себя от неприятных событий. Любая нервная обстановка или обида создают «ком в горле», и эта мышечная память может держаться два-три дня. Немаловажно по-

Дон Рамиро («Золушка», Россини)

же политические отношения давали о себе знать, но потом отношение становилось теплым. Так что певцы тоже работают на престиж нашей страны. Мои выступления проходили от Востока (Японии, Кореи и Китая) до Запада (США, Мексики и Канады).

— Какие ограничения существуют в жизни оперного певца?

нимание окружающими и друзьями образа жизни и профессии певца — высыпаться, беречь энергию и голос. Что касается питания, то за неделю до выступления я не ем шоколад, мороженое, острое и сильно горячее. Существуют аллергенные продукты, и обычно каждый знает, что ему можно, а что нет, какая реакция может по-

следовать на тот или иной ингредиент.

— Юрий, при всей загруженности, есть ли у вас хобби?

— Сейчас, поскольку появилось свободное время, совершенствую английский язык, учу итальянский, занимаюсь нетравмоопасным спортом, так как любая травма может выбить из строя.

ной программе фестиваля. Художественный руководитель фестиваля — Сергей Филин. Он подобрал балетную и музыкальную программы. Было очень приятно участвовать в «Русских сезонах», выступать в оперном театре Довиля для высокой русско-французской публики, присутствовать на приеме в ресторане казино Довиля. Искусство объединяет людей и стирает все языковые барьеры.

*Выступление с Михаилом Плетневым и Полиной Шимаевой
(Большой фестиваль РНО)*

— Вы принимали участие в «Русских сезонах», в Довиле, во Франции, расскажите об этом.

— Это очень интересный проект, в котором я принял участие по приглашению сопрано Дарьи Давыдовой. Возрождаются и продолжают Дягилевские традиции в знаменитом Довиле, где мы выступали в музыкаль-

— Юрий, а о чем вы мечтаете сегодня?

— Поскорее вернуться в профессию! Хочется, чтобы все вернулось на круги своя, чтобы наша жизнь была добрее и наполнилась светлой энергией. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Маргарита Воротынцева

Когда-нибудь — возьму, да и уеду,
Куда-нибудь — на остров, на луну.
В два шерстяных — шотландской клетки — пледа
Все, что с собой, в дорогу, заверну:
Зеленый шарф, на нитке амулет,
Рождественник и с камушком браслет,
Мишутку Джонни, туфли с каблуками,
Цветаеву — с затертыми листьями.
Когда-нибудь — возьму, да и уеду,
Куда-нибудь — на полюс, на луну.
В два шерстяных — шотландской клетки — пледа
Все, что с собой, в дорогу, заверну:
Две пары спиц и теплые носки,
Помаду и японские стихи,
Чуть-чуть зефира, банку помидор,
Да платье, где жаккардовый узор,
Все остальное — отнесу соседу.
И, знаешь... без тебя я — не поеду.

ДРУЗЬЯМ

Мои друзья. Серьезные. Смешные.
Мои друзья, недобрые-незлые —
Где вы сейчас, невзгод моих начало?
С кем вы теперь, мои друзья-враги?
Эк по свету нас с вами разбросало.
Узнать при встрече — Боже, помоги!

На сердце — влет — еще одна снежинка.
Что не вернуть — не стоит догонять.
Душа — и не душа уже, а — льдинка.
Не смыть навета. Дружбы — не спаять.
Простить — при встрече — Боже, помоги...
Где вы теперь, мои друзья-враги?

МОЯ ЛЮБОВЬ

Моя любовь. Не добрая. Не злая.
Не робкая, не смелая любовь.
Теперь — и не твоя, и не чужая.
Теперь — и не одна, и не с тобой.
Ты крепко держишь. От себя толкаешь.
Зовешь и гонишь. Веселишь и злишь.
Ты знаешь все — и ничего не знаешь.
Смертельно ранив — чудом исцелишь.
Правдивая,
Обманная,
Жестокая,
Гуманная,
Счастливая,
Несчастливая...
Скажи мне, что с тобой?
Моя слепая...
Зрячая...
Холодная...
Горячая...
Моя ты безответная —
Ответная —
Любовь...

Все, что я смогла придумать,
Все, чем я жила-дышала —
Забери с собой на память,
Чтобы мне полегче стало.

Забери тетрадь, в которой
Я стихи тебе писала.
Забери конверты писем —
Тех, что я не отослала.

Исцели от лютой боли,
От сквозной — навывлет — раны.
Дверь захлопни за собою —
Точкой ярости чеканной.

Душу выряди в одежды —
Запахнись до самых глаз,
Уходи... Оставь надежду —
Все вернуть — в последний раз.

Люби меня. Такую. Всю из ветра.
Из шелухи картофельной. Цветов.
Из облаков развеянного пепла
Сожженных мною писем и мостов.
Люби меня. Такую. Из рассветов.
Из апельсинок. Из немых обид.
Из грустных песен. Из чужих обетов.
Из женского: «Согрей, меня знобит».
Из устали вчерашней. Из тревоги.
Из самой грубой нити свитеров.
Из каждодневной брэнности дороги.
Из вечно набор сбитых каблуков.
Люби меня. Такую. Из невзгод.
Из слов твоих. Твоих желаний.
Твоих проблем. Твоих воспоминаний.
На долю — из тебя... такую вот...
Люби меня.

Мой милый, мой далекий, мой любимый —
Не нужно слов изысканной печали.
Ты утверждал, что ты — незаменимый?
Я ж — поменяла бюст на пьедестале.
Незаменимых — нет. Наступит осень...
Клин журавлей — воспоминаний нить...
Увидишь, нас опять друг к другу бросит.
Меня никто не в силах заменить.

Испеки мне, пекарь, снова
Добрых, светлых дней —
Сладких пряников медовых
В форме голубей,
Где все живы и здоровы,
Где наш старый двор,
Где гитары бестолковый
Слышен перебор.

В форму круглую ты тесто,
Пекарь, заливай.
Испеки мне год чудесный —
Сдобный каравай,
Где беспечны, словно дети,
Все мои друзья...
И счастливей всех на свете
Где с тобою я.

Я устала невысказанно долго ждать.
Я устала на старых картах гадать.
Я устала от смеха, от тишины,
От звенящего эха, леденящей луны,
От сырых тротуаров, от пыльных дорог,
От чужих мемуаров, от рифмованных строк,
От всего, от чего только можно устать —
Ревновать, уповать, доверять, проклинать...
От самой даже мысли я устала о том,
Что, быть может, когда-то мы будем вдвоем...

Встретились с тобою — в сентябре.
И расстались мы без сожаленья.
Я в тебя влюбилась в декабре —
Изживала, точно наважденье.
Только ты в меня влюбился в мае.
Я тебя забыла, извини.
Что теперь нам делать — я не знаю.
Странная история любви.

В этой осени все так же, как и в той.
В дальний путь отправился листок.
И кусочек неба голубой
Нам — как лета прошлого глоток.

Юрий Осипов

Провинциальная драма Александра Вампилова

...В силы молодого драматурга поначалу не верил никто, даже его родные. Попытки упорного автора пробить стену безразличия и заинтересовать столичные театры закончились безуспешно. Некоторые главрежи даже распорядились не пускать в свои владения этого «настырного буряты».

Разглядеть в нем сегодняшнего Чехова, по словам худрука «Современника» Олега Ефремова, мешали «стереотипно устроенные наши собственные мозги». Тот же Ефремов пробовал продвигать к постановке замечательную раннюю вампиловскую пьесу «Прощание в июне» в качестве произведения национального автора, так как в советское время именно им принято было давать «зеленый свет».

Он мечтал о признании, но увидеть свои пьесы на сцене ему было не суждено. Прирожденный драматург, отвергнутый театрами, Александр

Вампилов начал писать рассказы и даже издал два сборника в областных издательствах, пытаясь пробиться в литературу. Однако подлинное признание пришло к нему, как это, увы, часто случается, лишь после смерти. Вот тогда-то его драматургия произвела переворот в нашем театральном искусстве.

С Чеховым Вампилова роднит многое. Прежде всего — грустный юмор, подтекст и характерный выбор «негероических» героев, обычных, ничем, казалось бы, не примеча-

лок Кутулук (по-бурятски — яма), где и прошли детство и юность будущего писателя.

Человеком провинции, сибиряком он остался и взрослым. Сибирская

О

н мечтал о признании, но увидеть свои пьесы на сцене ему было не суждено, увы, подлинное признание пришло к нему, как это часто случается, лишь после смерти. Вот тогда его драматургия произвела настоящий переворот в нашем театральном искусстве

тельных людей в обыденных обстоятельствах повседневной жизни. Ее несовершенства, ее двойная мораль и бездуховность вызывали у драматурга острое неприятие, пронизывающее его будничные с виду пьесы, которые и в этом отношении схожи с чеховскими.

Несмотря на то, что в биографии его немало трагических страниц, пессимизм ни в жизни, ни в творчестве ему был несвойственен. Как, вспомним, и Чехову. Возможно, он сумел бы дожить до первых успехов своих многозначных пьес, ставших ныне театральной классикой, если бы не нелепая смерть, оборвавшая его жизнь слишком рано. Подобно Чехову.

Своей малой родиной Александр Вампилов называл село Аларь в Иркутской области, хотя родился в августе 37-го, спустя три года после переезда оттуда родителей в посе-

провинция определила писательский менталитет Вампилова. В провинции живут его герои, разворачивается действие его пьес. Причем даже когда оно однажды переносится в столичный город, персонажи — командировочные. «Провинциальные анекдоты» — так он назвал свою последнюю двухактную драму, которую обнаружили после смерти на его рабочем столе. Грустно-символическое название.

То, что ему суждено стать писателем, предсказал отец, Валентин Вампилов, в письме к беременной жене, поскольку во сне его преследовали видения литературных классиков. Предчувствовал он также и то, что писательская судьба их четвертого ребенка окажется тяжелой...

Имя новорожденному тоже дали «по поводу» — страна в тот злоевищий год с необычайным размахом отмечала столетие со дня гибели Пушкина. Не минула злая участь в пору мас-

совых репрессий и отца Вампилова, талантливого учителя русского языка и литературы, директора поселковой школы, бурята по национальности, владевшего пятью языками и до революции служившего репетитором у иркутского генерал-губернатора.

Отца расстреляли весной 38-го по приговору «тройки» областного управления НКВД, обвинив в панмонголизме. Причиной ареста послужил донос «бдительного» коллеги. На руках у стойкой матери, Анастасии Вампиловой, учительницы математики в поселковой школе, остались четверо детей. Воспитывать их помогала

ся в Иркутск поступать на историко-филологический факультет университета. И — «засыпался» на вступительном экзамене по немецкому языку. Год проработал инструктором кружка струнных инструментов в Доме культуры и на следующее лето повторил попытку. Она оказалась удачной.

В 1960 году с дипломом об окончании университета Александр Вампилов начал свой литературный путь сотрудником областной газеты и через четыре года дорос там до должности ответственного секретаря.

С Чеховым Вампилова роднило многое. Прежде всего — грустный юмор, подтекст и характерный выбор «негероических» персонажей, обычных, ничем, казалось бы, не примечательных людей в обыденных обстоятельствах повседневной жизни

бабушка, сыгравшая в жизни писателя роль Арины Родионовны.

Саша рос обычным мальчишкой. Любил гонять в футбол, ходить с классом в походы. Учился посредственно, точных наук не любил, зато читать, по его словам, «был готов, не жрамши, сутками!» А еще выучился играть на гитаре и... мандолине.

Он рано познакомился с волшебным миром театра — выходил на сцену в школьных спектаклях. Писать тоже начал рано: редактировал классную стенгазету, пробовал писать стихи. А после школы отправил-

Однако писать и редактировать материалы о комсомольской доблести и партийной дисциплине ему, потомку бурятских лам по линии отца и православных священников по линии матери, было не под силу. Из газеты он ушел, но продолжал охотно сотрудничать с редакцией и ездить в журналистские командировки. Накопленный в них запас впечатлений и сам опыт журналистской работы отложился затем в его пьесах.

Во дворе здания «Современника» на Чистых прудах давно уже обосно-

валась бронзовая троица культовых драматургов, с чьими именами связано рождение и целая эпоха развития нового советского театра. Это В. Розов, А. Володин и А. Вампилов. А первой «ласточкой» вампиловского появления в советской литературе стал непритязательный рассказ «Персидская сирень», увидевший свет на страницах газеты «Иркутский университет» в далеком 1957 году.

Автор подписал рассказ выдуманной фамилией Санин, опасаясь разносной критики. Она не обратила на рассказ особого внимания, и ровно через год в той же газете, а еще в альманахе «Ангара» вышел второй рассказ начинающего писателя «Стечение обстоятельств», давший название его первому сборнику, напечатанному в 1961 году.

Годом ранее Александр Валентинович женился на студентке ИГУ Людмиле Добрачевой. Семейная жизнь с ней не сложилась, спустя три года они развелись, и молодой писатель в том же году связал себя узами брака с Ольгой Ивановской, вскоре у них родилась дочка. Жить Вампилову оставалось девять лет.

Он продолжал писать рассказы, очерки, фельетоны. Но все больше и больше склонялся к драматургии, найдя в ней свое главное призвание. Вначале пробовал себя в одноактных комедиях «Двадцать минут с ангелом» и «Дом окнами в поле». И, наконец, появилось «Прощание в июне» (1964). С этой пьесы, по мнению исследователей, Вампилов, собственно, и начался как драматург. К работе над

ней автор возвращался неоднократно (известны четыре варианта пьесы).

До трогательности наивная мелодрама показывает нам беспечного, веселого и талантливого студента Колесова на переломе судьбы, после которого он никогда уже не будет прежним. Исключенный из института, герой оказывается на скамье подсудимых. А дальше ему надо выбирать — любовь или карьера? Других вариантов нет...

Казалось бы, невероятно сценичная, увлекательная вещь, но театры от нее один за другим отказывались. Причины были достаточно понятны: эта и все последующие пьесы Вампилова абсолютно деидеологизированы. В них ни разу не упоминаются «социализм», «коммунизм», «капитализм», «Ленин», «партия» и тому подобное.

Прорывом Вампилова на отечественную сцену явилась постановка «Прощания в июне» Клайпедским драматическим театром в 1966 году, после чего с 1970 года пьеса пошла уже в восьми крупных театрах страны.

Следующим очевидным успехом драматурга стала комедия в двух актах «Старший сын» (1965). Причем комедийными в ней, по сути, выступают лишь первые две картины, в которых двое приятелей, оставших от последней электрички, решают переночевать у кого-нибудь из местных жителей и попадают в дом Сарафановых, где один из них, пользуясь случаем, шутки ради, выдает себя за старшего сына главы

семьи, который оказался в трагическом жизненном тупике.

Вампилов вкладывает особый смысл в понятие «сын», утверждая всем строем пьесы нехитрую истину, что люди должны беречь друг друга и не пытаться играть чужими чувствами. Счастливый финал примиряет центральных персонажей, одновременно предостерегая их от попыток наладить жизнь с помощью беспочвенных иллюзий.

Признание приходило трудно. Драматург сетовал друзьям, что устал «переписывать пьесы в угоду хамам и чиновникам». Переделывать текст пьес под свое видение и репертуарную политику возглавляемых ими театров просили, впрочем, и такие корифеи, как Олег Ефремов и Юрий Любимов. Удивительно, даже для них вампиловские пьесы были слишком радикальными.

А он, тем не менее, взялся за самую разоблачительную, самую непримиримую, ну и, конечно, самую пронзительную свою пьесу — «Утиная охота». Завершена она была автором в 1967 году, а впервые опубликована (постановки и экранизации будут позднее) в 1970 году все в том же сибирском литературном альманахе «Ангара». И поскольку произведение это удалось напечатать там, минуя цензурные препоны, на автора сразу накатали донос по обвинению в клевете на советскую действительность.

«Утиная охота» — пьеса исключительно своеобразная по форме.

В ней соединились черты драмы и лирики, а написана она как отрывочные, исповедальные воспоминания главного героя, Зилова, точно обрисовывающие, однако, его характер и образ жизни, его конфликт с самим собой и окружающим миром. Человек «эпохи застоя», у которого есть все, о чем мечтают другие, он осознает на пороге тридцатилетия свою полную никчемность и пустоту, но продолжает по инерции хорохориться и врать окружающим людям, включая жену и любимую девушку...

Чистый и честный мир охоты, противопоставленный болоту зиловского существования, мир той долгожданной охоты, на которую он рвется, но так и не успевает собраться, обозначает открытый финал пьесы — возродиться или погибнуть суждено главному герою? Это каждый читатель и зритель решает сам, причем не только про Зилова, а про себя тоже.

С 1975 года пьеса «Утиная охота» начала триумфальное шествие по сценам советских и зарубежных театров и не сходит с них до сих пор. Ее успешно экранизировал в двухсерийном фильме «Отпуск в сентябре» режиссер Виталий Мельников с Олегом Далем в главной роли, которая считается едва ли не лучшей его работой в кино. Вместе с ним в фильме сыграли замечательные артисты Юрий Богатырев, Ирина Купченко, Евгений Леонов и другие. Вторую не менее интересную экранизацию «Утиной охоты» под названием «Райские кущи» осуществил в 2015

году другой наш маститый кинорежиссер А. Прошкин. Зилова в его фильме играет Евгений Цыганов, а Галину — Чулпан Хаматова.

Первые же постановки пьесы в столичных театрах начнутся, как уже говорилось, лишь после смерти драматурга. Застрельщиками станут в Москве театр имени Ермоловой и театр имени Станиславского, а в Ленинграде — Большой драматический под руководством Георгия Товстоногова. Тогда же, когда «Утиная охота» безнадежно застревала в кабинетах театральных завлитов, по

за похоронами автора в августе 72-го ее разрешили печатать.

Действие пьесы снова происходит в таежном центре, куда приезжает следователь Шаманов, в которого влюбляется молодая местная девушка Валентина. Она привлекает его внимание тем, что раз за разом упрямо поправляет сломанные доски штакетника вокруг маленького палисадника перед закуской. Их валят идущие напрямик работяги. А Валентина все поправляет и поправляет... И в этом ее действии скрыт глубокий симво-

Вампилов продолжал писать прозу, но все больше и больше склонялся к драматургии, считая ее главным своим призванием. Вначале пробовал себя в одноактных пьесах, а затем, наконец, появилось «Прощание в июне». С этой пьесы Вампилов, собственно, и начался как драматург

словам одного популярного актера, «не только чиновники не видели, что это великая драматургия, — мы тоже не видели. Не вчитывались, не осознавали, не понимали».

За год до смерти Вампилов написал пьесу «Прошлым летом в Чулимске». Она стала его прощанием с театром, с литературой. Писатель включил пьесу в свой однотомник, и хотя она была принята редколлегией еще в конце 1971 года, облито дважды запрещал публикацию, ссылаясь на якобы «идейную ущербность содержания» и называя пьесу «художественно сырой». Лишь вслед

личный смысл пьесы-завещания Вампилова.

«Прошлым летом в Чулимске», наверное, самая печальная его пьеса. Не сложились отношения у Шаманова с Валентиной, которая выйдет замуж по воле отца за нелюбимого человека, да еще будет изнасилована по дороге на танцы. До встречи с Валентиной Шаманов чем-то напоминает Зилова из «Утиной охоты». Любовь девушки помогла ему поверить в себя и изменить свое отношение к жизни. В финале пьесы он готов выступить на суде против стрелявшего в него насильника Валентины, чтобы остано-

вить безнаказанность. Борьаться с ней и не складывать руки призывает нас автор.

Точными штрихами драматург изображает в пьесе удручающую социальную среду «развитого социализма», окружающую героев и служащую для нас сегодня выразительными приметам того времени. Из разговоров персонажей мы узнаем, что до ближайшей танцплощадки надо идти пешком 5 километров. А в местный Дом культуры привозят по выходным один

что «они поймут. Должны же они понять, в конце концов». Этим самым героиня преподносит урок нравственности и долготерпения не только Шаманову с Пашкой, но и нам.

Вот чем руководствовался великий Товстоногов, приступая к постановке любимой вампиловской пьесы у себя в театре. Работая над ней, он писал, что «Прошлым летом в Чулимске» ... почти совершенство... Там нельзя убрать даже запятой, как к пьесе Чехова или Горького».

Признание приходило трудно. Драматург сетовал друзьям, что устал «переписывать пьесы в угоду хамам и чиновникам». Удивительно, но переписывать текст пьес под репертуарную политику возглавляемых ими театров просили и такие корифеи, как Олег Ефремов и Юрий Любимов. Как ни странно, но даже для них вампиловские пьесы были слишком радикальными

и тот же всем осточертевший кинофильм...

Молодежи в такой глуши занять себя нечем, и она морально деградирует. Но все же в вампиловской провинции — и здесь, и в других пьесах — таится некое очистительное начало. И хотя под конец Шаманов и его соперник Пашка уедут из Чулимска, они уедут обновленными. И Валентина, униженная, но не сломленная, занимается своим, казалось бы, безнадежным делом с починкой штaketника — в надежде,

Так вместе со своим провинциальным бытом и вечными темами доброты и искренности Александр Вампилов вошел в отечественный театр. Вошел, чтобы остаться в нем навсегда.

Он мог написать еще много чудесных и актуальных пьес, если бы не погиб в тридцатипятилетнем возрасте в канун своего дня рождения. Александр со своим приятелем Глебом отправились на моторной лодке в соседний поселок, чтобы

закупить продукты к этому празднику. Неожиданно проплывавшее мимо толстое бревно с силой ударило в борт, и лодка перевернулась. Глебу удалось как-то уцепиться за борт, а вот Александра течение понесло дальше. Когда тело его вытащили из Байкала и отвезли в больницу, врачу, увы, оставалось лишь засвидетельствовать смерть...

Рассказ местного жителя о том, что произошло 17 августа 1972 года.

...Уже внизу мне пришлось зайти в воду по пояс или по грудь. На этом человеку была какая-то синяя куртка. Я взял его под мышки и спиной дотащил до берега. Помню его волосы — черные, густые, кудрявые. Мне подумалось, что он из местных, потому что был похож на бурята. И показалось странным тогда, почему он не доплыл. Я ж видел, когда в первый раз остановился, что он плыл к берегу, так уверенно, размашисто. И вот оно как получилось...

Вместе со своими вечными темами доброты и искренности Александр Вампилов вошел в отечественный театр. Вошел, чтобы остаться в нем навсегда. Он мог написать еще много чудных и актуальных пьес, если бы не погиб в тридцатипятилетнем возрасте, прямо в канун своего дня рождения...

«Я гнал на мотоцикле к теще. Она жила в Листвянке... Меня ждали — нужно было сено перетаскивать. И вот, значит, где сейчас памятник стоит ему-то, Вампилову, на этом повороте... увидел на воде перевернувшуюся лодку. И один, вцепившись в нее, кричит истошно. Я остановился. Увидел, как второй плывет к суше (он где-то посередине между берегом и лодкой был). Тогда я погнал дальше, чтобы позвать кого-нибудь. Завернул в первый попавшийся дом. Там оказались двое парней младше меня... Они быстро побежали к Байкалу. Я тоже отправился туда.

... Тут уже подплыли пацаны со вторым спасенным... Я попросил пацанов, чтобы они помогли закинуть лежащего ко мне на спину... Мы пошли наверх, к дороге. Пацаны эти чуть придерживали его сзади, чтобы мне было легче идти в гору. Ведь ноша моя была тяжела — во всех отношениях. Так минут десять-двенадцать мы поднимались. «Ты знаешь, кого несешь-то?» — спросил меня его спасенный напарник. Я пожал плечами. «Иркутского драматурга Вампилова». А мне ничего не говорила тогда эта фамилия. Я просто нес человека». □

Евгения Гордиенко

Всеволод Мейерхольд

Режиссер с революцией в душе

Театральный режиссер не может обходиться без мифов. Порой вся его жизнь — сплошной миф. А уж режиссер начала века, получившего впоследствии название Серебряного, и вовсе целиком состоял из мифов и легенд. Время, зыбкое, наполненное «духами и туманами», к тому располагало...

Про Всеволода Мейерхольда, о котором сегодня пойдет речь, историй ходило множество. Одна из самых интересных — о том, что Алексей Толстой, написавший Пиноккио, вывел режиссера в образе Карабаса-Барабаса, а нелюбимого Блока «сделал» Пьеро. Мальвина была, по мнению современников, собирательным образом некоей «прекрасной дамы», а вот Дуремар тоже был вполне конкретным персонажем — его спародировали с Вольдемара Люсциниуса, помощника Мейерхольда, в миру носившего непримечательную фамилию Соловьев.

Впрочем, возможно, про прочих — это выдумки, но вот то, что в Карабасе было множество мейерхольдовских черт, — истинная правда. Его длинный шарф, концы которого он часто клал в карман, трансформировался в бороду Карабаса, свисающую до земли, плетка-семихвостка наверняка выросла из маузера, который режиссер на репетициях клал перед собой. Да и в целом, позиция Мейерхольда по отношению к труппе если и не была жестокой, как у Карабаса, то разительно отличалась от позиции того же Станиславского, который не относился к актерам, как к марионеткам. Константин Сергеевич писал о коллеге Мейерхольде: *«Талантливый режиссер пытался закрыть собою артистов, которые в его руках являлись простой глиной для лепки красивых групп, мизансцен, с помощью которых он осуществлял свои интересные идеи».*

Разумеется, это лишь версия, и надо побольше узнать о Всеволоде Мейерхольде, чтобы сделать свои собственные выводы.

Начать стоит с того, что Всеволод Эмильевич Мейерхольд — имя частично выдуманное, а частично адаптированное. Настоящее имя режиссера звучало и звучит для русского уха непривычно — Карл-Казимир-Теодор Майергольд. Он родился в Пензе в 1874 году в лютеранской немецкой семье. Творчество в родительском доме поощрялось, мать Карла часто ставила с ним и его братьями детские спектакли.

В 1895 году он окончил гимназию и поступил в Московский университет, выбрав своей специальностью юриспруденцию. И в том же году произвел решительные перемены в жизни: сменил лютеранство на православие, выбрал новое имя — Всеволод — в честь любимого писателя Всеволода Гаршина, и женился на подруге детства Ольге Мунт.

Довольно быстро он понял, что быть юристом ему вряд ли суждено. Мейерхольд (фамилию он несколько переименовал, чтобы она звучала проще и ближе к русскому произношению) оставил университет и поступил на второй курс Театрально-музыкального училища Московского филармонического общества — в класс Немировича-Данченко.

Всеволод Эмильевич неплохо писал, с удовольствием учился и мечтал однажды попробовать себя в роли режиссера. Но поначалу его все же захватила актерская стезя. Вместе с однокурсниками Ольгой Книппер и Иваном Москвиным он вступил в труппу недавно созданного Московского Художественного театра. Он играл и Треплева из «Чайки», и Тузенбаха из «Трех сестер», и Василия

Шуйского из «Царя Федора Иоанновича». Но вскоре понял, что театр Станиславского и Немировича-Данченко становится ему «мал», и в 1902 году вместе с актером Александром Кошеверовым покинул труппу.

Вместе они создали «Товарищество новой драмы» и переехали в Херсон, чтобы именно там открыть свой первый сезон. Ставили Чехова, Горького, Алексея Толстого (того самого, что потом нелестно написал о Карабасе и его театре). За три года было выпущено огромное количество спектаклей — около 200.

Такой опыт дал ему возможность снова думать о Москве — уже в другом качестве. Узнав, что Станиславский открывает Театр-студию, Мейерхольд написал ему о том, как сильно мечтает стать режиссером: *«Моя idee fixe. Благодарный за все, что дал мне Художественный театр, хочу отдать ему все мои силы!!!»*

Однако, дав возможность творить ученику в своем театре, Станиславский впоследствии ни одного спектакля не выпустил, а студию закрыл. Константин Сергеевич писал: *«...при отсутствии артистической техники у актеров он смог только демонстрировать свои идеи, принципы, искания, осуществлять же их было нечем, не с кем, и потому интересные замыслы студии превратились в отвлеченную теорию, в научную формулу».*

Мейерхольду пришлось вернуться в Херсон. Однако уже через год его позвала другая столица — Петербург, в лице Веры Комиссаржевской, которая пригласила его в свой театр в качестве главного режиссера.

По ее замыслу, Всеволод Эмильевич должен был создать вместе с ней *«театр свободного актера, театр духа, в котором все внешнее зависит от внутреннего»*.

И новому режиссеру это удалось. В первый же год он поставил 13 спектаклей, среди которых — модернистский «Балаганчик» по Блоку. Сам Мейерхольд назвал это так: *«переплетение форм марионеточного театра с театром живых актеров»*. Здесь был и суфлер, что залезал в будку уже во время действия, и лаконичные декорации, и актеры, которых веревкой утаскивали со сцены.

Зрительские мнения, как водится, разделились. Одни были в бешеном восторге, другие — освистывали. Однако это не отменяло аншлага на каждом спектакле. Комиссаржевская благодаря Мейерхольду добилась того, чего хотела, а он стал первым в России режиссером «театра условности».

Его карьера пошла вверх, и с 1907 года он уже главный режиссер Императорских театров — Мариинского и Александринского. В последнем он работал вплоть до революции, экспериментируя с различными традициями, приемами, декорациями и техниками.

Будучи по натуре революционером от искусства, Мейерхольд и к революции в стране отнесся с интересом. Сразу после переворота вступил в коммунистическую партию, а впоследствии вместе с Блоком и Маяковским приехал в Смольный, чтобы предложить новым властям сотрудничество.

Тогда он, конечно, не знал, как печально для него все это закончится, но пока все складывалось отлично. С 1918 года Мейерхольд заведовал Курсами мастерства сценических постановок — преподавал режиссуру и сценоведение.

Его окрыленность революцией разделяли многие, но совсем по-разному. Так, на заре «новой жизни» в Политехническом музее и театре «Эрмитаж» регулярно шли публичные ожесточенные споры непримиримых Всеволода Мейерхольда и Александра Таирова.

Полемика руководителей двух театров всегда была резкой, поэтому неизменно привлекала публику. Таиров называл оппонента «театральным хамелеоном», а Мейерхольд презрительно именовал творчество идейного противника «театральной грамотой для малограмотных».

На годовщину революции Мейерхольд поставил «Мистерию-буфф» Маяковского. Оформлял спектакль сам Малевич. Маяковский, правда, был недоволен тем, что спектакль шел так мало: *«Окончил мистерию... Ревели вокруг страшно. Особенно коммунистическая интеллигенция. Три раза поставили — потом расколотили. И пошли "Макбеты"»*.

Через некоторое время в Москве открылся собственный театр Мейерхольда с оригинальным названием «Театр РСФСР-1». Впоследствии он был переименован в Государственный театр имени Всеволода Мейерхольда (ГосТиМ).

К этому же времени относятся и перемены в личной жизни режиссера.

Мейерхольд познакомился с молодой актрисой Зинаидой Райх, бывшей женой Сергея Есенина, и ради нее оставил семью. Женившись на Райх, он усыновил ее детей от первого брака, а также добавил ее фамилию к своей, став Мейерхольдом-Райх.

Театральная общественность считала Зинаиду Николаевну посредственной актрисой. Когда, ослепленный любовью к жене, Мейерхольд предложил ей роль Гамлета, актер Николай Охлопков в бешенстве написал заявку на роль Офелии. И был уволен. Покинули театр из-за конфликтов с Райх Эраст Гарин и Мария Бабанова.

В жизни Райх вела себя примерно так же, как на сцене, — громко и истерично. Однажды на рынке закатила такую истерику из-за пропавшего кошелька, что вор вернулся и отдал деньги.

Вместе они много работали и гастролировали. Будучи в 1930 году в гостях у Михаила Чехова в Германии, Мейерхольд во время дружеской беседы отказался эмигрировать. Михаил Александрович впоследствии вспоминал его ответ: *«Он слушал молча, спокойно и грустно ответил мне так (точных слов я не помню): с гимназических лет в душе моей я носил революцию и всегда в крайних, максималистских ее формах. Я знаю, вы правы — мой конец будет таким, как вы говорите. Но в Советский Союз я вернусь. На вопрос мой — зачем? — он ответил: из честности».*

Честность Мейерхольда наверняка перемешивалась тут с некоторым опасением за оставшихся в Союзе детей — своих и Райх. Что стало бы

с ними, реши родители не возвращаться?

Разговаривая с Чеховым, Мейерхольд предполагал, что конец его будет печален, но едва ли он мог предположить, насколько ужасен он будет.

Гастроли по Европе имели успех смешанный. Европейскому авангарду Мейерхольд и его театр казались настоящим «волшебством сцены», а самого режиссера с уважением называли Мастером. А вот эмиграция отнеслась к работам театра холодно. Театральный критик С. Волконский писал: *«Вместо открывающего новые перспективы революционного искусства, Мейерхольд представил удаление в закоулки прошлого, в область эстетических исканий искусства для немногих... Не опустить ли занавес, товарищ Мейерхольд?»*

Триумфа не было, и «ГосТиМ» вернулся в Москву хоть и с чемоданами нарядов, но в безрадостном настроении. Мейерхольд словно понимал, что предначертанное Михаилом Чеховым уже близко.

В 1934 году режиссер поставил «Даму с камелиями». В главной роли, конечно, была Зинаида Райх. Сталину спектакль не понравился, и критики, словно по команде «фас», обрушились на Мейерхольда с обвинениями в эстетстве. Жена режиссера написала Сталину письмо. Наивная (а, может, бесстрашная), она писала вождю, что тот не разбирается в искусстве. Этого было более чем достаточно, чтобы театр обвинили в оторванности от советских реалий, в том, что он ставит пьесы врагов народа, и так далее, и так далее... В 1938 году театр был закрыт.

Арестовали режиссера в 1939 году. Несколько дней спустя у себя дома была найдена жестоко убитой Зинаида Райх. Неизвестные нанесли ей 17 ножевых ранений.

Мейерхольда допрашивали (читай — пытали) на Лубянке в течение нескольких месяцев, после чего в феврале 1940 года (по одной из версий) расстреляли по обвинению в контрреволюционной деятельности.

Мейерхольд, как ни странно, успел написать предсмертное письмо. Адресовано оно было лично Молотову, и как сохранилось, выжило — загадка.

«Председателю Совета Народных Комиссаров СССР В.М. Молотову от Мейерхольда-Райх Всеволода Эмильевича.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Вот моя исповедь, краткая, как полагается за секунду до смерти. Я никогда не был шпионом. Я никогда не входил ни в одну из троцкистских организаций (я вместе с партией проклял иуду Троцкого). Я никогда не занимался контрреволюционной деятельностью...

Меня здесь били — большого шестидесятишестилетнего старика, клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине, когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам (сверху, с большой силой) и по местам от колен до верхних частей ног. И в следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-сине-желтым кровоподтекам снова били этим жгутом, и боль была такая, что, казалось, на больные чувствительные места ног лили крутой кипяток (я кричал и плакал от боли).

Меня били по спине этой резиной, меня били по лицу размахами с высоты».

После трех недель пыток Мейерхольд подписал все обвинения против себя, а перед смертью от них отказался, написав письмо Молотову.

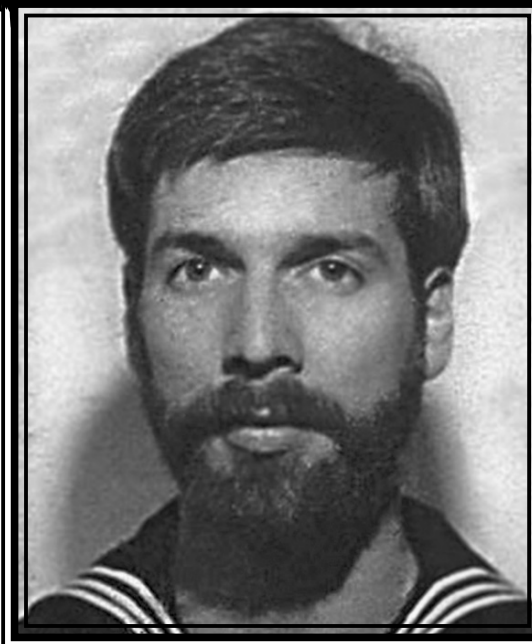
Существует две версии смерти режиссера. Согласно первой, 1 февраля 1940 года в одном из кабинетов Бутырской тюрьмы было зачитано обвинительное заключение в шпионаже и объявлен приговор — смертная казнь. В архивных документах тюрьмы сохранилась запись: «Приговор приведен в исполнение 2 февраля 1940 года».

Но есть и вторая версия, основанная на свидетельствах очевидцев. Через много лет они рассказали, что перед смертью 66-летнего Мейерхольда зверски избивали, переломали все пальцы и утопили в бочке с нечистотами. И эта, вторая версия, вовсе не кажется удивительной после письма и зверской расправы над женой режиссера.

В 1955 году Мейерхольд был посмертно реабилитирован. Через некоторое время его внучка Мария Валентей установила общий памятник ему и Зинаиде Райх на могиле последней на Ваганьковском кладбище. Только в 80-годы стало известно, что прах великого режиссера был захоронен в «Общей могиле №1» на кладбище московского крематория.

По словам Евгения Вахтангова, Мейерхольд «дал корни театру будущего». Но не только это. Он дал возможность свободного взгляда, возможность изменять каноны, делать театр иным, не таким, каким он был раньше. В его душе жила революция. И он дал ей прорваться на подмости. □

РОМАНТИК И «ВОЛКОДАВ»

Глен Соутер

Борис Соломатин

Таких светлых идеалистов, как американец Гленн Соутер, в мире разведки никогда не было. Жаль, что в 1989 году в Москве он покончил жизнь самоубийством.

И когда идеализм слился с мастерством советского разведчика, работавшего под крышей посольства, наш резидент и американский моряк-старшина сохранили наш хрупкий мир в безопасности.

Генерал-майор разведки Борис Александрович Соломатин был человеком жестким. Иногда, не согласившись с чем-нибудь, мог и прикрикнуть. Порой его воспоминания сопровождались лексикой, для печатных изданий не приемлемой. Меня, уже вполне в начале 2000-х взрослого, величал Колькой. Был категоричен в оценках людей, не дотянувших, по его меркам, до планки,

им же самим и установленной. Иногда наши беседы прерывались — Соломатину становилось очень плохо. Он извинялся, его увозили на мучительный диализ. Я уходил, но через день-два возвращался.

А еще Борис Александрович во время наших долгих встреч, не переставая, курил. Как можно? Все — и я тоже — знали, что болезнь не победить, уход неминуем, а он еще и ускорял его. Однажды, осмелившись на ремарку «не губите себя», я получил по полной: «Дурак ты, Колька. Как не понимаешь, что это — единственное, что у меня осталось. Ничего другого нельзя. Затянуться — последняя радость». И я заткнулся. Не мне, журналисту, учить одного из лучших «волкодавов» всех времен и народов. Ведь генерал-майор Борис Александрович Соломатин 37 лет проработал в советской внешней разведке. Из них почти 22 года за границей. Был резидентом в Дели, Риме. Возглавлял резидентуры в двух важнейших для КГБ точках — в Нью-Йорке и Вашингтоне. Бывший заместитель начальника первого Главного управления КГБ СССР — предтечи Службы внешней разведки. Вышел в отставку в 1988 году.

«Волкодав» на жаргоне разведчика — вербовщик. Порой, когда я заикался о его коллегах-нелегалах, он, всегда работавший под «крышей» посольства и дослужившийся, между прочим, до советника-посланника, пускал мне дым в лицо: «Ну что за-

ладил: легалы-нелегалы. Главное в разведке — сведения, результат, ценные данные, которые приносят поверившие тебе люди, источники информации. Понял в чем ценность? В вербовке».

Я понимал. Потому что Соломатин, работая резидентом в Индии, в Нью-Йорке и Вашингтоне, а напоследок в Риме, вербовал ценнейших поставщиков секретных сведений, спасавших нас во времена холодной войны. Особенно удачно получалось в США. Он подробнее рассказывал об этом, сетуя, что и спустя много лет упоминать о советских разведчиках нельзя, а уж тем более о завербованных иностранцах... Иногда требовал, чтобы я выключил диктофон. Но все равно «раскрыл наивные мои глаза», говоря о добытом в США его агентами на суше и, главным образом, на море.

В подтверждение слов — висевшее на стене гостиной огромное фото относительно молодого Соломатина со статьей из столичной американской газеты, где в заголовке его называли «мастером шпионажа — Master Spy». Хозяин квартиры этим признанием заслуг со стороны противника гордился. Я даже не обещал ему молчать о важнейшем, что им в жизни сделано, все было и так понятно. А вот об итальянском периоде усохший от болезни, замученный бесконечными переливаниями, заходящийся в кашле и все равно неистово дымивший генерал вспоминал более охотно.

Соломатин возглавлял резидентуру в Риме, когда 13 мая 1981 года Мехмет Али Агджа попытался убить Папу Римского Иоанна Павла II. Понтифик потерял много крови, но выжил. Покушение имело огромный международный резонанс. Были попытки вовлечь в это дело и Москву, обвиняя тогдашних союзников болгар в попытке убийства. Причем это преподносилось как доказательство причастности СССР к международному терроризму вообще.

Соломатин знал все подробности того дела, и я смог побеседовать с ним на эту тему:

— За все годы холодной войны, несмотря на отчаянные усилия западных спецслужб, ни один факт нашей моральной или материальной поддержки международного терроризма не был доказан. И что интересно, сами западные спецслужбы имеют полное и реальное представление о том, что ни прямо, ни косвенно к террористическим организациям мы никакого отношения не имели и не имеем.

Сразу после выстрелов известного уголовника и террориста Агджи американский президент заявляет по телевидению: покушение — дело рук мирового коммунизма, который руководит международным терроризмом. Вот вам, пожалуйста, заправка. К делу тут же подключаются спецслужбы. У них задача доказать, что это действительно так. О нашей

причастности твердят, вдалбливают в сознание, и в умах простых людей невольно складывается впечатление, что, быть может, и вправду дыма без огня не бывает. Обвиняют болгар, нас, и оправдаться сложно, прежде всего, потому, что обвинение — фантастическое, ложь неимоверная.

— Но организатором того покушения называли болгарина Антонова. Наверняка ваша служба поддерживала связи с болгарской. Попытка связать все это в единый узел очевидна.

— С болгарями мы контакт поддерживали, точно так же, как, скажем, американцы со своими союзниками по НАТО, в том числе и по линии разведки. Но наши контакты с болгарями не касались покушения на папу, ибо они не имели к нему в действительности никакого отношения. И длительный процесс следствия и суда, в конце концов, не пришел к выводу о виновности Антонова. Будучи более или менее объективным, итальянский суд вынужден был признать: доказательств причастности Антонова, то есть спецслужб Болгарии, а отсюда и наших, нет. Болгарина отпустили за отсутствием достаточных доказательств его вины, и дело фактически развалилось.

Вот вам другой крайне показательный факт. В 1981 году после покушения на президента Рейгана директор ЦРУ Кейси создал группу из

аналитиков своего ведомства и независимых экспертов, которой предстояло дать ответ на вопрос: действительно ли СССР вовлечен в международный терроризм, поддерживает ли его? И после анализа всей информации группа пришла к выводу, что никаких доказательств не существует. Справку послали в Белый дом, где она была засекречена и благополучно полеживает в сейфе. Мы узнали о ней из американских материалов годы спустя.

— А что это все-таки за «архивы Гавела», якобы уличающие нас чуть не в проникновении в Ватикан?

— Эти «архивы» — еще один наглядный пример того, как западные спецслужбы пытаются создавать громкие дела, и как эти дела затем лопаются подобно мыльным пузырям. Сегодняшние чешские спецслужбы сообщили в специальной подборке «документов» итальянским коллегам о том, что и как они вместе с КГБ якобы делали во время холодной войны в Италии, каковы были планы подрывной деятельности КГБ и в Италии, и в Ватикане... В этих «архивах» утверждалось, что в квартире кардинала Казароли, отвечавшего за восточную политику Ватикана, была установлена чешская прослушивающая аппаратура. А сделали это завербованные КГБ племянник самого кардинала и его жена — чешка по национальности. Комментируя эти сведения, Ватикан официально опроверг факт находде-

ния аппаратуры в его помещениях. Больше того, у кардинала не оказалось племянника, а у того, следовательно, и жены-чешки, которой приписывалась закладка аппаратуры. В 1984–1991 годах военной разведкой и контрразведкой Италии руководил адмирал Мартини. Он также официально опроверг инсинуации, содержащиеся в «архивах».

— Борис Александрович, как вы относитесь к тому, что в последнее время на Западе публикуются архивы и документы типа тех, что вывез полковник Митрохин?

— Во-первых, он был не полковником, а майором. Человек ущербный, обиженный семейной и служебной жизнью, Митрохин пошел на предательство, пытаясь солидно заработать. Интересы клиента и хозяев совпали, и появился предлог для очередной антироссийской кампании. Во-вторых, это не архив в обычном понимании, а отрывочные рукописные выписки из каких-то якобы документов советской разведки. Достоверность их, разумеется, должна вызывать большие сомнения.

Действительно, возникло целое новое направление в проведении активных тайных мероприятий спецслужбами. Заполучив тем или иным путем подборку бумаг, похожих на секретные документы, западные спецслужбы могут убирать из них те, публикация которых не в их интересах. И одновременно вставлять уме-

ло подготовленные фальшивки и выдавать их на весь мир вместе с другими бумагами. Если раньше использовались фальсификаты отдельных «документов», то, представляется, теперь производство их поставлено на поток — публикуются целые «архивы».

— В захваченных не западными немцами, а именно американцами архивах бывшей восточногерманской разведки значится чуть ли не несколько десятков тысяч агентов. Что думаете об этих списках?

— Давно известно, что западные разведки активно работают друг против друга, и взаимоотношения между ними далеко не безоблачные. Пример — давняя грызня между американцами и немцами по поводу архивов Штази, так они называют госбезопасность ГДР. Архивы захватило ЦРУ и долгие годы отказывалось вернуть их немцам. Потом списки агентуры немцам вернули. Но тут главное не то, что вернули, а кто в этих списках. Нет сомнений, что списки были американцами тщательно изучены. На это, видимо, время и потребовалось. Имена потенциально ценных для них агентов изъяты из этих переданных списков для того, чтобы иметь возможность попытаться вербовать этих людей для работы на ЦРУ, используя шантаж, угрозу разоблачения. В списках остался один «мусор»: те, кто по разным причинам не представляет

оперативного интереса ни для американских, ни для немецких спецслужб.

Иногда в «архивах» возникает немислимое количество наших шпионов, действующих на Западе. И чем фантастичнее цифры, используемые для компрометации, тем прочнее западают они в людские головы. Берутся с потолка и вбрасываются на всеобщее обозрение. Иногда делается ссылка на какое-то более или менее известное лицо. Теперь, как правило, обходятся и без ссылок. Как для профессионала, ничего особенно неожиданного для меня здесь нет. В конце концов, американцы десятилетиями твердили, будто половина или даже большее число всех наших дипломатов за границей — это разведчики, причем, как правило, даже не пытались доказать это на конкретных фактах. Считаю это важной частью широкой антироссийской кампании, которая сегодня развернута Западом по всем направлениям — политическому, экономическому, военному, информационному. И вся эта кампания подпитывается, конечно, с помощью спецслужб, через имеющиеся в их распоряжении средства и возможности.

Что ж, с Соломатиным не поспоришь. Но у этого великого разведчика-«волкодава» действительно бывали вербовки, которые обеспечивали безопасность страны, ограждали от конкретных угроз. И потому частично, пока лишь частично, при-

вою воспоминания ушедшего в 2005-м Соломатина о нашем друге-американце Гленне Майкле Соутере. Все повидавший Соломатин признавался, что никогда не встречал в разведке таких чистых, романтических и светлых людей. Вот уж кто работал на нас за одну лишь идею.

Началось все в Риме в 1980-м, когда какой-то молодой бородач за просто обратился в советское консульство помочь ему, американцу, с переездом из США в Советский Союз. Напорись он на какого-нибудь безукоризненно знавшего свое дело дипломата, тот наверняка нашел бы предлог отправить бородачю по-дальше. С такими просьбами в те времена приходили к нам лишь люди нездоровые, с психическим расстройством. Или засылали какого-то провокатора, и такая потом поднималась в газетах буря. Могло быть и хуже — подстава, что означает, в переводе с жаргона, попытка сотрудника или агента иностранной службы войти в доверие к советским коллегам. Но посетитель случайно наскочил на одного из подчиненных Соломатина, который, зная методы работы резидента, тут же доложил шефу о странном посетителе.

И Борис Александрович, опасаясь больше всего подставы, все же рискнул встретиться с просителем. В откровенной беседе старшина ВМС США Соутер признался русскому, что разочаровался в своей стране. Он уже несколько лет на флоте, и всюду ложь. Его авиано-

сец «Нимиц» напичкан ядерным оружием, а всюду трубят, что ничего такого на нем нет и не было. Врут миру на каждом шагу, ни в грош не ставя и собственных союзников, шпионят даже за Израилем и Египтом. Снимают со спутников чужие объекты, и не только военные. Сеют рознь по миру. Следят за своими же морями. Уж он-то точно знает, так как служит личным фотографом у командующего 6-м южным флотом адмирала Кроу, плавает на штабных кораблях, беседует с матросами. А еще он с детства любит поэта Маяковского, изучает русский язык и хотел бы в СССР заняться переводом его стихов на английский. Жаль, он не в курсе ничего секретного, но и то, что видел — повод для отъезда в страну, строящую социализм.

Соломатин сразу понял: Соутер напичкан секретами, но, в силу наивности, даже не понимает этого. Борис Александрович предложил Гленну сделку. За несколько лет тот докажет свою преданность СССР, а уж он лично похлопочет о предоставлении Соутеру советского паспорта. Моряк согласился, а вот московское начальство резиденту пришлось уламывать. Ведь моряк сразу же отказался работать за деньги — это очень настораживало. В 1980-х все агенты уже трудились только за вознаграждение — и чем больше, тем лучше. Так что история с инициативником (еще один термин), выглядела несколько фантастично.

Но фантастика уступила место реальности, когда в Центр начали поступать материалы от Гленна. Профессия фотографа вообще ценится в любой разведке: передвижения по миру, общение с множеством людей, высокие посты занимающих, допуск на объекты, от сторонних глаз закрытые. Очень естественное сближение с представителями всех служебных рангов: любому приятно получить от фотографа сувенир.

Соутер, плавая на кораблях 6-го флота США и организовывая встречи своего адмирала с прессой, являлся носителем ценнейшей информации. Соломатин ему это быстро разъяснил.

Коротко и без подробностей: Соутер передал список целей на советской территории, по которым должны были быть нанесены ядерные удары. Во внешнюю разведку регулярно поступали все фотографии образцов новейшего вооружения. Москва узнала, в каком случае, по мнению американцев, Советы могут сами начать войну, сочтя, что главный противник перешел некую критическую черту. И уж, конечно, советское командование было в курсе всех планов и деталей передвижения ВМС США. Коды, перестановки в руководстве морского флота, настроение на боевых кораблях, сигналы «свой»-«чужой»... Все это передавалось в Москву с незамедлительной регулярностью.

Как удавалось? Соутер ухитрился непонятно каким образом пройти проверку на детекторе лжи в ВМС, получил допуск к секретным документам, которые переснимал прямо в своей лаборатории на корабле. Советской разведке не пришлось тратиться даже на фотоматериалы. А после учебы Гленн должен был стать офицером.

И вдруг к нашему бескорыстному другу пришло ощущение, будто за ним приглядывают, и он не ошибался: действительно попал «под колпак».

Соломатин четко разъяснил мне его ошибки. Гленн учил русский язык, и еще в 1980-х одно это вызывало у ФБР подозрение. Чересчур увлекался, ни от кого не скрывая, советским поэтом Маяковским, в котором янки виделся коммунистический пропагандист. И главное, по словам Бориса Александровича, «слишком любил свою жену». А та, итальянка, злилась и ревновала: куда исчезает муж вечерами? Не уверен, правду ли поведал мне Соломатин, но святая чистота Соутер признался супруге, что тайно встречается с русскими знакомыми. Они с женой помирились, поссорились, расстались, и под самый новый 1983-й год перебравшая экс-любовь затащила прямо во время пьянки в своей квартире некоего американского офицера в ванную, где выдала Соутера с потрохами.

Соломатин не понял, почему американец, оказавшийся к тому же со-

трудником секретной службы, долго переваривал информацию. Сообщил о пьяном признании только после того, как Соутера несколько раз допросили в ФБР. Предложили пройти проверку на детекторе уже не в ВМС, а в Бюро расследований, что было исключительно сложно. Наверняка бывшая жена рассказала в ФБР, как однажды Гленн даже взял ее на встречу с советскими, чтобы доказать супружескую верность...

И по заранее оговоренному плану Соутер купил билет итальянской авиакомпании, которая доставила его из Норфолка в Монреаль. Опасное местечко, где с людьми рискованной профессии порой случались неприятные истории. Но не с Гленном, сумевшим с пересадкой добраться до Рима. Ну а там в первой декаде июня 1986 года соратники Соломатина перебросили ценнейшего помощника в Москву.

Адаптация — момент деликатный. Некоторые наши друзья, например, американец Гай Берджесс из знаменитой «Кембриджской пятерки», да и тот же Ким Филби или Герой России атомный разведчик из США Моррис Коэн, так и не смогли выучить трудный язык. А Берджесс не приспособился к иному жизненному укладу.

У Соутера все пошло как надо. В ответ на его письмо председатель КГБ СССР Николай Крючков ускорил, как и обещал Соломатин, получение советского гражданства и

выдачу краснокожей, по Маяковскому, паспортины на имя Михаила Евгеньевича Орлова. Гленн сам выбрал себе новое имя: фамилия намекала на свободный полет и широкие просторы.

Он преподавал слушателям в заведении, называемом ныне Академией имени Андропова. Ему быстро присвоили звание майора КГБ, что случалось с осевшими у нас бывшими агентами редко. Впрочем, и в свои 97 лет здравствующий англичанин Джордж Блейк носит звание полковника. Кстати, Орлова познакомили тогда и с ним, и с Филби. Они сошлись, познакомились семьями, иногда встречались.

Михаил Евгеньевич, как и Блейк, успешно штудировал русский, основы которого изучил еще в Штатах. И, как Блейку с Филби, улыбнулось Орлову в СССР семейное счастье. Он полюбил преподавательницу русского языка Елену, и она в 1987 году ответила ему взаимностью. В разведке не редкость, когда слушатели — и русские, и иностранные — женятся на своих учительницах. Родилась дочка Александра. Семья поселилась в четырехкомнатной квартире, майору выделили дачу, он купил заветные — для советского человека — «Жигули».

Все было бы хорошо, если б не одно огромное «но». Вовсю развертывалась «перестройка», а ее романтический идеалист Орлов принять не смог. Советы стремились к тому,

от чего он и сбежал из США. Зачем и кому это нужно? Товарищи по службе успокаивали Михаила Евгеньевича, пытались объяснить то, что и сами не особенно хорошо понимали.

Наступало время огромных перемен, с которым романтику Орлову было не по пути. Конечно, в СССР его раздражали и длиннющие очереди, и дефицит элементарных товаров, и некоторая даже его коснувшаяся бюрократичность. Но для идеалиста все трудности меркли по сравнению с целями, к которым столько лет шла страна, которую он искренне считал своей Родиной. Иногда казалось, будто сделал для нее не все, что мог и на что способен.

Он пытался найти забвение в семейной жизни. Сколько счастья приносила маленькая Саша. Приходила радость и тогда, когда переводил Маяковского на английский.

Откуда пришло страшное решение уйти? Соломатин, и это всего лишь его личная точка зрения, полагал, будто в семье не все складывалось. И романтик сдался. Неплохо знавший Орлова полковник разведки И. придерживался иной точки зрения: майор устал. Сложно было переварить непредвиденные перемены. Товарищи помогали, как могли, но нервы Орлова — после всего сделанного и пережитого — были натянуты до предела. И 22 июня 1989 года лопнули. Будь проклят тот дачный гараж! Офицер задраил «Жигули», завел мотор...

В предсмертных письмах он умолял коллег по службе простить его как человека, который не смог выполнить задания, благодарил их за терпение и доверие. Просил не оставлять жену и дочь Сашу без помощи. Написал в США хорошо понимавшей его маме. Попрощался в послании с Джорджем Блейком. И еще одна просьба: похоронить его под сознательно взятой фамилией Орлова в форме майора КГБ. Но что поразительно, и в последние мгновения жизни он думал, как бы не подвести товарищей. Если последнее может как-то навредить их делу, которое он по-прежнему считает общим, то хоронить в закрытом гробу. Хоронили в открытом. Все, о чем писал Михаил Евгеньевич, было выполнено.

Его могила на Новокунцевском кладбище рядом с последним пристанищем великого Филби. На памятнике — изображение так и оставшегося молодым майора: 1957–1989, фамилия выбита на русском. И гравировка размером поменьше: Glenn Michael Souther.

По-моему, он во многом повторил судьбу своего любимого Маяковского. Вера, работа, усталость, переутомление. Слом. Возможно, как и у поэта, на какое-то время разладилось с любимой женщиной.

Идеализм иногда обходится дорого. Иногда очень дорого. Американец Гленн Соутер добровольно и сознательно заплатил за него собственной жизнью. □

ГРУДЕНЬ – сумерки года

Ноябрь, последний месяц осени, славяне называли грудень. Интересно происхождение данного слова, которое ведет свою историю от груд замерзшей (сгрудившейся) земли со снегом. В древнерусском языке зимняя смерзшаяся дорога так и именовалась — грудный путь.

Кстати, и в Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля слово «груда» обозначает «мерзлые колеи по дороге, мерзлую кочковатую грязь».

Впрочем, бытовали и иные названия одиннадцатого месяца календарного года — студень, листогной, полужимник. Последнее действительно весьма характерно для ноябрьской студеной поры — ведь это период, когда осень с зимою встречаются. Недаром же народ сложил про последний месяц очень красивую поговорку: в ноябре солнце сквозь слезы и «белых мух» улыбается. И действительно, в ноябре на землю с неба уже часто падают белые пушистые хлопья. Быва-

ет и так, что они остаются на ней надолго, иногда и до будущей весны. А какие же праздники отмечали наши далекие предки в это время года, когда день стремительно, шаг за шагом, убавляется, уступая свои права все быстрее, все раньше и раньше приближающимся сумеркам?!

Как это ни покажется удивительным на первый взгляд, но в ноябре было минимальное количество древних языческих праздников. В последнюю неделю месяца, когда, как пра-

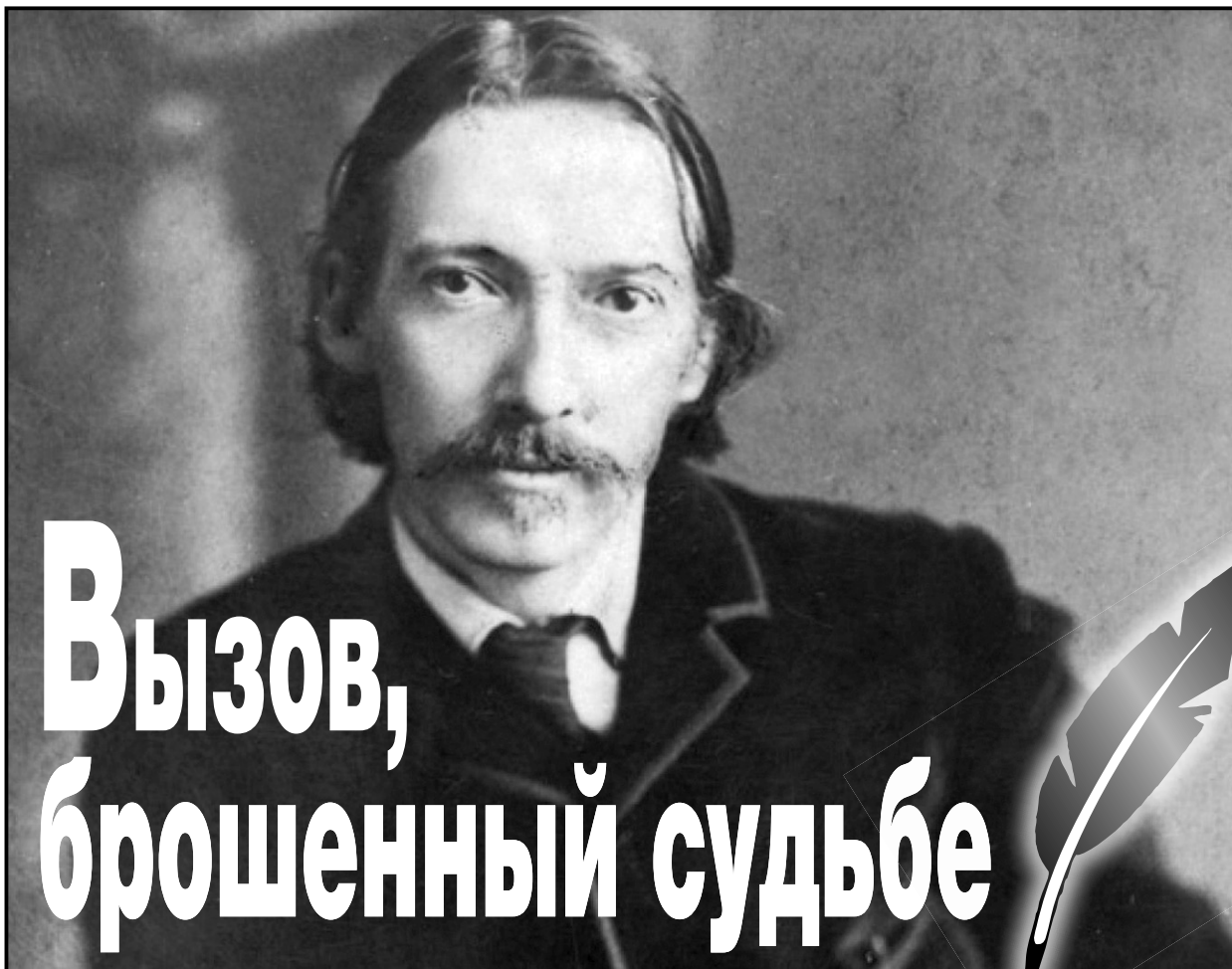
вило, уже устанавливалась полноценная зимняя погода, 25 ноября, славяне вспоминали грозную северную «Снежную королеву», повелительницу Смерти богиню Мару (Морену). Эта она в последние осенние деньки окончательно выгоняет солнечное божество Ярилу и накрывает мир Яви своим покрывалом из холода, снега и льда. Мара-Морена издревле почиталась славянами как темный лик Великой Матери-богини. И если светлая богиня Жива дает всякому жизнь и тепло, то темная Мара обрекает все живое на мраз, смерть и хлад. Впрочем, ведь созидание и разрушение, как жизнь и смерть, — это всего лишь две стороны Бытия, которые не существуют сами по себе, но действуют всегда сообща. Ибо без смерти нет обновления и возрождения.

День Морены не был радостным — члены рода примирались с неизбежностью скорого прихода лютой зимы и творили скромные требы суровой богине, одновременно демонстрируя Маре свое бесстрашие и отвагу перед наступлением правления на Земле навьих сил. Для этого представители рода шли на болото, где тушили в елани (незамерзшей трясине) горящие головни. Обрядовая пища в день Мары-Морены состояла из киселя, оладий, моркови и репы. Считалось, что в это время открываются врата в мир Нави, и в шорохе последних осенних листьев можно услышать шепот перешедших в мир иной предков. Правда, обладать таким даром дано было лишь избранным.

А через пару дней после дня памяти Морены, 27 ноября, славяне отмечали окончание куделицы, которая с приходом христианства стала Филипповым днем, по имени одного из двенадцати апостолов. Куделица (кудельница) была временем, когда женщины и девушки готовили кудель — очищенное от костры волокно льна или конопли, приготовленное для прядения. В деревнях и селах доигрывали последние свадьбы, ведь вскоре начинался Рождественский пост. По народным поверьям, в этот день следовало обязательно попотчевать незримого человеческими очами, но, тем не менее, реально присутствующего хранителя домашнего очага — Домового.

...Осень завершалась, уступая свои права матушке-зиме. О начале нового календарного времени года и о праздниках последнего месяца календаря мы расскажем вам в следующем, предновогоднем, номере журнала. □

Собрание его сочинений насчитывает тридцать томов, среди них немало прекрасных произведений, но обессмертил его имя один роман — «Остров сокровищ», подлинная жемчужина мировой приключенческой литературы. Трудно поверить, что его автор страдал тяжелым недугом и порой надолго был прикован к постели. Мрачная ирония судьбы заключалась в том, что ему, певцу оптимизма и вольных дорог, почти всю жизнь приходилось работать при таком самочувствии, когда любой другой в отчаянии бросил бы перо. Однако в этой слабой телесной оболочке был заключен могучий мятежный дух. Романтик не только в своих произведениях, но и в жизни, Стивенсон был человеком быстрых, неожиданных решений, осуществления которых добивался во что бы то ни стало.

Роберт Луис Стивенсон появился на свет 13 ноября 1850 года в Эдинбурге. Отец будущего писателя, извест-

ный строитель маяков, надеялся, что единственный сын станет продолжателем его дела. Смущало его лишь

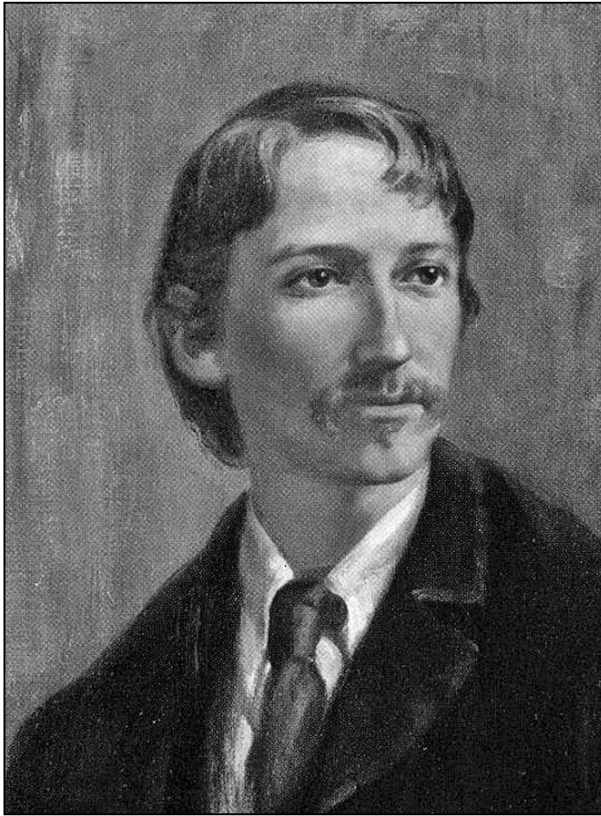
одно обстоятельство — Луис был необычайно болезненным ребенком. До того как мальчику исполнилось десять лет, он переболел всеми известными детскими хворями, да и позднее редкая инфекция обходила его стороной. И если бы не неустанные заботы отца, матери и преданной няни, мир, возможно, так и не узнал бы писателя Стивенсона.

С самого раннего детства Луис отличался неумемной фантазией. Подпитывалась она историями о пиратах и благородных шотландских разбойниках — их сочинял и на ночь рассказывал ему отец, и библейскими сюжетами, которые читала или пересказывала ему няня. Вскоре мальчуган начал сочинять и сам. Ему было не больше трех лет, когда он упросил няню записать первую придуманную им историю. Рукопись не сохранилась. Впрочем, жалеть об этом, наверное, не стоит. Даже пристрастная к своему любимцу няня утверждала, что это была «обычная детская белиберда».

Перечислять названия школ, в которых учился Луис, занятие, в общем-то, неблагодарное — Стивенсон мало что почерпнул там. Подростком он часто прогуливал занятия, но отец лишь смеялся, когда ему сообщали об отсутствии сына в школе. Он и сам испытывал искреннее пренебрежение к формальному образованию, а первоклассным инженером стал благодаря занятиям со своим отцом и старшими братьями. Словом, старый мистер Стивенсон не сомне-

вался, что Луис наверстает упущенное в университете. Увы, его надеждам не суждено было осуществиться. В Эдинбургский университет Луис поступил, благо экзамены туда были чистой формальностью. Однако занятиями там он пренебрегал так же, как и в школе. Но хотя Луиса вполне можно было назвать прогульщиком, бездельником он отнюдь не был. Неосознанное детское желание «придумывать истории» превратилось в твердое стремление научиться сочинять по-настоящему, стать писателем. В кармане у юноши всегда были две книжки. Одну он читал, в другой писал. Во время прогулок он подыскивал подходящие слова для описания того, что видел, или придумывал диалоги, а удачные реплики записывал. Сядься отдохнуть, часто делал пометки, стремясь запечатлеть окружающий пейзаж. Но признаться отцу, что он решил стать писателем, а не инженером, у него не хватало духу.

Однако если на открытый бунт Луис не решался, то некоторые детали его поведения родителей все-таки настораживали. В первую очередь их смущал внешний вид сына. Ну, хорошо, длинные волосы, которые отпустил Луис, должны были, по его словам, служить защитой от простуд, но зачем юноше из приличной семьи носить широкополую шляпу, парусиновые брюки и черную рубашку с галстуком, который походил на лоскут, оторванный от старого ковра? А потертая черная бархатная куртка? Хорошо еще, родители не знали о том,

что в литературную практику сына входило «изучение жизни низов». Для этого Луис взял себе за правило посещать весьма подозрительные места, проще говоря, притоны, где собирались подвыпившие моряки, воры и уличные девки. Стивенсон был известен там под кличкой «Бархатная Куртка». Неизвестно, чем он там занимался. Сам он в своих воспоминаниях заверял, что брал туда записную книжку и сочинял там лирические стихи. Кстати, гораздо позднее некоторые критики, получившие доступ к этим стихам, утверждали, что Стивенсон якобы собирался вступить в брачный союз с юной проституткой, упоминавшейся в этих стихах под именем Клэр.

Между тем гроза в семействе Стивенсонов все-таки назревала и раз-

разилась она зимой 1873 года. Дело в том, что Луис, в компании со своим кузеном Бобом и несколькими университетскими приятелями, организовал клуб. Программа его провозглашала стремление добиваться, в общем-то, благородных целей — свободы, справедливости, уважения. Правда, среди средств достижения этих целей упоминался атеизм, а основополагающим принципом своей организации молодые люди объявили «пренебрежение всем, чему нас учили родители». Программа эта случайно попала в руки старого Томаса Стивенсона и вызвала его неистовый гнев. Обида отца на «безбожника — сына» была глубока, но едва ли не большим ударом стало для него заявление строптивного отпрыска о том, что он не может и не хочет стать морским инженером, а мечтает о карьере писателя. Старый Стивенсон вспылал. «Бумагомаранье» он не считал достойным занятием для джентльмена, кроме того, он сильно сомневался в литературном таланте сына. Но не выгонять же было слабого здоровьем юнца из дома. В конце концов было принято решение, которое в какой-то степени удовлетворяло обе стороны: Луис должен перейти на юридический факультет, чтобы получить диплом адвоката. Нельзя сказать, что юноше не нравилась юриспруденция, просто профессия писателя привлекала его несравненно сильнее. В июле 1875 года Луис все же получил диплом юриста, однако после этого

и дня не проработал в адвокатской конторе. Он продолжал изучать писательское ремесло, работал над эссе, литературными этюдами и путевыми заметками, в которых талантливо описывал впечатления от своих многочисленных поездок по Франции (его посылали туда родители для поправки здоровья). Теперь

следующие несколько лет Луис довольно много времени проводил со своим кузеном Бобом во Франции, в Барбизоне. Здесь, в лесу Фонтенбло, обитала компания художников, которые вели богемную жизнь. Впрочем, женщин там было мало. Тем большее впечатление на всех обитателей Фонтенбло произвел приезд в сосед-

Луис все же получил диплом юриста, однако ни дня не проработал в адвокатской конторе. Он продолжал изучать писательское ремесло, работал над литературными этюдами и путевыми заметками, в которых талантливо описывал впечатления от своих многочисленных поездок по Франции

у него было немало приятелей, таких же начинающих литераторов, как он сам. Все они безоговорочно признавали его талант. За поздними ужинами с бургундским велись нескончаемые споры о литературе и искусстве. Особенно теплые отношения связывали Луиса с поэтом Уильямом Хенли, человеком огромного обаяния и неумной жизненной энергии. Кстати, именно Хенли стал прототипом одного из главных героев романа «Остров Сокровищ» — одноногого пирата Джона Сильвера (у Хенли тоже не было ноги).

Луиса начали печатать, правда, пока еще не очень популярные журналы. В награду за успешное окончание юридического факультета отец подарил ему тысячу фунтов, нешуточные по тем временам деньги, и

ний городок Грез американки Фэнни Осборн с двумя детьми, дочерью Белль, семнадцати лет, и сыном — школьником Ллойдом. Самой Фэнни было тогда 37 лет, Луису — 26. В Штатах у Фэнни оставался муж, которого она неоднократно оставляла из-за его постоянных амурных увлечений на стороне. Скорее всего, она и во Францию отправилась в надежде на то, что муж одумается и позовет ее назад. Пока же финансовое положение ее было очень тяжелым. Живописью она только начинала заниматься, пристроить же свои довольно посредственные рассказы в журналы не могла. Фэнни не была красавицей, хотя и отличалась миловидностью, однако на Луиса она произвела ошеломляющее впечатление. Впервые увидев ее, по словам оче-

видцев, он воскликнул: «Вот женщина, на которой я женюсь!» Мягко говоря, скоропалительное заявление даже для романтика, и кто будет упрекать Фэнни, если она достаточно скептически отнеслась к предложению Луиса добиться развода, а затем выйти за него замуж. Стивенсон всегда был щедр и великодушен по отношению к своим друзьям, помогая им в трудную минуту, но можно смело утверждать, что большую часть денег, полученных от отца, он потратил, поддерживая Фэнни и ее детей. Кстати, он вообще обожал детей и умел находить с ними общий язык. Вскоре маленький Ллойд был неразлучен с Лалли, как он называл Луиса.

Осенью 1878 года Фэнни с детьми вернулась в Штаты. Неизвестно в подробностях, к какому именно решению пришли влюбленные перед ее отъездом, но, по-видимому, их план состоял в том, что Фэнни добьется у супруга развода, а затем выйдет замуж за Луиса. Примерно через год Луис получил от Фэнни телеграмму, содержание которой так и осталось тайной для всех. Как бы то ни было, он неожиданно принял решение ехать в Калифорнию. Тщетно мать и отец пытались помешать ему, лишив материальной поддержки. Напрасно друзья до последнего момента старались отговорить его от этой «безумной затеи». Переубедить упрянца они были не в силах.

Почти двухнедельное путешествие через Атлантику, постоянное нервное напряжение, плохая пища вконец

вымотали Луиса. И без того очень худой, он потерял больше шести килограммов весу, и в Нью-Йорк прибыл совершенно обессиленным. А впереди его ожидало еще многодневное путешествие через весь континент в Монтерей, небольшой городок к югу от Сан-Франциско. Встреча с любимой женщиной не была такой уж радостной для Луиса. Фэнни не оставляла сомнения в разумности брака с начинающим писателем, не способным содержать семью своим трудом и лишенным помощи родителей. Луис, благородный, как всегда, не стал настаивать, предоставив Фэнни самой принять решение. Тем временем он решил «попутешествовать» по Калифорнии, но далеко отъехать от Монтерея ему не удалось, в горах он свалился от слабости. К счастью, его подобрал и выходил на своем ранчо старый охотник на медведей.

Дальнейшие заботы о нем взяла на себя Фэнни. Она, наконец, приняла решение связать свою судьбу со Стивенсоном. Это было смелое решение, потому что как раз в это время все последние переживания и перенапряжение сил спровоцировали у Луиса активный туберкулезный процесс, сопровождавшийся кровохарканьем. Фэнни самоотверженно ухаживала за любимым, а он мужественно работал над своей будущей книгой «Эмигрант-любитель». И тут, казалось, сама судьба сжалилась над влюбленными. Один из друзей Луиса, с которым он поддерживал переписку, в письме к старому Стивенсо-

ну обрисовал положение, в котором находился Луис. Всерьез обеспокоенный старик тут же отправил сыну телеграмму: «Можешь рассчитывать на 250 фунтов в год».

19 мая 1880 года Луис и Фэнни обвенчались в пресвитерианской церкви Сан-Франциско. Странное это было бракосочетание: изможденный болезнью жених, больше похожий на выходца с того света, и невеста, которой скоро должно было исполниться сорок лет. И все-таки они были очень счастливы. Медовый месяц супружеская пара провела в горах на заброшенном ранчо. Луис потихоньку восстанавливал силы, и, наконец, настолько окреп, что можно было съездить к себе на родину.

В Эдинбурге их ожидала довольно теплая встреча. Фэнни сумела очаровать старика Стивенсона. Родители купили молодоженам дом. Однако врачи, исследовавшие состояние легких Луиса, пришли к заключению, что ему следует побыть некоторое время в Швейцарии, в Давосе. Курорт Луису не понравился. Отель был полон больных, вид которых не вселял оптимизма. Прогулки и катание с гор на санях не очень развлекали. Покинув Давос, Стивенсон вернулся в Шотландию, поселившись в городке Питлокри, неподалеку от Эдинбурга. Здесь в угоду жене, которая обожала истории о привидениях, он написал повесть «Окаянная Дженни».

*Фэнни
Осборн*

Свой досуг Луис проводил на чердаке, играя с Ллойдом в оловянных солдатиков. Однажды дождливым днем он застал мальчика за столом гостинной. На лежащем перед Ллойдом большом листе бумаги тот изобразил контуры какого-то острова. Взяв карандаш, Луис стал дополнять

лой главе в день. Часто послушать чтение заходил и старик Стивенсон. Иногда он даже добавлял в повествование мелкие детали. Закончил роман Луис во время своей второй поездки в Давос.

Не обращая внимания на частые хвори и наваливавшуюся смертель-

Роман «Судовой кок», который сегодня известен всему миру как «Остров сокровищ», Луис писал с удивительной скоростью. Когда роман был закончен, он, не жалея себя и не обращая внимания на частые хвори и смертельную усталость, продолжал писать дальше. Романы следовали один за другим — «Черная стрела», «Похищенный», «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», — и все они, наконец, принесли их автору известность и деньги

карту. Обозначил горы, ручей, лес. Под тремя красными крестами сделал надпись: «Здесь спрятаны сокровища». После этого, засунув лист в карман, молча удалился. Ллойд был не на шутку обижен странным поведением всегда внимательного к нему отчима. Однако на следующий день Луис позвал мальчика в свой кабинет и прочитал ему первую главу романа «Судовой кок», который сегодня известен всему миру как «Остров сокровищ». Затаив дыхание, мальчик слушал песню старого пирата:

*«Пятнадцать человек на сундук мертвеца,
Йо-хо-хо, и бутылка рома».*

Луис продолжал писать роман с удивительной скоростью — по це-

ную усталость, он работал очень много, не жалея себя. Романы следовали один за другим — «Черная стрела», «Похищенный» и многие другие.

Однажды ночью Луис беспокойно метался во сне, пугая Фэнни громкими стонами. Она разбудила его. Он был недоволен и даже расстроен. «Ну, зачем ты это сделала! Я видел во сне такую удивительно жуткую историю, а ты не дала ее досмотреть до конца».

На следующее утро он начал писать «Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда» и закончил ее меньше, чем за неделю. Правда, потом практически переписал заново, но сделал это также за рекордно короткий срок. Произведение

это, по существу «роман ужасов», имело огромный успех у читателей и оказало явное влияние на творчество таких разных писателей, как Оскар Уайльд («Дориан Грей») и Конан Дойль (рассказы о Шерлоке Холмсе). Кроме того, повесть эта является почти идеальным киносценарием. Недаром в наше время по ней снято несколько первоклассных фильмов, а во многих странах, в том числе и в России, драматическая версия этого произведения украшает репертуары лучших театров.

Общение с друзьями, как и в годы юности, оставалось для Луиса одним из главных удовольствий в жизни. Однако теперь вмешательство Фэнни серьезно ограничивало возмож-

ность этих встреч. Что побуждало ее поступать так? Ну, прежде всего, обычная ревность, стремление отвести приятелей мужа от дома. Однако имелись и более веские основания для подобного поведения. В частных беседах врачи уверили ее, что, если Луису удастся дожить до сорока лет, скорее всего, в состоянии его здоровья наступит улучшение, и он сможет дожить до глубокой старости. И Фэнни решила сделать все, что было в ее силах, лишь бы муж смог перевалить через этот критический рубеж. Приятели же Луиса, очевидно, не понимали, что долгие разговоры, возбуждение, поздние ужины с бургундским вряд ли могли быть полезны человеку

с активным процессом в легких, у которого от переутомления в любой момент могла пойти горлом кровь. Особенно бесило Фэнни, когда приятели приезжали к Луису простуженными. Ведь любая инфекция, которую он мог подхватить, почти неизменно заканчивалась для него рецидивом чахотки.

Сам Луис переносил болезнь с необычайным мужеством. Однажды ночью у него неожиданно началось такое сильное кровотечение, что даже видавшая виды Фэнни потеряла самообладание и застыла в полной беспомощности. Тогда он сам взял пузырек с лекарством, стоявшим на ночном столике, твердой рукой от-

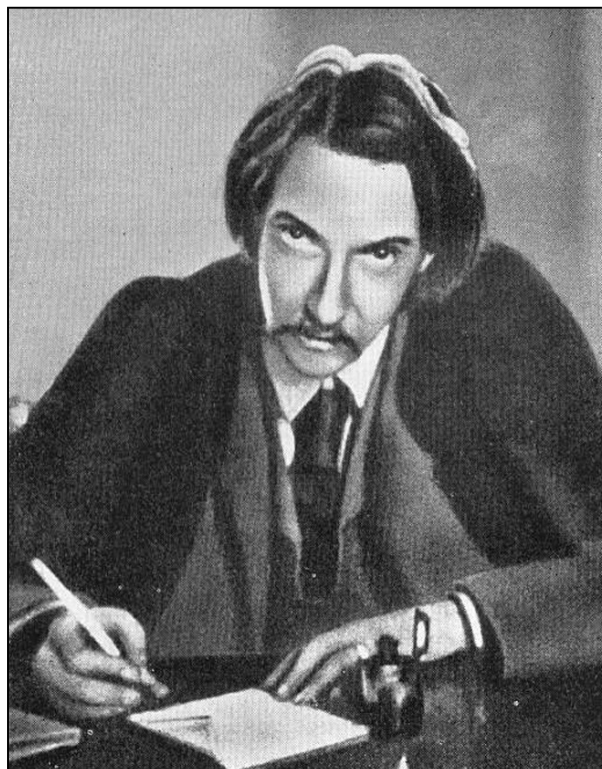
мерил себе нужную дозу и принял снадобье. Кровь не останавливалась. Луис взял блокнот и карандаш, всегда лежавшие у его изголовья, и быстро написал: *«Не бойся. Если это — смерть, то не такая уж она страшная»*. К счастью, вскоре кровотечение прекратилось.

Единственная надежда если не на полное выздоровление, то хотя бы на улучшение, заключалась в том, чтобы найти место с подходящим для Луиса климатом. Ни Швейцария, ни Франция этих надежд не оправдали. Не очень помог и североамериканский курорт на озере Саранак в штате Нью-Йорк. Однако после смерти отца на полученные

в наследство деньги Луис, наконец, сумел осуществить свою давнюю мечту — отправиться в плавание к далеким и сказочным островам южной части Тихого океана. Он на семь месяцев зафрахтовал шхуну под названием «Каско», и в мае 1888 года судно покинуло гавань Сан-Франциско. На борту «Каско» кроме самого Луиса, Фэнни и ее сына Ллойда находилась и мать Луиса. Начало путешествия не было таким уж многообещающим. Капитан шхуны, старый морской волк Отис, отнесся к своим пассажирам с плохо скрываемым презрением. Утверждают, что, впервые увидев Стивенсона, он тайком взял на борт все необходимое для похорон в открытом море. Но вскоре его отношение к пассажирам изменилось к лучшему. Во время первого же шторма, который основательно потрепал «Каско», «доходяга-писатель» доказал, что переносит сильную качку едва ли хуже, чем сам капитан. Его мамаша, почтенная старая леди, оказалась отменным игроком в бридж и нередко брала верх над самим мистером Отисом, а жена писателя, миссис Стивенсон, взяла шефство над коком судна, в результате чего качество трапез заметно улучшилось.

28 июля «Каско» бросила якорь у Маркизских островов. Жители этих островов Французской Полинезии долгое время считались самыми свирепыми обитателями Южных морей. Прежде здесь процветал каннибализм. Туземцы отвезли Луиса и его

спутников в джунгли, там сохранилось каменное строение — своеобразный открытый театр, где каннибалы устраивали пиршества, поедая свои жертвы, причем предпочтение они отдавали европейцам. Позднее одна из полинезийских газет не без юмора писала, что Стивенсону подобная участь вряд ли грозила ввиду его худосочности..

На Таити, следующем пункте их путешествия, Стивенсону и его спутникам оказала гостеприимство сама принцесса острова Моэ. Она лично приготовила для гостей блюдо из сырой рыбы, а вождь одной из деревень попросил Стивенсона стать его кровным братом и по обычаю обменялся с ним именами. Все это Стивенсон описал в своей книге очерков «В Южном море». На Таити он также работал над своим романом «Владе-

тель Баллантрэ», а закончил он его в Гонолулу, куда прибыл в конце января 1889 года. Срок фрахта «Каско» истек, и Луис арендовал американскую торговую шхуну «Экватор». Правда, случилось это уже в июне, когда он и его спутники отправились расширить свое знакомство с тихоокеанскими островами, посетив острова Гилберта и Самоа, о которых он много наслушался в Гонолулу. На островах Гилберта (это была уже Микронезия) путешественникам поначалу не очень повезло. За две недели до прихода «Экватора» король острова Бутаритари снял табу со спиртных напитков, и местные жители все это время пили без просыпу. Два раза, когда Луис сидел в сумерках на веранде, ему чуть не проломил голову огромными камнями. Впрочем, вскоре запрет на спиртное был восстановлен, и ситуация значительно улучшилась. Еще более экзотической была обстановка на острове Апемама, король которого, Тембинока, встретил Стивенсона с большой помпой. Вообще-то Тембинока был тиран и бандит, каких поискать. Он захватил в свои руки всю торговлю копррой «королевства», подданных поднимал на работу выстрелом в воздух, а если кто-нибудь из них мешкал, тут же стрелял в провинившегося. Он грабил даже своих жен, обжуливая их в карты. К Стивенсону король проникся чувством расположения, которое еще более усилилось после того, как Луис посоветовал ему принять бикарбонат соды, когда

тому стало плохо в результате многодневного «угощения» джином.

За время плавания по Южным морям Стивенсон убедился, что климат тех широт благотворен для его здоровья, и потому на семейном совете было решено поселиться на одном из островов Тихого океана.

В октябре 1890 года Стивенсоны обосновались на Самоа, купив 1200 акров на острове Уполу. Усадьбу свою они назвали Ваилима. Здесь, в просторном доме спокойно, без потрясений, но в постоянных трудах шла жизнь знаменитого писателя. Он по-прежнему очень много работал. С местными жителями у него были прекрасные отношения. Они называли его Туситалой, Сказателем.

Луис перешагнул сорокалетний рубеж, о котором говорили врачи Фэнни (ему исполнилось уже сорок четыре), и все-таки порой ее охватывали мрачные предчувствия. Увы, они оказались вещими. Роберт Луис Стивенсон скончался 3 декабря 1894 года, но не от туберкулеза, а от кровоизлияния в мозг — следствие хронического переутомления. Похоронили его на вершине живописной горы Веа. Позднее там поставили надгробный памятник и высекли на нем строки из «Реквиема», написанного Стивенсоном за много лет до того. Слово «Туситало» стало нарицательным в языке жителей Самоа. Так называют они теперь всех писателей, живущих на острове. Но могут ли современные «сказатели» сравниться с первым носителем этого имени? □

Вадим
Андреев

ДУХИ

КО ТАО

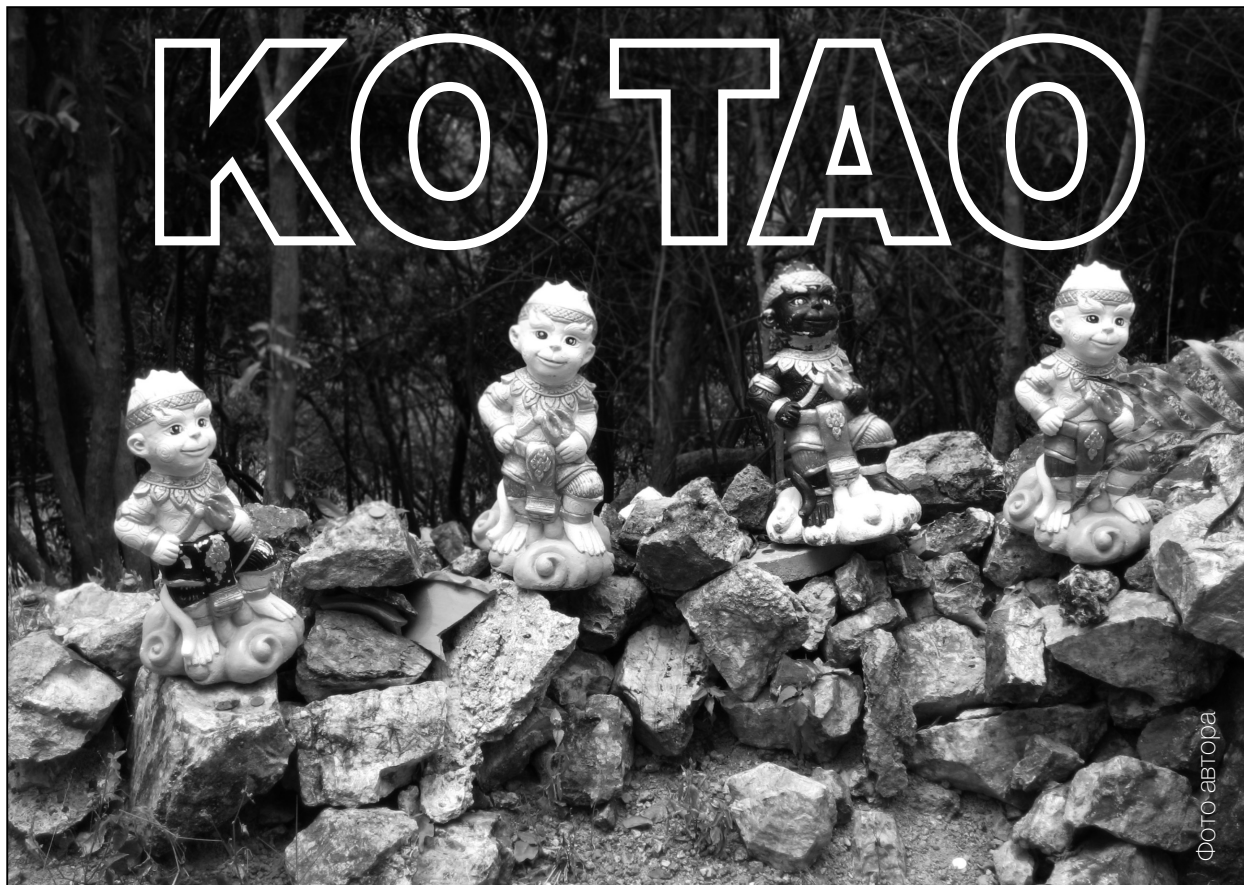

Фото автора

Это рассказ о чудесах, которые еще встречаются в далеких и экзотических уголках нашего мира. Кто-то удивится, кто сочтет ерундой и бредом... Но «это» просто происходит, не спрашивая ни нашего мнения, ни, тем более, нашего разрешения. Оно просто есть, и все, несмотря на то, что думают обо всем этом скептики.

Для начала небольшая справка:

Основная религия королевства Таиланд — буддизм. Тайцы очень набожны. По всей стране, кроме храмов, монастырей и пагод стоят «домики духов». Они стоят на каж-

дом углу, в каждом дворе. Там молятся, туда приносят подношения. Там, у домика духов, говорят с духами, говорят с теми, кто ушел из нашего мира.

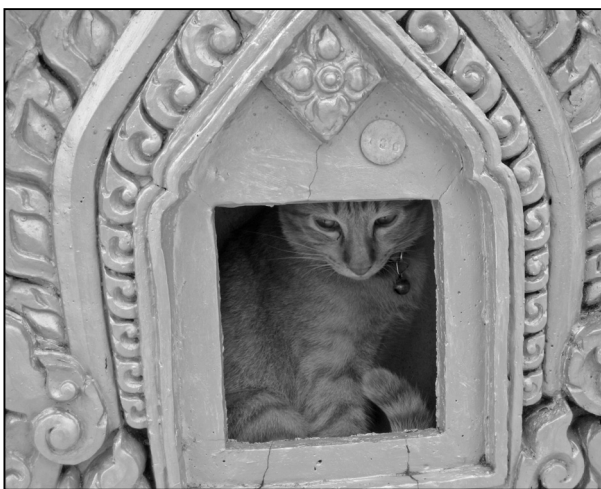
Мир духов тесно вплетен в нашу реальность. В доме может «проживать» не один домовый, а сразу несколько. Духи могут быть добрыми, могут быть вашими предками, хранителями и защитниками. А могут быть и злобными. По мнению самих тайцев, духов множество — от духов природы до существ из адских миров.

Носы множества тайских лодок и даже кораблей тоже являются «домиками духов». По мнению моряков, там обитают духи моря и духи предков. Носы кораблей и лодок украшают венками и гирляндами цветов, цветными лентами. Ходить на нос

корабля без разрешения капитана считается весьма дурным тоном. Ты попусту беспокоишь духов, а это плохо...

Остров Ко Тао имеет множество названий. Остров черепаха, Остров черепах, Черепаховый остров и так далее, как ни переведи, будет правильно. А еще он и на других языках постоянно пишется и называется чуть-чуть по-разному: Ко Тао Тау, Ко Тао, Koh Тао... Уверен, вы сами найдете еще пару-тройку вариантов написания. Но главное, все понимают, что речь идет именно про этот остров. По непроверенным данным, на Ко Тао с 1933 по 1947 была расположена тюрьма для политических заключенных...

На Ко Тао от острова Самуи меня доставил рейсовый скоростной катамаран «Lomprayah». Хочу заметить, что поездки на морских скоростных катамаранах «Lomprayah» — это целая отдельная история.

В тот раз все путешествие в целом было странным и связано с духами, как ни чудно это звучит. На Ко Тао я отправился погружаться, договорившись с ребятами из русского дайвинг-центра, базирующегося на острове. Сам же базировался на Самуи.

Именно на Самуи и начались проявления мира духов.

Отправившись на осмотр храмов острова, я хотел войти в один из них. Как полагается, начал снимать обувь. Но тут дорогу мне преградил вышедший из-за перил лесенки рыжий кот с ошейником. Сказав мне громкое «мяу», он решительно не давал мне войти в храм. Небо затянули тучи, спрятав солнце. Я попытался осторожно обойти кота. Не вышло — он преграждал мне дорогу. Тогда я заговорил с котом, поинтересовавшись, почему он не впускает меня, и что ему от меня — белого фаранга — нужно. Странная картина со стороны: здоровый белый мужик на пороге тайского храма разговаривает с котом.

— Ты хочешь, чтобы я пошел за тобой? — удивился я, когда рыжий охранник врат храма двинулся в сторону специальной стены с нишами, куда ставили урны с прахом умерших людей. И получил утвердительное «мяу» в ответ.

Рыжий кот подвел меня к нише №136, забрался в нее, сел и... заплакал: Я же молча поклонился и ушел.

В этот день во многих храмах проходили траурные церемонии и обряды. Ко мне прислали кота, который, как мог, сказал мне, чтобы я не входил в храм. И я его понял. Вот так духи пообщались со мной впервые в этом путешествии.

Второй раз с духами я столкнулся именно на Ко Тао, приехав туда на дайвинг.

С собой у меня была камера в боксе для подводной съемки. Два аккумулятора я зарядил еще на ночь, перед отправлением.

Как сказал Лева, герой фильма «Особенности национальной рыбалки» — погрузились. Погрузились штатно. Я отснял первый дайв. Дальше наш корабль поменял позицию, так как мы решили идти к затопленному военному судну.

На всякий случай, перед вторым погружением, я поставил свежий аккумулятор в камеру, так как снимать планировал много. И тесты, и затонувшее судно.

Но, как только мы погрузились, встали на «маршрут» к кораблю, лежащему на дне, и я нажал кнопку включения, экран моего фотоаппарата показал, что батарея разряжена — не хватает энергии. Нормально. С только поставленным свежим аккумулятором и обширными планами на подводную фотосъемку.

Надеясь, что это «глюк», я несколько раз пытался перезапустить аппарат. Ничего не выходило. Мой проводник и напарник Алексей уже начал жестами спрашивать меня, в чем причина моей задержки.

Я показал ему на камеру и провел ладонью по собственному горлу —

жест дайверов «не могу дышать». Он все понял и развел руками.

Я находился за много тысяч километров от дома, мы шли к затонувшему кораблю, нужно было снимать материал. И у меня отказала камера. Больше шанса сделать кадры не представится, я просто улечу обратно...

Жутко раздосадованный, я попросил помощи... Не знаю у кого. Наверное, у духов океана.

Впереди появился лежащий на дне корабль. Вода была не прозрачной, но стала отчетливо видна артиллерийская носовая установка. Я был возле носа судна, там, где должны были висеть венки, ленты и украшения, не лежи корабль на дне.

А дальше — мистика. Кто-то будто сказал у меня в голове: «включай».

Я еще раз нажал на кнопку пуска. Экран засветился. Индикатор показал полный заряд батареи. В «прицеле» было носовое орудие. Мой аппарат начал работать...

Когда мы закончили погружение, я пошел с ребятами в дайвинг-центр, где меня напоили чаем, проставили все печати и так далее.

Через час отбывал мой скоростной рейсовый катамаран «Lomprayah».

Всю дорогу обратно до Самуи катамаран сопровождали летающие рыбы. Очень красивое зрелище. Но я не сделал больше ни одного кадра. Как только «Lomprayah» покинул остров Ко Тао, экран моей камеры погас. Она отключилась окончательно, не дав мне даже просмотреть сделанные фотографии.

Уже позже я узнал, что мой аккумулятор потерял емкость и больше не способен держать заряд. А второй я посадил при первом погружении. Даже не знаю, как объяснить то, что батарея восстановилась на непродолжительное время. Но произошло это под водой, у носа затонувшего корабля, именно там, где живут духи, и после моей просьбы.

Конечно, скептики скажут: заработало, повезло, совпадение.

А может, помогли? Уж больно много странных совпадений и предшествующих им событий, например, в храме...

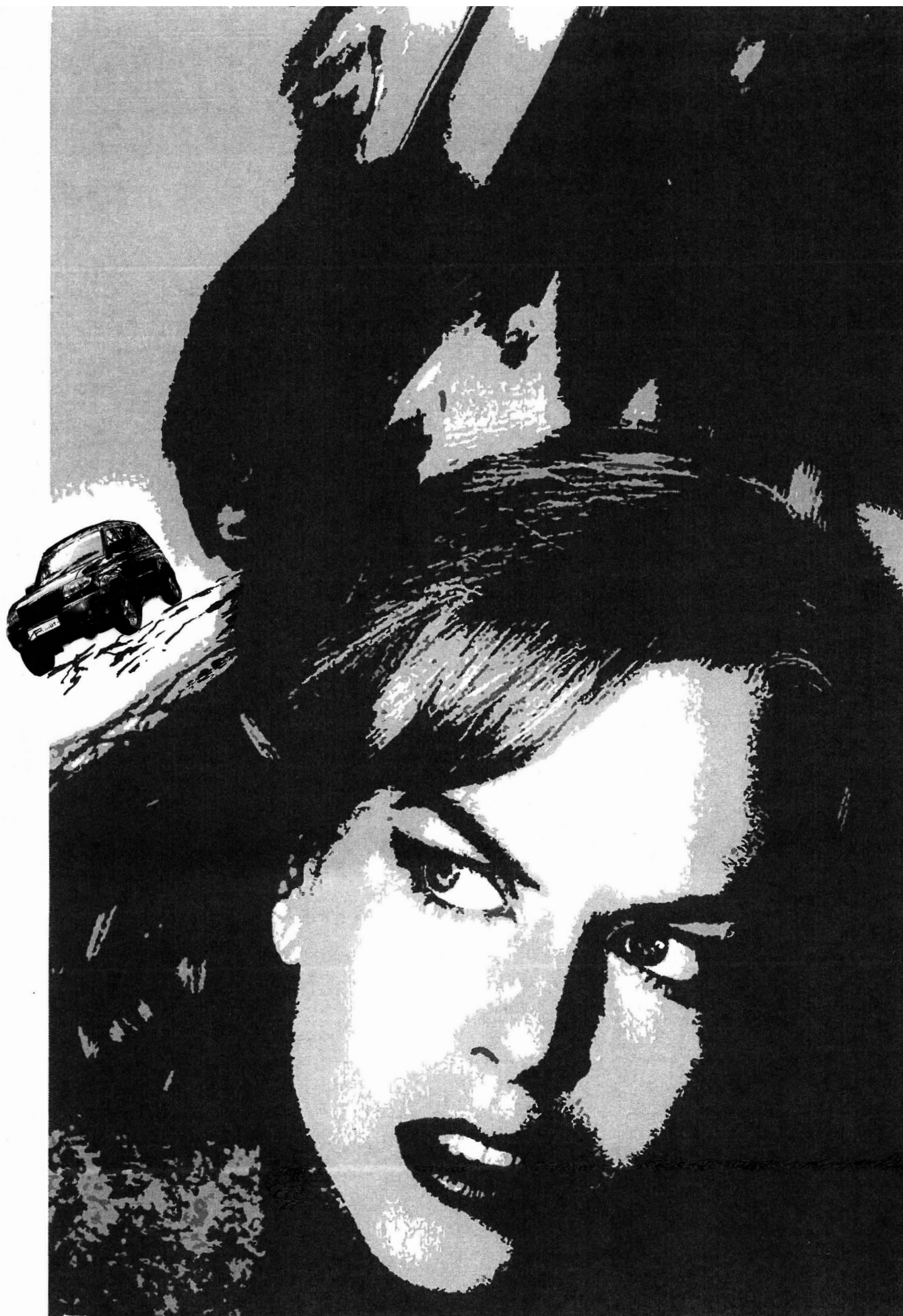
Для местных жителей мир духов и связь с ним — это повседневная реальность. Каждый день они говорят с ними. Это неотъемлемая часть их жизни и их мира. Больше того, этого не отрицает и их религия. Священники сами говорят с духами.

Верите вы в это или нет, но множество событий происходит совершенно независимо от нашего мнения и, уж тем более, не спрашивая нашего разрешения. Это просто случается и все. Как к этому относиться, личное дело каждого.

Может быть, камера заработала сама — потрясли, и заработала. Но я склонен думать, что мне помогли. Не буду ничего утверждать и ни на чем настаивать.

Я просто скажу еще раз спасибо духам океана и духам острова Ко Тао. После того, что со мной происходило, после того, что я увидел, а многое из увиденного фиксировала камера, я стал уверен в том, что там, на Ко Тао и в океане, на носу корабля, живут духи. А вы решайте сами, верить моему рассказу или нет... □

ПРОДЕЛКИ ЭЛЕН,

или Дама из преисподней

ГЛАВА 8

К Элен мы поехали лишь на следующий день. А накануне вечером еще раз крепко задумались о ее поступках. Прodelках. Картина вырисовывалась фантастическая. Элен выслеживает своего бывшего доктора и начинает ему мстить. Некий бедный старик часто переходит через трассу на свой огород. Прodelывать это по новомодному переходу — перекинутой поверху «трубе» ему сложно, надо преодолеть десятки ступенек вверх. И вот в какой-то момент он неожиданно появляется перед ее машиной, причем как раз в такое время, когда на дороге никого нет. Кроме старушки, из-за которой и произошло ДТП. Элен сбивает мужчину — в свете новых фактов мы пощадили девушку и решили, что она сделала это не намеренно, — отъезжает далеко в сторону, успевает даже вытереть машину от следов столкновения, а когда лежащего на дороге человека замечают другие водители или пешеходы, то она тоже подбегает к нему вместе со всеми, что-то говорит и тут же сообщает подъехавшим гаишникам номер машины, которая якобы и совершила наезд. Так начинается ее месть. Вполне возможно, что она не остановилась бы и перед убийством кандидата, только ведь он не перебегает дорогу в неположенном месте, у него охрана и так далее. Хотя и клевета — это тоже оружие, да еще какое! К тому же неожиданно происходит и второе преступление, совершенно случайной свидетельницей которого девушка стала вместе с Нинель. Тут ей пригодился

Окончание. Начало в №10, 2020.

номер еще одной любимой машины Георгия Владимировича... Лжесвидетельство приносит великолепные плоды — кандидат слетает с выборной дистанции. Но встреча с губернатором не дает ему упасть. Более того — он вновь на коне, в фаворе...

— Знаешь, Валя, чего я боюсь... Если Элен считает, что его вина перед ней была велика, то она может не остановиться... Цена, которую он должен заплатить, должна быть равной преступлению... Следовательно, она продолжит свою «мстительную» деятельность и придумает что-нибудь покруче... Только бы не убила!

— Да, дорогая! Ты права! И завтра мы обязательно убедим ее в том, что месть сама по себе — грязная штука, она — зло, порожденное тоже злом. И если не остановиться, эта цепочка будет продолжаться вечно. Нам с тобой завтра надо быть настороже и угадать ее истинные намерения... Куда ее понесет дальше... Этот тип теперь часто и подолгу, как я поняла, будет работать в Германии... Не туда ли и двинет наша подопечная, а?

— Без документов? Дура она, что ли?

— А почему без документов? У нее есть свои нормальные документы, она наверняка привезла их из Москвы.. Похоже, что она перестала бояться... Ей не приходит в голову, что человек, засадивший ее в психушку, хотел таким образом от нее избавиться... И совершенно неизвестно, что он придумает теперь... У меня такое ощущение, словно я — волчок, и кружусь на одном месте... В ее поступках я не вижу логики!

— Одно понятно — Элен было необходимо, чтобы мы ее спрятали на время. Значит, ей было чего бояться. Но чего?

— Ну, я все-таки думаю, что наша девочка боится правосудия! Она же сбила человека! И это мог кто-то видеть! И знаешь, я почти уверена — что-то ее заставило пойти на это... Какие-то неожиданные обстоятельства... Вполне возможно, что они совершенно не связаны с прошлым...

В разговоре с Элен мы решили быть предельно осторожными, всячески подчеркивать свое хорошее к ней отношение, чтобы добиться от нее максимальной откровенности. А если ее не случится, тогда пустить в ход Валентинины уловки, которых у нее предостаточно.

В райцентр, где работала Элен, мы приехали пораньше. Ей дали комнату в доме, находящемся рядом с булочной, откуда замечательно пахло свежим хлебом. Мы не смогли пройти мимо и закупили целый пакет булочек и удивительно вкусных соевых конфет местного производства, которых нигде больше не продают. С таким-то богатством и заявили к Элен, которая неплохо подготовилась к нашему приходу — чай был уже заварен, а слоеный торт испечен самой хозяйкой. По ее сияющему виду я поняла, что девушка уже встретилась со своим Игорем, а его Катя, очевидно, висит

на них огромной гирей и вовсе не хочет, чтобы от нее избавились. Но они-то этого хотят, Элен и Игорь, и это ясно как день. Бедная улыбчивая Катя!

Мы уселись за стол и стали нахваливать ее торт, который и вправду был великолепен. Элен рассказала нам о здешней редакции, причем несколько историй с ее сотрудниками были так похожи на анекдоты, что мы расхохотались. И в самый разгар этого веселья Валентина вдруг тихо сказала:

— А знаете, Леночка, мы вчера были у Георгия Владимировича...

Конечно же, она специально назвала ее Леночкой, чтобы быстрее пробудить в ней воспоминания детства... Элен же застыла, а потом вышла из оцепенения и спросила:

— Ну и как он себя чувствует?

— Думаю, прекрасно. Только почему-то очень занервничал, когда мы спросили его о вас... Чуть ручку свою шариковую не сломал...

— Ручку — что... Он мне жизнь чуть не сломал, — прошептала Элен.

— Вы имеете в виду методы его лечения? Не таблетки, так уколы, да? — прямо спросила Валентина. — Дело в том, что он об этом сказал... И о том, что глупо его обвинять — вся страна так лечилась в психиатрических клиниках... Просто, очевидно, вы попали туда по какому-то дурацкому недомыслию...

Элен отодвинула в сторону свою тарелку. Ее прямо-таки трясло. Она никак не могла заговорить — губы ее не слушались. Наконец она собралась и прерывистым от волнения голосом произнесла:

— Я, Валентина Васильевна, имею в виду не только таблетки и уколы, но и кое-что другое, похлеще... Ему всегда, всегда было плевать, что со мной станет... Боже, я не могу... Не буду... Все это в прошлом... Все это надо забыть...

— Правильно, Лена! — вмешалась я. — Забыть! Ведь у тебя впереди — целая жизнь... И нельзя тратить ее на мечь... На зло... Надо вовремя остановиться...

— Но они прекрасно знали, что творят! Однажды, когда я лежала в палате, меня послали в ординаторскую. Я подошла к дверям и услышала разговор... Он меня просто ошарашил, поэтому я не стала входить, а дослушала до конца... Подслушала... Наша медсестра отказывалась давать лекарства девочке из соседней палаты... Я сейчас не помню, о каких именно препаратах шла речь... Кажется, о транквилизаторах... Медсестра высказала свои сомнения — ей показалось, что подросток после этих лекарств дуреет... Она выразилась именно так. Причем девушка все время спрашивала врача — что же с этой пациенткой будет дальше? Она же не сможет нормально жить и работать! Видимо, все это у сестрички накипело, потому что говорила она на повышенных тонах, прямо-таки кричала, что в клинике

не лечат больных, а делают из них идиотов! Врачи прекрасно понимали, чем грозят детям, да и не только детям психотропные препараты — снотворные, антидепрессанты... Все они наркотические... Разница лишь в степени этой угрозы... Так что каждый должен отвечать за свои действия. А то украл курицу у соседа — в тюрьму! А десятки, сотни людей осознанно сделал наркоманами — в депутаты его! Или там в почетные ветераны... И я боролась. По-своему, глупо, но все-таки боролась!

— Но если врачи понимали, что делают, то зачем они это делали? Какая им корысть? — прервала я Элен. — И почему ты занялась этой проблемой? И стала такая просвещенная в вопросах медицины?

— Элен занялась этим не из любопытства и вовсе не случайно... — ответила за девушку Валентина.

— Извини... Извини, Элен... Я... я только сейчас поняла...

— Да. Я вижу — все всё поняли. Но я нашла в себе силы... И этот шрам на руке... Это для встряски... Чтобы отвлечься от страшных мыслей... От тяги к зелью... Я все испробовала! Опускалась в ледяную воду. Часами стояла вниз головой. Нет, с перерывами, конечно, ибо я не йог... Изнуряла себя физическими упражнениями... Я победила. У меня была цель — победить, стать незаурядной личностью... Может быть, даже великой... Я чувствовала в себе какие-то таланты, которые требовали выхода... Только надо было определить, какие именно, и в чем состоит этот выход. А для этого необходимо сосредоточиться, заглянуть в себя, прочистить мозги... И я смогла, не дала окончательно себя искалечить. Но ведь показательного процесса над такими докторами, как мои, у нас в стране, да и во всем мире, наверное, не дожждаться. Вот почему я решилась на месть. Она была частью моего очищения, если хотите...

А ведь когда Элен приехала к нам на практику, у нее еще не было этих проблем. Думаю, они начались позже, когда ее выгнали из редакции. Она не выдержала разлуки с Игорем и стала искать какой-то выход своим эмоциям и обиде... Все ведь просто — в бездну совсем не обязательно бросаться специально, стоит сделать один маленький неосторожный шаг, и ты окажешься внизу, там, откуда нет возврата...

Мы ей поверили. В эти минуты мы ее жалели и любили. Но Валентина есть Валентина!

— Элен, один из свидетелей происшествия на подмосковной дороге утверждает...

— Но там не было свидетелей, Валентина Васильевна! В том-то весь и фокус. Так сложились обстоятельства...

— Да нет же, был какой-то дачник... Он, правда, видел все издали... Так вот, он утверждает, что на дороге была еще какая-то пожилая женщи-

на... Она тоже пересекала трассу в неполюженном месте. И ему показалоь, что из-за нее и произошла трагедия... И вы, именно вы отклонились от курса... Потому что другой машины в те минуты на дороге не было...

Было заметно, что Элен побледнела. Неужели это правда, и у нее есть причина чувствовать себя не такой уж виноватой?

— Нет. Там не было никакой женщины. И я не отклонялась ни от какого курса, а стояла на месте, — тихо повторила Элен.

Валентина посмотрела в окно и вдруг сказала:

— Что-то я не вижу у вас во дворе никакого гаража.

— Да здесь его и нет, — ответила девушка.

— Да? А куда же вы поставили свой «пежо»?

— Следите за мной, — залившись краской, прошептала Элен. — Не верите мне ни в чем...

— Просто стараемся оградить вас от бед. А для этого хорошо бы нам понять, зачем вы тайком ездили к себе домой... Презрев, так сказать, опасность...

— Мне нужна была машина. А перед этим еще надо было разведать обстановку... Вот и пришлось домой заскочить.

— А не боялась, девочка, что тебя в столице-то — под белы руки, и в полицию?

— Нет! А за что? Я ни в чем не виновата! Я никого не сбивала!

— А почему вы думаете, Элен, что я имею в виду сбитого мужчину? Да нет, ведь за клевету можно тоже сильно пострадать...

— Пожалуйста, скажи мне, умоляю, — вмешалась я, — ведь ты не подстерегала его специально? Нет? Старик не был виноват перед тобой? Это не расправа?

Элен стала уверять нас, что мы ошибаемся, она бубнила о своей невиновности и при этом смотрела на меня так грустно и спокойно, что я окончательно поверила ей.

— А что ты ему говорила-то перед... смертью? Ну, когда он был еще жив...

— Да просто успокаивала. Просила потерпеть...

— Лена, у нас — неравное положение, — заметила Валентина. — Мы говорим вам все, что знаем. Карты, так сказать, на стол! Вы же постоянно стараетесь от нас что-то скрыть... И выдаете нужную информацию маленькими порциями... Почему? Этих порций накопилось уже достаточно, чтобы сделать вывод — не было никакой причины скрывать многие факты. И тогда я подумала, что вы делаете это специально, чтобы мы не добрались до чего-то такого, что вы храните за семью замками... Я считаю это неуместным, несвоевременным. Давайте, наконец, говорить о главном. Коли Георгий Владимирович вас не похищал, а сделал это какой-то неизвестный

«муж», которого сами вы вычислить не можете, то нам необходимо знать о вас все, чтобы напасть на его след. Слышите — все!

Элен вновь грустно посмотрела на нас и заявила, что ничего не скрывает, и что сама бы хотела знать, откуда ей ждать опасности. Что ж, похоже, она действительно рассказала нам все, но тем не менее была похожа на черепаху, скрывшуюся за своим панцирем. Так бывает, когда человек задумал совершить что-то чрезвычайно важное, сделать в своей жизни бросок, который коренным образом изменит всю судьбу. Для нее сейчас наши слова, увещевания — так, пустота, жужжание шмеля в летний день. Она думает о чем-то своем. Она готовится к прыжку и так увлечена этим, что ничего не опасается.

— Скорее всего, вы влипли в какую-то историю и сами об этом не подозреваете, — предположила Валентина. — Что тут может быть? У того старика есть сын. Предположим, он решил вам отомстить. Мы ведь не зря говорили о цепочке зла... Можно предположить и другое — вы вновь стали свидетелем какого-то преступления...

Элен заверила нас, что оба эти предположения лишены всяческих оснований. На что Валентина ответила, что свидетелем преступления вполне можно стать, не зная об этом. То есть наблюдая за какими-то действиями и не предполагая, что они — противозаконны. Что ж, все бывает.

— А меня теперь что, арестуют? — неожиданно спросила Элен.

— Возможно. Если то, что знаем мы, будет известно и полиции. Пока они думают, что, назвав номер машины-убийцы, вы просто перепутали цифры... Что Георгий Владимирович никого не сбивал, что виновен другой человек. Опять же — не вы...

Я проинформировала Элен о том, что произошло дальше с кандидатом, применив известную поговорку — не было бы счастья, да несчастье помогло. Он не стал депутатом, но сделался правой рукой губернатора и сейчас представляет его и свои интересы, и, разумеется, интересы одной области в Германии... Мне показалось, что Элен наострила уши. Господи, ну не ринется же она туда, не будет же подстерегать его, чтобы взорвать его машину или совершить что-нибудь подобное, после чего бывший доктор либо станет инвалидом, либо уйдет в мир иной? Конечно, я плохо знала Элен, но все же... И вдруг она спросила:

— Так меня пока не арестуют? Как вы вообще намерены решить мою судьбу, Валентина Васильевна?

— Я — частный детектив, которого вы наняли. А частный детектив, по моим понятиям, изначально выполняет и функции вашего защитника. Они заложены в самой сути нашего соглашения... И я не могу предать свою подзащитную... Я чувствую за нее огромную ответственность... Знаете,

Элен, у меня сейчас есть три важные цели. Первая — узнать, что вы все-таки от меня скрыли, это поможет избавить вас от дальнейших опасностей. Вторая — защитить вас от любых нападков с любой стороны. И третья — убедить вас отказаться от дальнейшей мести... Потому что по натуре вы — добрый, тонко чувствующий человек, вам не к лицу такая отчаянная злоба... Она калечит душу...

Элен словно не слышала Валентину. Взгляд ее был устремлен куда-то вдаль. Заговорила она тихо и размеренно.

— Я — со всех сторон несчастный человек... Игорь женат, а мы любим друг друга... Вот он приехал, и все вокруг засияло, все улыбается... И это вмешательство врачей в детстве... Страшная угроза, нависшая надо мной... Но знаете, даже в самые ужасные минуты, когда мне было особенно плохо, я всегда чувствовала в себе какие-то скрытые силы. В своих снах я часто видела себя на вершине... И я доберусь до самого верха!

ГЛАВА 9

Мы с Валентиной вернулись в город. Семья моя была на даче, и ничто не мешало нам обсудить все, что мы услышали от нашей подопечной. Честно говоря, вопросов у нас оставалась уйма, и мы даже не знали, с чего начать, хотя, по идее, должны были уже завершать свое расследование. Если Элен совершила-таки преступление, то как ей удалось почистить свою машину и притвориться свидетелем? Что связывало ее с умирающим? Хотела ли она его смерти? А он, этот старик, — что, каждый день игнорировал переход и бродил по дороге в неполюженном месте? Элен не отвечала нам на эти вопросы прямо, она крутилась вокруг да около как волчок, отчего у нас возникло ощущение чего-то нереального. Нюанс, который она скрывала, так и витал в воздухе! А мы тем временем продолжаем топтаться на месте. За все дни путем невероятных усилий и логических расчетов выявили лишь трагическое дорожно-транспортное происшествие, в котором замешана наша подопечная, да ее фокусы с кандидатом, которые она проделала не под влиянием минуты, а вполне продуманно. А еще выяснили, зачем она со своими математическими способностями, будучи в плену, записала на клочке бумаги номера двух любимых машин кандидата — оказывается, боялась воздействия лечебных препаратов, которые могли привести к потере памяти. Валентина считала, что нашей подопечной нужен хороший психолог.

Мои мысли перебил телефонный звонок — это была Нинель. Она сообщила, что в течение последних двух дней в редакции раздаются междугородные звонки и кто-то упорно спрашивает Элен. Правда, называет ее

Леной. Голос мужской, незнакомый. Ни на какие вопросы этот человек не отвечает. Хочет знать, у нас ли Лена, и если да, то как устроилась, где именно работает и как с ней связаться по телефону. Нинель молодец, сказала незнакомцу, что не знает никакой приезжей Лены, что у них все Лены работают давно, по нескольку лет, а когда мужчина принялся описывать Элен, то прикинулась, что никого подобного никогда и не видела. Но чтобы этот мужчина все-таки позвонил еще раз, Нинель оставила маленькую лазейку: сказала, что обо всех новеньких осведомлена заведующая кадрами, хотя у нас и не было этой должности, и что эта заведующая будет завтра, так что незнакомец сможет с ней поговорить, а уж она прольет свет, так сказать, на все темные места... И, естественно, дала мой номер телефона. Мы поблагодарили Нинель, заметив, что она в наших условиях, приближенных к боевым, действовала совершенно правильно, и стали гадать — кому же понадобилась Элен? Кто это там проснулся в ее прошлом? Если похитители, так что-то поздно они спохватились — птичка-то давно уже упорхнула из психушки... Игорю ее искать незачем, он и так с ней рядом. С работы? Не должны, она предупредила, что берет отпуск. Может, отец? Есть же у нее где-то на Севере родители... Предположим, с матерью стало плохо, вот он и решил сообщить об этом родному чаду, и, не найдя ее на работе, стал звонить сюда. Это легко проверить, но зачем? Отец, прежде всего, обратился бы к бабушке, а та уж в свою очередь разыскала бы дорогую внучку... А почему не предположить, что звонил мужчина, которому Элен не безразлична? Я думаю, такой есть, да и не один.

Сообщение Нинель здорово насторожило Валентину. Этот звонок стал камнем, влетевшим в стоячее болото и всколыхнувшим всю воду. Итак, кто-то интересуется, здесь ли Элен. Видимо, этот кто-то ищет методом тыка. Она здесь родилась, выросла, так почему бы ей сюда и не приехать? Следовательно, человек этот знает факты ее биографии. Откуда? Они хорошо знакомы? Либо это шапочное знакомство, и просто в разговоре он спросил ее о малой родине, а она ответила, дав ему конкретные координаты. Ответила, ни о чем не подозревая. Да, может, тогда и подозревать-то нечего...

Мы с Валентиной долго перебирали все варианты. Зачем? Валя ожидала какого-то внутреннего толчка, который всякий раз сопровождает каждую ее верную догадку, даже когда она еще и не знает, что мысль-то действительно правильная. И хотя его пока не было, азарт, охвативший мою подругу вновь, говорил о том, что мы должны, просто обязаны двигаться в этом направлении!

— Понимаешь, Наташа, — с задумчивым видом заговорила Валентина, — мы зациклились на проделках Элен... Именно на том, что делала

она сама... Этот наезд на старика, месть доктору, предвыборные листовки... Ее любовь, ее изломанная жизнь... Но если Георгий Владимирович ее не похищал, и его подручные не сажали ее в психушку, то кто и зачем это сделал? Признаюсь, у меня была мысль, что она сама себя закрыла в психушке, чтобы уйти от ответственности, и это меня затормозило... Я думаю, это от избытка эмоций... Их слишком много... Конечно, эти звонки неизвестного могут и ничего не значить. Но я бы все же связала с ними ответ на главный наш вопрос... Ответ, которого у нас пока нет... Если он знает, что это — родной ее город, то он вполне может знать и фирму, где она работает... Позвонить туда и спросить... Давай-ка, Натуль, я свяжусь сейчас с той дамой, с заместителем директора... Думаю, она еще на работе... И если будет какая-то зацепка, то Платон мой сейчас все еще там в командировке и, если нужно будет что-то сделать, — включится.

Валентина застала коллегу Элен на рабочем месте и, напомнив ей о недавней беседе, как бы между прочим спросила, не интересовался ли кто-нибудь местопребыванием девушки. Коллега ответила, что да, интересовался мужчина, который не представился. Однако в фирме на подобные звонки всегда отвечают сдержанно, не давая никакой информации. Но мужчина был настойчив — дело в том, что из таких ответов он даже не мог сделать вывод, работает здесь Элен или нет. А ему, очевидно, необходимо было знать, где она, на правильном ли он пути в ее поисках... Валентина спросила, фиксируются ли у них подобные звонки. Оказалось, что в фирме абсолютно все звонки ложатся на пленку, но после изучения записей они стираются. Та запись, к сожалению, уже стерта...

— Но ведь у вас, я заметила, телефонные аппараты с определителями номеров...

Мне становилось все интереснее, и я, осторожно пройдя в кухню, взяла трубку параллельного телефона...

— Совершенно верно. Более того — мы фиксируем все эти номера. Иногда человек чего-то недосказал либо недопонял... И полезно знать номер его телефона... Да много разных нюансов! И номер, с которого звонил тот мужчина, у нас записан... То есть не в блокноте, а занесен в компьютер... Правда, эти данные мы тоже держим не до бесконечности, чистим время от времени, но нужный вам номер, уверяю, там пока значится... Открою вам секрет — у нас есть специальная программа, которая помогает нам вылавливать из массы звонков часто повторяющиеся номера, а затем работать с их владельцами...

Валентина попросила назвать ей телефон настойчивого незнакомца.

— Сейчас это невозможно. К сожалению. Вы поздно позвонили. Все компьютеры уже выключены. И даже если включить, то я не смогу

открыть нужный файл, не знаю кода. Эти данные не в моей машине. Только завтра...

Смирившись с неудачей, Валентина стала выспрашивать, какой голос был у звонившего, как он разговаривал, произносил слова, какое производил впечатление.

— Впечатление... Ну, ему лет за тридцать... Осторожен... Неглуп, кажется... Но несдержан. Был зол. Думаю, на то, что вот Элен ему понадобилась, а он, видимо, общаясь с ней когда-то, не удосужился точно узнать, где она работает...

— Но все-таки он позвонил вам — следовательно, знал, — заметила Валентина.

— Он не был уверен. Думаю, он знал, чем она занимается, и обзванивал все подобные фирмы... Но этого я не проверяла, естественно.

На этом разговор завершился, и дамы распрощались. Ну что ж, нас это не особенно расстроило. Завтра у нас будет номер его телефона, и мы сами сможем его обо всем спросить. Так что мы с подругой решили, что будем надеяться на лучшее, по зафиксированному номеру отыщем незнакомца, узнаем о нем как можно больше, подключив московские силы в лице Платона Петровича, а потом и сами позвоним неизвестному и... Можно сделать звонок от имени Элен... А можно срочно привлечь ее саму к этому делу... Пожалуй, так даже будет вернее... Но Валентине всегда необходимо быть во всеоружии, такой у нее характер. Она первая должна знать все.

Мы проговорили половину ночи, но потом спохватились и решили все-таки выспаться. Честно говоря, у нас это не очень хорошо получилось. Нас слишком рано разбудил телефонный звонок. Это не давала себя забыть фирма Элен. Нам продиктовали номер телефона неизвестного мужчины. Надо же, не стали ждать, когда мы позвоним, а набрали мой телефон сами — следовательно, зафиксировали его так же, как и десятки других. Номер был семизначный, московский, и начинался он на 180 — эти цифры фигурируют, насколько я знаю, в Северо-Восточном округе столицы, в Свиблово или Бабушкине. Ну и что делать дальше? Валентина быстро связалась со своим драгоценным Платоном Петровичем. Пока они разговаривали, я деликатно удалилась в ванную, заодно приведя там себя в порядок. А когда вышла, подруга сказала, что ее Платон немедленно, с помощью московской полиции займется этим телефонным номером.

Я приготовила завтрак, но ели мы плохо — очень волновались. Я оставила Валентину «сторожить» телефон, а сама поскакала на работу, где без меня уже порядком соскучились.

Мне показалось, что редакция в мое отсутствие как-то сильно уж нервничала. Позже я поняла — дело было в шефе. После планерки, которая

прошла на повышенных тонах, однако ничего путного на ней не было решено, редактор зашел ко мне в кабинет и спросил:

— Ну и что вы там с Валентиной Васильевной решали? Чем занимались, а? — И, не дождавшись моего ответа, продолжил: — Понимаешь, у меня плохое предчувствие... И жены — тоже... Ей все время снится ее умершая подруга и намекает, чтобы мы в оба смотрели за нашим мальчиком...

— За дорогим для вас мужчиной, — осторожно поправила я.

— За нашим ребенком, — упорствовал шеф. — Вот твои вырастут, и тогда поймешь, что и в двадцать пять лет они для родителей — малые дети...

Вдруг он встал, наглухо закрыл чуть приоткрытую дверь, затем подвинул свой стул ближе ко мне, вновь сел и, уставившись прямо мне в глаза, спросил:

— Она здесь, да?

Я все же его уважала в такой степени, чтобы не крутить хвостом, притворяясь, что не знаю, о ком речь, а потому он услышал мое честное:

— Да...

— Господи! Так я и знал! Так я и знал! И что ты об этом думаешь?

— Думаю, что она его любит.

— Так она что, приехала специально, чтобы встретиться с ним? Она его выслеживала, да? И в Москве, наверное, выслеживает? О! Что же делать-то, что делать!

— В Москве у нее работа. Ей некогда за ним гоняться, она постоянно в зарубежных командировках. К тому же собственных проблем много. Да и здесь она случайно, никто за ним не гонялся. Она здесь, как бы вам это сказать... по необходимости оказалась... Инкогнито...

— Вот оно что... И то, что вы расследуете, связано с ней?

— Связано. Но об этом никто не должен знать, понимаете? Ни одна душа. И ваша жена тоже.

— Да, да... Но если она здесь, то... При чем тут я? Ее многие узнают... Увидят на улице...

— Не увидят. Она здесь, но... далеко. И сидит тихо, не высовывается...

Эх, знал бы он, что это «далеко» находится в той самой точке, куда направился его драгоценный сынок и куда вслед за ним полетела его верная половина...

— Жене он снится на фоне каких-то гор, — продолжал шеф. — Подруга посылает ей сигналы опасности, и она мчится, чтобы спасти нашего мальчика... И вроде спасает...

— Что ж... Любовь всегда спасает, — уклончиво ответила я, понимая, что если его женушка узнает местонахождение Элен, то привезет туда целую телестудию и с ее помощью разгромит весь санаторий...

— А... ты-то знаешь, где она?

— Нет!

Я ответила слишком поспешно, и шеф мне не поверил. Но и настаивать на честном ответе не стал. Он просто тяжело вздохнул, поднялся со стула и вдруг спросил:

— А что бы ты сделала на моем месте? Посоветуй, а?

— На вашем месте я бы их не разлучала...

— Да, да... Но что бы ты сделала вот сейчас, после всего, что случилось?

Глупый вопрос. Разве на него может кто-то ответить! Разве кому-то ведомо, куда ведут пути, освященные большой любовью? Даже если на них сделано много ошибок...

— Не знаю... Возможно, я бы не вмешивалась... Пусть все идет как идет. Но — не знаю... Мне только кажется, что Игорь по-прежнему ее любит...

Он ушел от меня, опустив плечи, жалкий и сгорбленный... А зря. Он не понял, что способность его сына любить — это огромное счастье. Не каждому дано.

И вдруг я осознала, что там, в райцентре, где находится сейчас этот любовный треугольник, может произойти настоящая трагедия. И кто потом снимет с меня вину за то, что я не сказала редактору правду? Ведь не исключено, что отцовское чувство что-то ему подскажет... И я поднялась к нему. Там началось какое-то совещание, но шеф, уловив на моем лице срочность разговора с ним, тут же под благовидным предлогом всех разогнал и усадил меня на самое удобное место.

— Что? Говори! Не молчи, бога ради!

— Пришла покаяться. Но прежде хочу предупредить — дело, которое расследует Валентина и примкнувшая к ней я, весьма серьезное. Возможно, за ней кто-то охотится. Какая-то преступная группировка. А мы ее прячем. Валентина трудится в поте лица, и... надо, чтобы это было не напрасно. Чтобы вы — никому, нигде... Понимаете?

— Я дам тебе любое слово! Подпишу любую бумагу... о неразглашении.

— Хорошо. Я вам верю. Элен живет в райцентре, рядом с санаторием... И работает в районной газете. Никто там не знает ее настоящего имени — новые документы, может, и новый образ...

— Вот как...

— Никто, кроме вашего сына... Вчера мы с Валентиной у нее были. И по ее сияющему виду я поняла, что они встретились...

Шеф молчал. Думаю, что он и ожидал чего-то подобного. А потом горестно произнес:

— Бедный Игорь!

Ну, вообще-то бедная Катя, подумала я, надеясь, что редактор все-таки под каким-либо предлогом вытащит оттуда своего сыночка — хотя бы для того, чтобы нам с Валентиной не мешали работать их чувства. Мы были уверены, что уж они-то точно не имеют отношения к похищению Элен. Во всяком случае, грех с души я сняла — сказала ему правду. Побрела к себе в кабинет, возле которого уже стояла Валентина, и призналась ей в содеянном. Ей оставалось только вежливо улыбнуться и сказать, какая я честная дама — правда из меня так и сыплется... горохом.

Мы шагнули в мой кабинет, плотно закрыли дверь, и Валентина рассказала мне все, что удалось узнать ее Платону Петровичу о незнакомце, разыскивавшем Элен по телефону. Во-первых, им оказался простой рабочий парень Сева, Всеволод Тряпкин, который трудится на машиностроительном заводе и живет в Свиблово, на улице Нансена. Скромный, работающий, с хорошей репутацией человека, не подверженного вредным привычкам. Имеет машину «Жигули». Умелец — может починить практически любую вещь, будь то утюг или телевизор. Не женат. Живет один в однокомнатной квартире. Во-вторых, человек этот — страстный путешественник и часто ездит по городам России, любит их красотами. Путешествует обычно один, хотя дружит с двумя молодыми людьми своего возраста, их часто видят вместе. Все это Платону Петровичу рассказал председатель заводского профсоюзного комитета, бывший мент, к которому ему и посоветовали обратиться. Платон не поленился, подъехал, и бывший коллега даже сводил его в цех и показал ему Севу, занятого ремонтом какого-то станка. Парень, надо сказать, произвел на него нормальное впечатление — уверенный вид, умелые действия, никакой суеты, все, кажется, заранее продумано. Только вот старше своих лет показался Платону Петровичу этот человек. Верно, потому, что он не улыбался. Председатель завкома сказал, что Сева всегда такой серьезный. С чего бы это? Может, вынашивает какую-то сногшибательную техническую идею? Да вроде нет. Не вынашивает. А в какие города-то ездит? Ах, в Ярославль, Кострому, Вологду... Хорошие города, интересные, есть там что посмотреть...

Платон Петрович поблагодарил коллегу, переквалифицировавшегося в профсоюзного босса, вернулся в управление, куда приехал в командировку и где работали его друзья, и попросил доступ ко всем техническим средствам, дабы проверить, не мелькает ли Севина фамилия в базах данных этих городов, в том числе и в криминальных списках. Оказалось, что мелькает и даже очень. И не только в провинции, но и в самой Белокаменной тоже мелькает. Потому что Сева является владельцем нескольких особняков на великой русской реке Волге, а также на не очень великой

речке Вологде, но это не значит, что дом у него там меньше и хуже — ничуть не бывало! Но — откуда деньги у скромного рабочего? В Москве Сева на особняк пока не замахнулся, но вот квартиру трехкомнатную в новом доме, а именно в Строгино, рядом с парком, приобрел. Во всяком случае, зарегистрирована она на его имя. Что ж, возможно, счастливый человек, играет в рулетку или в карты и постоянно выигрывает! Но — нет, говорят, не играет. Не любит случайностей, все у него спланировано заранее. И наследства не получал. Так нам-то что же думать обо всем этом, а?

Валентина, проанализировав полученную информацию, решила, что нам надо искать! Искать, каким боком этот богатенький, но скромный рабочий Сева касается Элен? Где перекрестились их пути, и почему он об этом помнит, а она нет? Он придает значение их встрече, иначе бы, верно, и не звонил, а она, скорее всего, и знать о нем ничего не знает...

И в это время зазвонил мой телефон. Я сняла трубку.

— Отдел кадров? — произнес осторожный мужской голос.

— Да. Слушаю, — сухо ответила я.

— Подскажите, пожалуйста, как я могу связаться с Леной Саврасовой?

— Не имею представления, — отчеканила я. — У нас нет сотрудницы с такой фамилией...

— Вы... уверены?

— Конечно! Я знаю всех, кто у нас работает! А это — сто человек!

— Но вы могли ее просто не запомнить, если она недавно работает...

— Нет!

— А где еще она может у вас устроиться? Я имею в виду — какие еще газеты есть в вашем городе?

— Хм... Есть церковная... Есть профсоюзная... Есть заводские многотиражки... А вы уверены, что она работает в газете? Что-то я не слышала такой фамилии...

— Уверен процентов на... семьдесят!

— Так, может, она не у нас, а где-нибудь в столицах, а?

— Да нет. Должна быть у вас. Больше вроде и нигде...

— В вашем голосе чувствуется неподдельное стремление ее увидеть... Знали бы вы, как мне хочется вам помочь! От всего сердца... Хотите, я обзвоню все-все наши редакции?

На том конце провода воцарилось молчание, непростительное для междугородного разговора — время-то идет, счет растет... Видимо, я этого скромного работягу Севу чем-то насторожила. И все-таки он клюнул.

— Вы, и правда, готовы это сделать? Но почему?

— Да просто потому, что представила — когда-то вы случайно познакомились с девушкой... Это, вероятно, была короткая встреча — может, где-то на улице, может, в кафе... Я права?

— Предположим...

— Что — предположим? На улице или в кафе?

— В кафе...

— Так вот. Вы разговорились и как-то сразу поняли друг друга... Так?

— Так...

— Вы кое-что о ней узнали... Совсем немного... Имя, фамилию, где работает, откуда родом, да?

— Вы прямо как следователь...

— А я, к сожалению, только кадрами занимаюсь... Так вот, может, вы и не считали эту встречу какой-то важной для себя, но прошло два-три месяца, и вы поняли, что...

— А с чего вы взяли, что прошло именно столько времени, а не два-три года, скажем?

Валентина, отлично все слышавшая, укоризненно посмотрела на меня — да я и сама поняла, что это прокол. Но вполне поправимый.

— Два-три года — это слишком большой срок для современного молодого делового человека, — назидательно сказала я. — А вы производите именно такое впечатление...

Кажется, Сева успокоился, и мы договорились, что он позвонит мне к концу дня и узнает о результатах моих поисков. На всякий случай под конец я спросила:

— А если найду вашу красавицу, то можно ей передать, что вы ее разыскиваете? И сказать, как вас зовут? Кстати, как?

— Это не имеет значения. — поспешно ответил он. — И лучше ничего не передавать — хочу сделать ей сюрприз...

Что ж, разговор был такой, что нечего и обсуждать! Вялый, неинтересный, никакой агрессии в голосе молодого человека я не почувствовала. Конечно, бывают такие люди — ни рыба ни мясо... Чем же все-таки он занимается? Какой у него тайный бизнес? Какая страсть?

Он позвонил вечером, как и было условлено. Мне ужасно хотелось поиграть, но так, чтобы его не спугнуть. И я сказала:

— Увы! Всех обзвонила! Никто о такой не знает. Так что... Сева! Сева! — вдруг закричала я. — Иди сюда! Зайди ко мне в кабинет!

— Но я... А откуда вы...

— Ой, извините, увидела в коридоре нужного мне человека, и... Заходи, Сева, садись, я сейчас... Ну, так у меня все, — сказала я в трубку. — Извините, что не сумела помочь...

— Да нет, ничего, — обескуражено ответил он и положил трубку.

Таким нехитрым способом я убедилась, что это был действительно хитромудрый Сева.

В эти минуты мы особенно ясно поняли, как непростительно было заикливаться на проделках Элен. Да забыть надо все это! Наплевать и забыть! И начинать все по новой! Все — с чистого листа! И для этого нам срочно нужна Элен! Так срочно, что срочнее уже и некуда...

ГЛАВА 10

Наша подопечная, срочно вызванная из райцентра, приехала домой к Нинель, потому что мои домашние вернулись с дачи, и превращать свою квартиру в штаб по розыску преступников мне не хотелось, а в редакции кто-нибудь мог обратить внимание на беглянку, что совсем не входило в наши планы. Мы чинно сели за стол, Нинель принесла к чаю великолепное угощение — блины с медом и с вареной сгущенкой, и Валентина приступила к ликбезу. Мы рассказали Элен о том, что ее упорно разыскивает молодой человек, который знает чуть ли не все ее паспортные данные, и спросили, кто бы это мог быть. Валя заметила, что Элен встретила с ним предположительно в кафе. Но, кажется, девушке это ни о чем не говорило, хотя мы видели, что она старается вспомнить.

— Понимаете, что-то вроде и мелькает в памяти... Какие-то отрывки, которые никак не складываются в единое целое... Хоть бы лицо вспомнить — тогда, может, и остальное бы тоже выплыло... В кафе, в кафе... О, в Испании?

— Нет, не в Испании, — уверенно ответила Валентина.

— Здесь, значит... Но я ведь не хожу в кафе... Там никогда не заварят чай так, как я люблю... И вообще не могу есть на людях...

Тут Валя заметила, что надо искать что-то другое. Пришлось выкладывать нашей девушке имя звонившего. Но подруга моя сделала это довольно осторожно.

— Элен, а что, если я буду перебирать разные мужские имена, и вы, возможно, вспомните что-то конкретное... — И, не дожидаясь ответа, она начала перечислять: — Степан... Федор... Алексей... Миша... Гриша... Слава... Сева... Всеволод, значит...

Элен вдруг улыбнулась и воскликнула:

— Точно! Севка! Вспомнила! Ну конечно, в кафе! И познакомились мы незадолго до моего... похищения. Потом столько всего произошло, что я совершенно забыла об этой встрече! Так он, говорите, меня искал? Настырный парень! Но я ему не давала никакого повода...

Элен хоть и улыбалась, но явно нервничала и была возбуждена. С чего бы это? Мы попросили ее подробнее рассказать о неожиданном знакомстве.

— Да ничего особенного! У меня — за городом это было — стук в машине начался подозрительный, и я решила остановиться. Как раз напротив кафе. И он на своем «жигуленке» встал рядом. Естественно, вызвался мне помочь. Поковырял там что-то, сказал, чтобы я принимала работу, и пригласил в кафе. Мне просто неловко было отказаться. Вот так мы и познакомились. Он — работяга, трубит с утра до вечера на каком-то заводе. Не скажу, что мне было с ним интересно, но... что-то в нем есть такое, что мне нравится. Этакая хватка... Он сказал, что где-то учится, и со временем его статус изменится. Намекнул, что уйдет в бизнес. Но вы же понимаете, насколько мне все это неинтересно... Он проводил меня до дома... До гаража...

— И часто вы потом встречались?

— Два раза еще. Он караулил меня у дома и давал понять, что я ему нравлюсь... И я знаете, что тогда подумала? Что любовь к Игорю всегда будет мешать мне стать счастливой, обрести семью... Сейчас Сева, потом будет еще какой-нибудь Гена или Дима... И ведь кто-то действительно полюбит меня по-настоящему, а я отвернусь, не дамся в руки... Не знаю, понял ли он... И времени не было это узнать, потому что буквально через несколько дней после нашей последней встречи я была заперта в психушке...

— А... это не мог сделать он, чтобы... ну, завладеть вами, что ли? — с любопытством спросила Валентина.

— Господи, ну конечно, нет! О чем речь? А то, что он меня ищет, приятно...

— А мы ответили, что тебя здесь нет, — проинформировала ее я. — Ведь хочется, чтобы тебе ничего не угрожало. Мало ли... Он и на работу тебе звонил...

— На работу? Но я не говорила, где работаю.

— Значит, вы сказали, чем занимаетесь, а вычислить вашу контору оказалось несложно...

— Да, сказала... И... У нас был странный разговор... В тот, первый день... Мы говорили о машинах как о спасителях, которые и укроют, и увезут подальше от опасности. Сравнивали себя с улитками, а авто наши — с ракушками... Но потом он сказал, что для него единственная крепость — это его дом...

«Только который именно и в каком городе?» — подумала я.

— ... И я сказала, что моя крепость — тоже мой дом, но не в Москве, а в городе, где родилась... Он спросил, где, а я ответила. Вот почему он меня здесь ищет.

— Видимо, ты еще похвасталась ему, что хорошо пишешь и по профессии журналистка, — не преминула заметить я. — Иначе почему он ищет тебя именно в газетах?

— Да... Ты права... Я только не пойму, что здесь плохого, и зачем вы меня так срочно вызвали?

— Для спиритического сеанса, — выдала я.

Элен посмотрела на меня подозрительно, потому что прекрасно знала, что при всех своих мистических наклонностях я не стану тратить на это драгоценное время. Но Валентина тут же подхватила эстафету.

— Сеанс не сеанс, но нечто подобное мы попробуем сейчас организовать... Воображение у вас, Элен, развито прекрасно, как у каждого хорошего журналиста. И потому прошу вас сосредоточиться и мысленно снова прожить тот роковой для вас день, когда произошла трагедия на дороге, а потом вы оказались в плену...

— А... зачем? — спросила Элен.

— У нас появилась новая версия... Новое действующее лицо, которое, скорее всего, представляет для вас опасность... И хочется узнать, почему. Что вы такого сотворили, что вас испугались? У меня по-прежнему доминирует предположение, связанное с вашими способностями быть свидетелем происшествий... Возможно, вы увидели что-то такое, чего видеть вам было не положено...

— Постой, Валя, — вмешалась я. — Но если это серьезно, то все решил бы один выстрел... В наше время свидетелей серьезных преступлений в живых не оставляют...

— Спасибо, — бросила мне Элен. — Только все увиденные происшествия я прекрасно помню!

— Понимаете, Элен, человек может наблюдать за чьими-то действиями и не знать, что перед ним — преступление, я уже вам об этом говорила. Вспомните, с чего начался у вас тот страшный день? — предложила моя подруга.

— С зарядки! Я всегда делаю зарядку.

— Потом вы позавтракали и пошли в гараж, да?

— Нет. Не завтракала. Я часто не завтракаю, потому что утром никогда не хочу есть. Я просто выпила воды с лимонным соком и отправилась в гараж... Так... Вывела машину... Это надо подробно описывать?

— Да, если вы заметили что-то необычное...

— Ни-че-го! Протерла лобовое стекло, еще раз подумала о том, что надо сделать затемнение на окнах...

— А почему вы вдруг подумали о затемнении? Почувствовали какую-то опасность? — сразу насторожилась Валентина.

— Нет. Просто прочитала рекламный листок. Он был прилеплен к гаражу...

— Так... Дальше...

— А дальше села и поехала.

— В офис?

— Нет. В Подмоскowie, на одно из предприятий, связанных с нашей фирмой. Мы его называем своим филиалом. Там надо было кое-что подготовить для приезда испанцев... Ехала без приключений, ничего необычного не случилось. Вообще ничего не случилось. И я не превышала скорость... Но мне это удалось на обратном пути! О, можно, я сразу про это расскажу, а?

Мы согласно кивнули.

— Так вот. Я управилась часа за два и поехала обратно.

— А на этом предприятии в тот день не происходило ничего необычного, подозрительного? Деньги, документы, материалы целы?

— Целы, целы. Там пока брать-то нечего. Вот испанцы приедут, и совместными усилиями на ноги поставим... Итак, я решила по пути свернуть в Троице-Сергиеву лавру, прикоснуться к мощам Сергия Радонежского. Там была очередь, но я выстояла. Верю в силу святых людей — даже после их смерти. Для них как-то вроде и смерти не существует...

— У вас не было ощущения, что за вами следят? — спросила Валентина.

— Следят? Нет, за мной никто не следил, иначе я бы заметила. Нет, нет. Так вот, я села в свое авто, выехала на трассу, слева березки, справа елочки, так хорошо, душа поет, и — помчалась! Мне никто не мешал! Машин было на удивление мало! Я помню, что просто задыхалась от счастья! Когда у меня такое состояние, как-то не думаю о скорости, о ее пределах... Ветер в ушах свистит! А мотор тихо урчит, доверительно, как будто хочет сказать, что не подведет... И шины совсем не шуршат, летишь, как по воздуху... Верите, я даже инкассаторскую машину обогнала, а уж она мчалась — будь здоров!

— Инкассаторскую машину? — изменившись в лице, перебила девушку Валентина. — Вы уверены? Ведь если вы действительно мчались, то могли и ошибиться...

— Да нет, Валентина Васильевна! Не ошиблась! Точно!

— Тогда с этого момента как можно подробнее. Что было слева от вас, что справа, сзади... Ну и, естественно, — перед вами...

— Хм... Передо мной расстилалась дорога. А слева, справа... Ну, что-то было — поля, леса... Деревни, дачи... Дома, сараи, огороды... Церкви... Но я все это видела краем глаза, вы же понимаете... Я вся была устремлена вперед!

— А за вами никто не гнался?

— Нет! И никто не обгонял. Впереди было столько пространства — как для взлета... Хотелось взмыть вверх... Неповторимые мгновения...

— И долго ты так... парила? — спросила я.

— Долго!

— Нет, ну ты же мне рассказывала, что чуть не врезалась в каких-то дорожных рабочих! — подала голос Нинель, которая изо всех сил хотела нам хоть чем-то помочь.

— Ах, ну зачем ты портишь мою возвышенную картину этими рабочими? С неба на землю, — уныло заметила Элен. — Дай мне еще попарить... Полетать...

— Сделайте милость, расскажите нам про этих дорожных рабочих, — попросила Валентина.

Элен с сожалением посмотрела на нас и продолжила рассказ уже обычным будничным тоном:

— Да... Так вот я летела, летела, а впереди — дорожные знаки... Ремонт, значит... Ну, я, конечно, сбавила скорость... Перед самым их носом... Еду, улыбаюсь им... А они на меня уставились как на привидение почему-то. Один дернулся, хотел кинуться ко мне, не знаю уж, зачем, да я дальше поехала...

— Элен, пожалуйста, возьмите этот лист бумаги и обозначьте, кто где находился, если помните.

Наша девочка послушно взяла бумагу и ручку, тут же протянутую Нинель, и принялась толково изображать и трассу, и свою машину, и автомобиль ремонтников, и даже точки, где они находились.

— Судя по вашему рисунку, их было трое. Так?

— Так.

— А во что они были одеты?

— В рыжую одежду. Не помню, что именно на них рыжее — куртки, что ли... Но их сразу видно. Бросаются в глаза.

— А что у них было в руках?

— В руках? Да лопаты вроде...

— У всех троих?

— Ой, не знаю... Вроде и лом был... Не вглядывалась. Не заметила. Вообще-то я девушка ушлая, все бы заприметила, но мне помешал один казус... То есть меня поразил один рабочий... Если бы я не знала, что Сева работает на заводе... машиностроительном, я бы подумала, что это он...

— Вот как... А не он ли и кинулся к вашей машине?

— Да... Но я тут же поехала дальше! И не оглядывалась!

Я вспомнила о замечательной способности Элен навечно фиксировать номера машин и спросила, не запомнила ли она номер авто этих дорожных рабочих?

— Да как же не запомнила! Запомнила! С лету! Цифры для меня как шарики для жонглера. Могу ими манипулировать сколько угодно. Я ведь не просто запоминаю... Я и считать могу... Ну, не так мгновенно, как компьютер, но быстро... Быстрее, чем тысячи других людей... С такими способностями на эстраде выступают...

Валентина попросила девушку назвать нам номер машины ремонтных рабочих, что Элен тут же и сделала, а подруга моя записала. Я чувствовала, что она хочет осторожно выспросить Элен, рассказала ли она о случившемся на дороге Сева, и бросилась на помощь подруге.

— Ха! Представляю, как удивился этот Сева, узнав, что ты встретила на шоссе чуть ли не брата его родного!

— Точно, Наталья! Удивился. А потом ответил, что, к сожалению, у него нет брата, но что он хотел бы увидеть этого рабочего, который так на него похож...

— А когда вы ему об этом рассказали?

— Да во время последней встречи. Перед самым моим похищением...

— А он знал про вашу способность запоминать цифры? У вас когда-нибудь был об этом разговор?

Элен замялась и ответила чуть слышно:

— Ну, вообще-то был...

— Интересно, а в тот последний раз он спросил у вас, запомнили ли вы номер машины этих дорожных рабочих?

— Нет. Не спросил. Точно помню.

— Извините за вопрос, Элен... Почему вы ему за эти три короткие встречи как-то слишком уж много о себе рассказали? Вы что, связывали с ним какие-то планы на будущее?

— Я и сама думала об этом... — тихо ответила девушка. — Может, и были планы... на уровне подсознания... Мне ведь уже давно пора если не завести семью, так родить ребенка... А для этого нужен мужчина... Вот я с ним и разоткровенничалась — может, почувствовала, что в будущем он мне пригодится...

Валентина вздохнула и начала уговаривать Элен остаться в квартире у Нинель. Ведь если ограбление действительно произошло и в нем замешан Сева, сейчас он должен с ног сбиться, отыскивая ее, свидетельницу его присутствия на месте преступления, скажем так. Ради этого он вполне может не ограничиваться звонками, а приехать в этот город и встретиться с ней нос к носу, поэтому лучше никуда не высовываться, даже в свой райцентр.

Мы с подругой вышли на улицу и побрели в редакцию — откуда же звонить по межгороду, как не из моего рабочего кабинета! Поднялись ко мне на девятый этаж, и Валентина сразу попыталась связаться со своим благоверным. Тут выяснилась одна очень печальная новость — Платон Петрович только что вылетел в Сибирь, где была сделана срочная операция его матери. Перед этим он несколько часов тщетно разыскивал по телефону Валентину и в итоге оставил для нее сообщение, точнее сводку происшествий за тот роковой день. Мы приняли ее по факсу и тут же стали изучать этот документ, как нельзя лучше и достовернее подтверждающий, что с нашими разбойниками, грабителями, аферистами и авантюристами не могут тягаться никакие их иностранные коллеги! Ни из одной страны мира! Наконец отыскали и случай с инкассаторской машиной. Вот как это все происходило.

Инкассаторскую машину остановили дорожные рабочие. Незадолго до этого в Подмосковье прошла гроза, и не было ничего удивительного в том, что дорожники расчищают трассу от чего-то упавшего или же ликвидируют повреждения. Инкассатора коммерческого банка и водителя броневика, еще молодых ребят, к сожалению, совсем не насторожило то, что дорожники, фактически перекрыв трассу, работали без всякой техники. Более того, когда один из рабочих подошел к броневику, делая вид, что хочет объяснить, как и когда они смогут проехать, инкассатор приоткрыл перед ним дверцу машины, за что тут же и получил удар электрошоковой дубинкой. В то же самое время один из дорожников оказался рядом с водителем, который, поняв истинные намерения рабочих, попытался пустить в ход оружие. Ему не повезло — он получил пулю и спустя сутки умер в одной из подмосковных больниц. Обычно инкассаторы работали втроем, но в тот злополучный день их было двое. Грабители забрали две запломбированные сумки с выручкой крупного автосалона и нескольких принадлежащих ему мастерских, что составило не один десяток миллионов рублей. Все это произошло мгновенно, и когда охранник пришел в себя, то грабителей и след простыл. По рации он позвонил в банк, а также вызвал полицию и медиков. Его табельный «Иж-71» оказался в этом происшествии бесполезен...

Валентина связалась с ГУВД Московской области и сообщила об известных нам фактах. Со слов Элен мы описали Севу, и штрихи к его портрету полностью совпали с теми, которые запомнили водитель инкассаторского броневика, успевший дать ценные показания, и охранник. Все остальное было делом техники.

О задержании Всеволода Тряпкина и его дружков нам через сутки сообщил Платон Петрович, вернувшийся в Москву — угроза жизни матери

миновала, все закончилось благополучно. Операция поимки и ареста преступников тоже должна была пройти без осложнений, однако главного героя — Севы — на заводе в рабочее время и в его смену не оказалось. Остальные двое вышли на работу, ни о чем не подозревая, и взять их не составило труда. Рабочие в цехе были очень удивлены, узнав, что их товарищи арестованы по подозрению в убийстве и ограблении. Каждый считал своим долгом сказать, что эти двое — чуть ли не ангелы, не пьют, в плохих компаниях не замечены, а, главное, люди-то очень скромные, живут без особых излишеств, не шикают, но и от компании без нужды не отказываются, и на угощение бывают щедры... Словом, добрые, сердечные парни, и, конечно же, с их арестом явно вышла какая-то ошибка...

Севу же задержали в гостинице нашего города. Как мы и предполагали, он приехал, чтобы встретиться с Элен, и... И — не знаю. Не знаю до сих пор. Она была единственным человеком, кто мог сразу указать на виновников преступления. В частности, на него. Показания водителя и охранника все-таки были довольно расплывчаты, а, главное, неконкретны. Элен же могла самостоятельно или же с нашей помощью придти к мысли, что встреченные ею на дороге «брат» Севы со товарищи есть не кто иные, как сам ее знакомый, так патетически представлявший героический рабочий класс, и его поделники. Этого-то прозрения он и боялся. У одного из Севиных дружков в психушке, куда упрятали девушку, работал брат, что и определило место трагического действия. Сбежала же Элен в то время, когда Сева был занят устройством своих капиталов, добытых в последнем «бою», и не уделил девушке должного внимания.

Все это мы рассказали Элен, которая находилась у нас под «домашним арестом». Она не была в шоке — что ж, еще одна неудача в жизни, и только. Обретя, наконец, твердую почву под ногами, девушка отправилась в свой райцентр. Мы советовали ей выйти из тени и начать жить под своим настоящим именем, но в душе ее продолжал жить страх. Она боялась — но чего? Расплаты за наезд на человека? Видимо, да. У нее были какие-то дальние планы, связанные с границей и организацией своего театра. Все это мне казалось такой мешаниной, такой несбыточной мечтой, что я лишь кивала головой и поддакивала ей, не одобряя и не критикуя ее построения своего будущего. Она по-прежнему встречалась с Игорем, но характер этих встреч, я чувствовала, изменился. И еще — Элен решила уволиться из фирмы и отправила туда соответствующую телеграмму. Мне это было не очень понятно. Создавалось впечатление, будто она готовится к бегству, чтобы где-то — может, по ее мнению, на свободе — осуществить все свои планы.

Валентина же в эти дни казалась всем настоящей героиней. Но была ли она довольна?

— Конечно, Наталья, теперь все более или менее ясно. Мы знаем, кто и почему похитил Элен... Мы помогли раскрыть банду грабителей, нападавших на инкассаторов, за что честь нам и хвала! Мы поняли, чего наша девочка боится, а также за что она невзлюбила Георгия Владимировича... И вот тут, на мой взгляд, — слабое звено... Почему она стала мстить ему именно сейчас, а? Раньше у нее что, не было времени? Или возможностей? Она специально ждала, когда наступит эта предвыборная лихорадка? Чувств какая-то... Элен необычайно изобретательна, она и без выборов нашла бы способы... возмездия, так сказать...

— Валя, но она же лечилась! Преодолевала себя, чтобы не стать наркоманкой!

— Да не стыкуется это все по времени! Она давно работает в испанской фирме, причем довольно успешно... И даже занимается творчеством, пьесу пишет, я тебе говорила... И к похищению своему она отнеслась довольно спокойно... Не вырывалась, не кричала, а вела себя как покорная овечка...

— Да, да, Валя! Но ведь ей это было на руку... чтобы не отвечать за наезд на пешехода...

— Ну, милая моя! Это же две совершенно разные вещи! За наезд, если об этом станет известно, ее ждет суд, и, возможно, оправдательный приговор... Ведь трагедия, скорее всего, произошла по вине пешеходов — и самого пострадавшего, и, возможно, кого-то еще... Видели же на дороге пожилую женщину... Мысль о намеренном убийстве мы с тобой отвергли, и правильно сделали. А похитители могли разделаться с ней как хотели... Она рисковала жизнью... Конечно, девочка рискованная, но не до такой же степени...

Элен была уверена, что ее похитили по указанию бывшего доктора, и была сравнительно спокойна. Она вовсе не думала о смерти! Может, ничем и не рисковала? Знала, что Георгий Владимирович не пойдет на крайние меры? Странно... Она ведь не видела его много лет, за годы человек меняется... Может, когда-то он и не был способен на убийство, но кто поручится, что с ним стало теперь? У него есть команда, благополучие которой полностью зависит от его незыблемого положения в обществе и в бизнесе. Примерно так должна была рассуждать Элен. Но она так не рассуждала. Своими сомнениями я подкрепила недоумение Валентины.

— Элен была уверена, что там ей ничего не грозит, — подтвердила она мою догадку. — Но потом эта уверенность у нее исчезла. Вопрос — почему... Уверена, за всем этим кроется что-то личное... Честно говоря, я догадываюсь, что это может быть... Жаль, проверить невозможно... Пока...

Наконец наступил день, когда моя подруга собралась уезжать. Они с Элен попрощались очень тепло. Но Валентина не могла исчезнуть просто так, не выразив нашей героине своих сомнений — ведь у нее все должно быть разложено по своим полочкам, а тут некоторые из них оказались пусты... О чем она и сказала Элен:

— Желаю вам, помимо удач, такого же олимпийского спокойствия, как сейчас... Вы его, к счастью, никогда и не теряли... Даже в заточении...

— Да, я старалась, — пролепетала та.

— Даже в заточении, так как были уверены, что вас не тронут... А почему, а?

Девушка, не ожидавшая такого вопроса, смутилась, как подросток, пойманный врасплох за чем-то недозволенным.

— Я надеялась, — прошептала она.

— Вы не просто надеялись. Вы знали, — уверенно произнесла Валентина, и щеки Элен мгновенно запылали.

Когда подруга ушла, девушка обратилась ко мне с вопросом:

— Валентина Васильевна опять меня в чем-то подозревает?

— Да. Но я не знаю, в чем. Она сказала, что это что-то очень личное, и не следует туда вторгаться...

Элен вздохнула с облегчением.

Итак, я осталась при своей семье, редакции и своих обязанностях. Честно говоря, я скучала без Валентины. Да и с Элен теперь мы тоже не встречались. А мне очень хотелось знать, как у девочки сложится дальнейшая судьба. И она не дала мне забыть о себе... Это совпало с трагедией — нелепой смертью жены Игоря...

ГЛАВА 11

Выпуск газеты задерживался — ждали какого-то важного сообщения, которое надо было поставить именно в очередной номер. Я устала слоняться по типографии и отправилась к себе в кабинет. Охранницей редакционного здания в эту ночь была женщина, она мне улыбнулась и от души посочувствовала — первый час ночи, а я, вместо того чтобы охранять сон своих детей, болтаюсь тут по прокуренным коридорам неизвестно для чего. Все равно ведь редактору принесут на подпись этот злополучный номер! Так нет же, завел эти дурацкие порядки, при которых мы уже после корректоров должны очистить все полосы от последних ошибок перед подписью «его светлости»...

Я вошла в кабинет и заперла за собой дверь — как всегда, когда оставалась одна. Этого требовал мой муж, и даже взял с меня слово. В целях

самосохранения. Я решила не включать свет, а посидеть немного в темноте, сосредоточиться и подумать, как жить дальше. Надо менять работу. Выбрать такую, где будет нормальный человеческий рабочий день и не такая мизерная, как у нас, зарплата. В администрации губернатора открывается пресс-комитет, и меня туда пригласили, но будущий коллектив внушал мне зеленую тоску, сплошные бывшие гении, которые давно ничего не умеют делать, и кроме сплетен их ничего не интересует. У меня была другая идея — основать свое коммерческое издательство, выпускать книги, пользующиеся наибольшим спросом. Надо, наконец, заняться этим всерьез, найти спонсоров...

В коридоре послышались осторожные шаги и шепот. Разговаривали двое... Я успокоила себя — мол, ничего страшного, кто-то вернулся на свое рабочее место за ключами, скажем, или еще за какой-то вещью, которую забыл. Да один из наших, в конце концов, мог назначить здесь свидание! Ночью? Хм... Шаги приблизились к соседней с моей двери, отперли ее и шагнули внутрь... И тут я поняла, кто они, мои ночные гости... Дело в том, что эти люди не проработали в редакции пятнадцать лет, как я, и совершенно не знали, что мой и соседний кабинеты ранее представляли из себя единое целое, а потом были разгорожены тонким слоем какого-то строительного материала, сквозь который доносился каждый звук... И теперь я как будто воочию видела Игоря и Элен, бросившихся, видимо, в объятия друг другу...

Добросовестное воспитание родителей говорило мне, что надо немедленно обнаружить себя, нехорошо подслушивать, но все события последних недель и дней заставили меня сидеть молча, как изваяние, и не показывать вида, что я здесь. К тому же рука моя непроизвольно легла на телефон — в случае чего, успею набрать номер полиции...

— Наконец-то мы вместе... И нам никто и ничто не помешает... Теперь уже — никогда...

— Нет, Элен, нет... Я не могу... Ее тело еще не остыло...

— Да... Не остыло...

— А знаешь, хорошо, что я так и не заговорил с ней о разводе... Она умерла со спокойным сердцем... Я думаю...

— Как? Ты... Ты не говорил ей о намерении развестись?

— Нет...

— Но... Ты же сказал мне, что она не дает тебе развода...

— Да... Сказал... Потому что смалодушничал... Я никак не мог решиться... Это бы ее очень огорчило... А ведь, если честно, ее не за что было огорчать...

— Вот как... Но... я этого не знала!

— Ну и что? Какая разница, знала ты об этом или нет! И зачем только она полезла на этот пик! Как он там называется, а?

— Пионера...

— Пик Пионера... И придумают же... Я понимаю, пик — это среди настоящих гор... А тут... Жалкое подобие...

— Жалкое — не жалкое, а человека нет...

— Да... Она всегда была такой осторожной... У нас поэтому, может, и детей нет...

— Не говори мне об этом, прошу тебя!

— Ты что? Господи, Элен, что с тобой? У тебя прямо глаза вылезают из орбит... Тебе это так не идет... Зачем же такая бешеная злоба... И я ведь хотел, хотел отправиться с ней! Но посмотрел вниз, на пяточок, где автобусная остановка, и мне показалось, что там промелькнула ты... Вот я и пошел туда... Проверить... Поискал — нет тебя... Вернулся в свою комнату... В нашу с ней... И стал ждать... Я прождал ее до вечера, даже на обед не ходил. А потом ко мне пришли и сказали... Ее мальчишки обнаружили... И сейчас на том месте — большой камень. Так у них положено. Гибнет турист — камень!

— Послушай, милый... А если бы она дала тебе развод?

— Почему — если бы? Я думаю, она бы обязательно дала мне развод!

— Что-о-о?!

— Во всяком случае, она всегда делала то, что я хотел!

— Вот как? Но я-то об этом не знала!

— Какое это имеет значение, знала ты или нет? Что ты зацепилась за этот факт?

Я слушала и думала о том, как он все-таки туповат, наш Игорек. Точь-в-точь, как его папаша. Я-то уж давно поняла, что это наша прекрасная голубка Элен сбросила со скалы свою соперницу. Не так уж много там и надо. Я была на этом пике — оттуда, сверху, виден весь санаторий, окруженный невысокими горами. Он как на ладони. И — небо, бездонное и чистое, и птицы парят где-то уже под тобой, и это так необычно и печально. Так вот, там есть место, где, стоит только руку протянуть и чуть-чуть подтолкнуть человека... и на его месте оказывается пустота... Вакуум... Который может заполнить другой... В данном случае — другая...

Что-то изменилось в редакционном дворе. Ах, да, это мои неожиданные соседи включили свет!

— Какой у тебя огромный синяк! Вот здесь... Кто это тебя так, а?

Ну, наконец-то в мозгах у Игоря начинается хоть какое-то просветление!

— Да камнем кто-то запустил... Я не заметила... Шла и шла... Вперед и вперед... Почему же ты мне не сказал, что она могла дать тебе развод?

— Ты... Пстой... А куда ты шла — вперед и вперед? Ты же здесь была, в городе? Или где? На тебя кто-то напал, да?

— На меня? Ха-ха-ха!

— Не смотри так... Элен, не смотри так... Мне страшно... У тебя сумасшедшие глаза...

— Это ты сделал меня сумасшедшей! Ты!

— Почему я?

— Ты женился! Ты ее обнимал, ласкал... Ты забыл меня... Но ничего, я ей все припомнила! Я шла и шла! И говорила ей, говорила! О нас с тобой, о том, как ничтожна она со своим чувством! А она стала кидать в меня камни, представляешь? Кидала — и отступала назад... К обрыву... Но я не толкала ее, запомни! Она упала сама!

Да нет, голубушка, я не думаю, что Катя — такая растяпа, чтобы не знать, куда пятиться, а потом упасть и разбиться! Ты явно ей в этом помогла, и не только словесно. И я решительно стала набирать номер полиции.

— Дежурный лейтенант Баландин слушает! — четко произнесли в трубку.

— Я... не могу... говорить, — тихо сказала я.

— Понял! А на вопросы отвечать вы сможете?

— Да!

Что ж, этот Баландин оказался не дураком. Бог мой, да ведь я писала про какого-то полицейского с такой фамилией — верно, он и есть. Да и немудрено. Если в нашем городе ткнуть в каждого второго, то окажется, что я про него писала... А за стеной тем временем возобновился разговор, но я была уже задействована в другом спектакле.

— Итак, на вас напали?

— Нет.

— Вы — свидетель преступления?

— Да!

— Сколько их? Преступников, я имею в виду?

Я отвечала и одновременно вслушивалась в разговор за стеной.

— Ты толкнула ее! Ты — убийца! И мне не показалось, что ты вышла из автобуса! Ты приехала, чтобы ее убить! Но откуда ты знала, что она пойдет на этот пик? Я, например, не знал. Она сказала мне только перед самым выходом! Чем ты ее туда заманила, а?

— Так... Продолжим... Один? — прозвучало в моей трубке.

Молчание.

— Двое?

— Да!

Я решила причислить Игоря к преступникам — временно, конечно же. На всякий случай. Неизвестно ведь, как он себя поведет, когда здесь появится полиция.

— Так... И эти двое находятся где-то недалеко от вас...

— Да!

— Но не рядом с вами, иначе вы не смогли бы нам позвонить... Можете подсказать, где вы находитесь?

— Нет!

— Ясно. Услышат. Держите подольше трубку, я доложу и попрошу определить, с какого номера вы звоните.

Лейтенант Баландин ушел, и я снова получила возможность переключиться на действия за стеной.

— Никто ее туда не заманивал специально... Ни одна душа... Она шла сама по себе, я — тоже...

— Я не верю тебе! И знаешь, я не хочу тебя больше видеть! Просто физически не могу тебя больше видеть!

Господи, Игорь не просто кричал — он прямо ревел так, что готовы были рухнуть стены! Даже лейтенант Баландин это услышал, потому что осторожно спросил в трубку:

— С вами там все в порядке?

— Да! — без колебаний ответила я.

— А с... ними? С ними тоже все нормально?

— Нет!

— Они там друг друга не перебьют?

— Нет!

— Ну, мы поняли, где вы находитесь... Только этаж не можем определить...

— Девятый... — ответила я и, положив трубку, задумалась над вопросом Игоря — как Элен догадалась, что его жена пойдет в гору? То, что она ничего не знала — это, конечно же, сказка для малышей. Знала! Только вот откуда? Я, как и Валентина, очень люблю загадки и считаю делом чести найти ответ на каждую. Может, что-то в тот день объявлялось в санатории? Или не в санатории, а вообще в районе? Надо обязательно посмотреть все объявления.

За стеной громко хлопнули дверью, и в коридоре раздались мужские шаги. Игорь явно направлялся к лифту. Да, не вовремя он вышел из кабинета... Дело в том, что стоит ему сейчас подойти к боковому окну в коридоре, и внизу — пожалуйста тебе, крыша парадного входа и все подъезды к нему. С трех сторон. В том числе и с той, откуда прибудет полиция. И если они уже здесь... Да, они уже здесь! Потому что Игорь вновь открыл дверь, которой он минуту назад хлопнул с таким рвением, и закричал:

— Элен! Там полиция подъехала! Аж две машины! Бежим!

Элен тоже протопала по коридору как лошадь, но почему-то не к выходу, а к туалету... А потом — ба, да она открыла кабинет Нинель, ведь

ключ от него все время висит в туалете! Интересно, что этой Ленке там надо? Двери ходили ходуном, и я уже потеряла ориентиры — кто, где и в каком кабинете сейчас находится. Наконец коридор заполнили посторонние шаги, и в мою дверь постучали. Я обыденным голосом, словно ничего и не случилось, спросила, кто это там.

— Да вы откройте — это я, лейтенант Баландин! Мы с вами заочно уже познакомились...

Я распахнула дверь. Лейтенант Баландин был хрупким, небольшого роста юношей, про которых обычно говорят — соплей перешибешь. Вслед за ним в кабинет шагнул капитан, назвавшийся Суржиковым. Я стала объяснять, почему им позвонила, и подчеркнула, что у Элен — крайне рискованное состояние, ей терять нечего. Около двух месяцев назад она, подозреваю, сбила человека на трассе Подмосковья и, вероятно, объявлена в розыск, а вчера столкнула с пика Пионера жену своего любимого... Насмерть... Причем убегать, заматывать следы, врать на ходу так правдоподобно, что заслушаешься, — все это таланты, которые она уже обнаружила в полной мере.

К капитану подлетел молоденький лейтенантик и доложил, что пока в помещениях никто не найден!

— Может быть, вы нам подскажите, куда они могли деться?

Куда они могли деться... Куда бы ни делись, но выход все равно один — мимо охранников. Конечно, можно выйти на улицу и из типографии, но, во-первых, там находится своя охрана — в будке на улице, а, во-вторых, в типографию-то не пролетишь по воздуху — надо все равно идти мимо нашего поста. Хотя... Их ведь двое... Один зашумит возле лифта — сделает вид, что увидел что-то необычное, охранница кинется к нему, а Элен в это время благополучно выбежит на улицу... И сейчас, я думаю, они пробираются именно туда, к лифту, чтобы осуществить подобный план... Об этом я и сказала полицейским. Они кинулись вниз, но я все же удержала Баландина — боялась оставаться одна.

— А я ваши рассказы люблю читать, — признался он. — Вы и про это напишете?

— Обязательно!

В это время мне, наконец, позвонили из типографии и сообщили, что я могу придти и подписать номер, а также о том, что им звонил редактор и просил, чтобы я подписала газету и за него, иначе выпуск номера может задержаться до утра. Представив, что нужно идти по длинному пустому коридору, связывающему редакцию и типографию, я попросила Баландина пойти со мной. Мы спустились вниз, воспользовавшись лифтом, и там в фойе я увидела Игоря, которого вел Суржиков. Охранница смотрела на

эту картину с обеспокоенным лицом. Мы объяснили, куда и зачем идем, и двинулись дальше. Попутно я рассказывала Баландину, где и что у нас тут находится.

— Вот здесь — слесарная мастерская... Чувствуете, как деревом пахнет?

— Она у вас что, всегда открыта? — поинтересовался ушлый Баландин.

— Вообще-то нет, — прошептала я, заподозрив недоброе.

Баландин вытащил из бокового кармана пистолет и приоткрыл ногой дверь мастерской, одновременно крикнув, чтобы все, кто там есть, немедленно выходили. Но в ответ — тишина. Тогда он зашел внутрь и включил свет. Я заглянула через его плечо из чистого любопытства, а еще потому, что, пожалуй, только отсюда можно выбраться через окно на улицу, минуя проходную, потому что только окна мастерской расположены на уровне первого этажа, все остальные — очень высоко, до них невозможно добраться. Знает ли про это Элен? Думаю, уже знает — иначе кто же открыл мастерскую? Но эту догадку я оставила при себе.

Мы поднялись по лестнице и направились прямо к станкам, на одном из которых спокойно лежал отпечатанный номер свежей газеты. Я показала это чудо Баландину, мы вместе с ним внимательно просмотрели все полосы, я написала заветные слова «В печать» и «В свет», расписалась и попросила побыстрее печатать номер, а то вдруг кому-то опять придет в голову что-то там добавить или убавить.

— Зовите ваших рабочих! Где они?

— Спят, — ответил бригадир.

— Ничего не спят! Один под лестницей ковыряется, — заметила я. — Мы сюда шли — видели!

— У меня все спят, — повторил бригадир. — Вам на подпись газету сам делал! Сейчас пойду будить!

Мы с Баландиным пошли за ним в комнату отдыха — рабочие действительно спали. Баландин же вопросительно посмотрел на меня, потом рванул к лестнице, однако там было пусто.

— Слесарка! — подсказала я.

Он кинулся туда, я — за ним. Из помещения страшно дуло — это потому, что там настежь было открыто окно... Теперь я, конечно же, должна подсказать ему обследовать все товарные составы... Но прежде мне необходимо еще кое в чем убедиться...

Я быстро направилась к лифту, Баландин едва поспевал за мной. Поднявшись на наш девятый этаж, я открыла дверь кабинета Нинель — она была не заперта, включила свет и остановилась возле большого шкафа орехового дерева, в котором лежала масса самых разных редакционных бумаг. Именно в этот шкаф, в самое нижнее отделение, когда-то, видимо,

предназначавшееся для обуви, Нинель бросила грязную робу, в которой некая увертливая девчонка нарисовалась тогда на нашем горизонте. Я нагнулась, и с силой рванула этот ящик... Он оказался пустым и легким...

— Что вы здесь ищете? — спросил меня Баландин.

— Робу из кочегарки. Черную и грязную. Она убежала из больницы в ней... Она и сюда в ней приехала — в товарном поезде...

— Вы хотите сказать, что ваша Элен, надев робу кочегара, забирается сейчас в товарный вагон и готовится совершить очередное путешествие по России?

— Наверное... Возможно... У нее ведь нет другого выхода... Но...

Мы прошли в мой кабинет, где собрались все стражи порядка. Игорь сидел на моем стуле.

— Вы ее видели? — спросил он меня.

— Да. Но она сбежала. Через слесарку.

— Боже, но ей ведь пришлось прыгать на асфальт! Она могла переломать ноги!

— Ничего. Это не смертельно, — заметила я, напомнив этим Игорю, что вот Катю его уже не вернуть.

— Так это она вашу жену убила? — прямо спросил Баландин.

— Да...

Игоря отпустили домой, и он ушел. А Баландин, обведя нас взглядом, вдруг простонал:

— Ведь хотел же, хотел поехать туда и пойти на этот пик! Подумал — чем черт не шутит, надо попробовать! Всякое, говорят, в жизни бывает, а?

— Так... Моему терпению приходит конец, — не выдержала я.

— Хорошо. Только уж и не знаю, с чего начинать...

— С самого начала, — посоветовала я.

— В минувшее воскресенье я вытащил из своего почтового ящика районную газету... Ну, того района, где я родился, учился... Всегда выписываю... На четвертой полосе была напечатана небольшая заметка под названием «Для тех, кто ждет и верит». А так как я всегда чего-то жду и во что-то верю, то тут же ее и прочел. Там говорилось, что девятнадцатого числа наступит какой-то особый колдовской день, в который каждый, кто хоть немного сомневается в ответном чувстве любимого человека, должен подняться на пик Пионера и пообщаться с высшими духовными силами, которые именно в это время спускаются к людям. Этим силам следует высказать свою просьбу, и тогда твое желание непременно исполнится. Только девятнадцатого!

Я сидела в каком-то оцепевшем состоянии — Господи, как все просто и как глупо! Катя тоже прочитала всю эту чушь и не смогла удержаться от соблазна... И Элен знала, была уверена, что она не удержится...

— А вы не помните, чья подпись стояла под этой заметкой? — спросила я Баландина.

— Чья подпись... Горева... Я еще подумал — подпись-то с горем пополам...

Один из псевдонимов Элен...

И вдруг я поняла, что ее найдут, найдут очень скоро, ее арестуют, будут судить и отправят отбывать срок... Наступит жалкая, убогая проза — с грязью и зэковскими разборками, с унижениями и злобой... Но она не уедет, не попрощавшись с Игорем. Навсегда. Я думаю, Элен сейчас не в товарный состав лезет где-нибудь на дальних путях, а спокойно стоит в подъезде редакторского дома... Ждет своего любимого...

Я тихо сказала Баландину о своих догадках, мы пошли с ним в другой кабинет, позвонили оттуда шефу, и лейтенант выложил ему нашу версию. Редактор на том конце провода сначала онемел, а потом безумным голосом крикнул, что идет искать сына. Баландин посоветовал ему не отключаться, а положить трубку рядом с аппаратом, чтобы после осмотра подъезда и двора доложить нам, что и как с этой влюбленной парой. Уже через несколько минут мы услышали:

— Они здесь. Стоят внизу, в подъезде. В обнимку. Господи, и что мне теперь делать? Главное, жена в командировке... Я один...

— Да ничего не делайте, — спокойно ответил ему лейтенант, успевший тут же отдать распоряжение своим помощникам ехать в элитный дом, где жил редактор, и немедленно изъять из подъезда нашу бедную и пытавшуюся всех перехитрить Элен. — Мы уж сами тут... развернемся.

— Но что будет с Игорем?

— Думаю, он придет домой. Но после всех этих потрясений вряд ли ему удастся уснуть...

— Вы его не... арестуете?

— Помилуйте, да за что же? Нет, конечно. Будьте спокойны.

— Стучат... В квартиру стучат... Мне открывать?

Баландин, понимавший, что это еще не могут быть его люди — слишком мало времени прошло с момента их отъезда, посоветовал нашему шефу спросить, кто это к нему рвется. Шеф, очевидно, так и сделал — думаю, он просто посмотрел в глазок, потому что тихо сказал в трубку:

— Это они!

— Потяните время, — посоветовал ему Баландин. — Наши товарищи уже к вам подъезжают... Можете же вы крепко спать и не сразу отреагировать на звонок...

— Звонок не работает... Я забыл починить... Они стучат...

— Ну, на стук... А потом вы, скорее всего, не сразу найдете ключи...

— Но Игорь знает — они у нас всегда в дверях торчат! Вот, слышите, как стучат?

Баландин услышал. Стук действительно был отчаянный — изо всех сил. А потом редактор сообщил, что в коридоре поднялся шум, следом за которым раздался крик его сына:

— Папа! Скорее! Спаси ее! Спаси!

Больше по телефону мы не услышали ничего — шеф бросил трубку и, по всей видимости, открыл дверь... О том, что произошло дальше, мы узнали от Суржикова и других оперов. По их мнению, как только они стали подниматься по лестнице, и девица, так они называли Элен, их увидела, то тут же что-то проглотила и стала прощаться с Игорем, как она выражалась, «на вечные времена». Ее втащили в квартиру, вызвали «скорую помощь», но, в общем-то, все уже понимали, что ей конец — лицо девушки стало синим, дыхание — редким и тяжелым... Ее уложили на кушетку прямо в коридоре, медики приехали очень быстро, в токсикологическое отделение городской больницы вместе с ней поехали Игорь и один из оперов. Им показалось, что она скончалась еще в машине... Во всяком случае, в приемный покой ее втащили совершенно бездыханную, и опер с чувством исполненного долга покинул это медицинское учреждение.

А дальше произошло необъяснимое — врач «скорой», оставив дежурной сестре в приемном покое необходимые бумаги, поехала дальше выполнять свой профессиональный долг — вызовов было полно, а машин вечно не хватало; дежурная сестра, в свою очередь, побежала в отделение за врачом, так как не могла его вызвать по телефону — что-то случилось со связью. Но когда доктор и сестра, оставив в коридоре каталку, появились на пороге приемного покоя, то там никого не было! Ни души! Причем Игорь, которого сто раз потом допрашивали, утверждал одно и то же — он был уверен, что Элен умерла, сидел, согнувшись, в каком-то забытии, обхватив голову руками, и ничего перед собой не видел — в глазах было темно. А когда очнулся — подумал, что Элен уже увезли в морг или в отделение, и побежал туда... Правда, врач и сестра утверждали, что не видели Игоря, идущего им навстречу. Но тут есть один нюанс — в токсикологию можно попасть двумя разными путями. С двух разных сторон. И Игорь вполне мог выбрать не самый короткий путь и не столкнуться с доктором и сестрой — если только не сам организовал этот сногшибательный побег возлюбленной. Но я все-таки думаю, что он говорил правду. Элен много притворялась — с самого начала, со своего приезда к нам, но особенно с того момента, как увидела в Игоревом подъезде поднимающихся по лестнице оперов... И капсула, в которой хранился яд, прижатая к губам... В полутьме подъезда, в этой острой, напряженной обстановке разве можно

было заметить, что она пуста? И разве кто-нибудь в силах был заподозрить, что эта кричащая от боли, умирающая женщина — просто хорошая актриса? Даже, может, великая... И я совершенно не удивлюсь, увидев ее когда-нибудь на подмостках столичного театра — под чужим именем, разумеется.

А тогда... Думаю, ее прибежищем опять стала какая-нибудь угольная платформа. Временно, конечно. Дело в том, что мы скрупулезно обследовали комнату в райцентре, где она жила, — вся одежда, что мы собрали тогда для бедной Элен, была в целости и сохранности. А вот документов и след простыл. Очевидно, идя на встречу с любимым, она прихватила их с собой. Наверное, в последнее время она вообще так жила — ждала любых неожиданностей, разоблачений... И дождалась...

ГЛАВА 12

А через месяц у меня был день рождения. Я пришла в редакцию, нарядившись в шикарный костюм вишневого цвета, который специально купила для этого случая, и не успела войти в свой кабинет, как раздался звонок. Бросив сумку на стол, я схватила трубку.

— Я так ждала этого дня! Мне так хотелось тебя поздравить! И поблагодарить за все! Живи долго и счастливо!

Это была Элен! Из осторожности я не стала называть ее по имени.

— Что ж... Я рада, что твое стремление к свободе победило... Но... как ты живешь? Где? У тебя все в порядке?

— Кажется, да. Я живу там же, где и дама, чьим документом вы милостиво разрешили мне воспользоваться. То есть — в той же стране... И, кажется, выйду замуж за ее представителя...

Господи, что — Игорь переехал в Польшу и взял польское гражданство? Не может быть! Я не знала, как задать этот вопрос, и он прозвучал у меня довольно путано и витиевато:

— А этот представитель — не наш бывший представитель, сменивший, так сказать, оболочку?

Она поняла. И ответила, как мне показалось, довольно искренне:

— Нет. Я решила жить дальше, никогда не возвращаясь к прошлому. Пусть будет только будущее! И мне это помогает.

Впрочем, разве Элен может быть искренней?

— А мне хочется написать книгу «Проделки Эл... нет, одной дамы... пани»... Не называя, конечно же, настоящих имен...

В трубке послышался такой искренний и заразительный смех, что я просто опешила — в чем дело? Она не верит в мои литературные способности? И вдруг Элен лукаво спросила:

— А чем ты ее закончишь? А?

— Да твоим сегодняшним звонком!

— Но ведь это скучно! Нет, уверяю — у тебя будет другой финал!

— Откуда ты знаешь?

— Да мне ли не знать! Прodelки-то ведь мои! Только прошу тебя — следи за новостями культуры... Ну, все! Обнимаю! Целую!

— А я — нет. Не целую. Все-таки ты ни за что убила Катю... И я не могу говорить о твоих проделках с юмором...

Элен довольно долго молчала, а потом тихо произнесла:

— Поверь мне — я ее не убивала... Она захлебнулась в собственной злости и потеряла ориентир...

— Но почему же ты не сказала этого тогда Игорю? Я все слышала...

— А я и сама не знаю! В какой-то миг хотелось показаться этаким монстром! Для собственного парения над миром... Вот и показалась...

Странно, но я ей поверила. Наверное, потому, что очень этого хотела. И мне стало легче, как будто я сбросила с себя тяжкий груз.

— Я скажу об этом Игорю. Обещаю.

— Не надо. Он знает, — так же тихо сказала Элен и положила трубку.

Надо же, как все обернулось... Это хорошо, что она не убивала Катю. В общем-то, у меня никогда и не было особой уверенности, что она сбросила ее с того пика... Переступить черту могла женщина, охваченная злобой, отчаянием, мстью и не владеющая собой. А Элен научилась управлять своими чувствами и эмоциями. Мой внутренний голос вдруг спросил — интересно, какие это новости культуры Элен имела в виду? Надо не пропустить ничего значительного, и тогда я найду на это ответ.

Мой день рождения прошел так, как я и ожидала — весь коллектив оставил на моих щеках следы своих губ, а на моем столе — гору подарков. А шеф, заканчивая свою поздравительную речь, расщедрился и пообещал отправить меня в командировку — походить по московским театрам, концертным залам, чтобы знать, как он выразился, обо всех новых веяниях современного искусства — ведь это мой хлеб, я об этом пишу.

Про обещание шефа я напомнила ему на следующий же день. Редактор поморщился, но от своих слов не отказался и написал приказ, согласно которому я могла ехать в Москву аж на целых десять дней! Единственное, о чем он попросил — это не останавливаться в гостинице, ибо редакции будет не под силу выплатить мне такие бешеные деньги. Я заверила его, что поселюсь у родной тетки, и шеф расплылся в улыбке.

Москва встретила меня отвратительной погодой — шли дожди, осень вот-вот должна была уже начать переходить в зиму, однако она и не думала этого делать. Мы сидели с теткой на ее малюсенькой кухне, пили чай

с печеньем и обсуждали идущие в столице спектакли — дело в том, что когда-то родственница моя была заядлой театралкой, но с тех пор прошло страшно много лет, сейчас ей шел уже десятый десяток. Верилось в это с трудом — тетя была изящна, подвижна, предпочитала все делать сама и могла буквально летать от одной станции метро к другой в поисках, например, свежего, вкусного хлеба — большой редкости в столице, или же чего-то другого.

— А я бы с тобой не отказалась пойти в театр, — вдруг заявила она. — Последнее, что я смотрела, были, кажется, «Плутни Скапена»... Знаешь, чисто по аналогии — сейчас я сходила бы на «Проделки Элен»...

— Что вы сказали, тетя? Какие поделки? — оцепенело посмотрела я на нее.

— «Проделки Элен»! Так называется новый спектакль. Нашумевший. Он, правда, идет в каком-то маленьком театре, где я никогда не была, но ничего, мы доедем! На афишах есть адрес и указаны номера автобусов, троллейбусов — ну, словом, как туда добраться...

Первое, что мне пришло в голову — тетя стареет. А я все время думаю о книге, которую начала писать — «Проделки Элен». И о которой уже говорила по телефону своей героине.

— Тетя, а вы не ошиблись? Такой спектакль действительно существует?

— Ха! Существует! Да он не просто идет — про него без конца пишут! Новые современные хитроумные приключения! Благородный убийца! Авантюристка поневоле!

— Кто пишет? — Я была, можно сказать, сражена.

— Газеты! Ты же в прессе работаешь, должна знать! Подожди, я сейчас поищу. Честно говоря, моя пенсия не позволяет мне ничего выписывать, но почти каждый день в ящики суют бесплатные рекламные газеты. Сейчас ты убедишься, что я права...

Тетя порылась в мусорном пакете, извлекла газетку под названием то ли «Экспресс», то ли «Прогресс» и принялась ее листать.

— Вот! Читай! — произнесла она тоном победительницы.

И под большой шапкой с «Бедной Элен» я прочла аннотацию к этому спектаклю. Вот как она выглядела.

«Такого на нашей сцене не было сто лет! Девушка, страдающая от неразделенной любви, тянется к наркотикам. Она пытается понять, почему ее организм нуждается в запрещенных препаратах, и приходит к выводу, что в этом виноваты врачи, лечившие ее в детстве и выписывавшие в огромных количествах такие лекарства, как димедрол и фенобарбитал. Она решается на месть, и с этого начинаются потрясающие приключения Элен, с похищениями, побегами, любовью и страданиями, с бесконечным обманом всех и вся. Кажется, что она — из тех, кто может перехитрить весь мир. А ее

собственная смерть тоже является розыгрышем? Об этом нам предстоит узнать во время спектакля, который состоится завтра в 18 часов». Я посмотрела на дату выпуска газеты и поняла, что завтра — это сегодня.

А вверху, над названием спектакля, стояло имя драматурга. И... я чуть не упала со стула — это было мое имя!

— Тетя! Вы это читали? — ткнула я пальцем в свою фамилию.

— Ой! Надо же! А я и внимания не обратила. Так это ты написала?

— В том-то и дело, что нет... Но знаю, откуда дует ветер. Господи, да нам надо не просто идти, а бежать на этот спектакль! Интересно, а кто его поставил? И кто играет главную роль?

С трудом я нашла имя постановщика — оно было напечатано мелким шрифтом. Что ж, я уже не удивилась, увидев, что пьесу воплотил на сцене именно Игорь — не зря когда-то он занимался в школьном драмкружке, и редактор как-то с упоением рассказывал нам, что его сынок поставил старинный водевиль — если мне не изменяет память, Сухово-Кобылина. Тогда он учился, кажется, в девятом классе... Скорее всего, не бросил этого и в студенческие годы. Ну а главную роль, думаю, играет Элен. Ну конечно же! Только в газете написано — Елена Скорчевская... Наверняка это фамилия ее польского мужа, с которым она оформила фиктивный брак... У меня сразу было такое подозрение, но теперь, увидев, что влюбленная парочка так и не рассталась, я была в этом совершенно уверена.

— Тетя! А если мы двинем в этот театр сейчас — успеем?

Она с сомнением взглянула на часы, затем — на меня, и сказала лишь одно слово:

— Попробуем!

Мы собирались так, как будто в доме начался пожар. Заперли квартиру на секретные замки и помчались к метро. Доехав до нужной станции, выскочили на улицу и побежали к зданию театра, которое было вовсе не похоже на театр. Но это нас несколько не смутило. Зато смутил тот факт, что билетов в кассе не было. Мимо нас проходили счастливики, запасшиеся ими заранее. Да, реклама работает, как ей и положено. «Стоп! — вдруг мелькнула в голове мысль. — Но я же не простой зритель, я — автор пьесы!» Вытащив свое журналистское удостоверение, я прорвалась к администратору и заявила о своих авторских правах. Он вежливо раскланялся передо мной и тетей и повел нас на гостевые места в первом ряду. Почему-то считается, что, если приглашенных гостей посадить во второй или третий ряд, они обидятся. Но сидеть в первом ряду, уткнувшись в авансцену, — это чистое безумие, и я сказала об этом администратору.

— Зато здесь вы сможете ощутить всю полноту чувств, — заявил он.

— Но эти чувства переполняли меня тогда, когда я писала пьесу!

— Видите ли, — замялся администратор, — наша главная героиня... Скорчевская... доверительно призналась, что имя автора пьесы — это ее собственный псевдоним... Так что вы уж сами разберитесь... по-хорошему, по-доброму... Мы в любом случае пойдем вам навстречу. Это я заявляю и от имени директора, потому что являюсь и им, и администратором — в одном лице... А нашей восходящей звезде я передам, что вы здесь, лицезреете, так сказать...

— Советую вам сделать это хотя бы в антракте — неизвестно ведь, как она отреагирует... Вдруг упадет в обморок...

— Уверен, что этого не случится — у нее железные нервы... Она у нас вообще — железная пани... Так ее прозвали в театре...

— А как она... свалилась вам на голову?

— Очень просто. Мы гастролировали в Польше. Она пришла и рассказала о своем проекте. Нам понравилось. Условились о сроках, об оплате...

— Об оплате? Стало быть, и мне как автору что-то перепадет?

— Но я же сказал вам — это ее псевдоним. И не наша вина, не вина театра, что он, по всей видимости, совпадает с вашим именем... Впрочем, я уже сказал, что предоставляю вам возможность разобраться самим...

Администратор удалился, когда прозвенел третий звонок. Меня так и подмывало ринуться за кулисы и кое-что порасспросить у Элен, но, видя, что тетя в зале уже страшно нервничает, я вздохнула и прошагала на свое место.

Первое действие спектакля проходило в кабаке. Девушка Элен сидела за стойкой с благородным видом, но явно искала глазами чего-то или кого-то. Ясное дело, тут же появился некто, у кого можно было купить героин или что-то подобное. Она и купила... Что ж, пока на сцене — страшный примитив. Другая картина: ее первая встреча с Игорем. Ба! Обстановка, реквизит — точь-в-точь, как в нашей редакции... А вот и мы выплываем поочередно... Согнутая в три погибели, вечно устремленная вперед и буквально летающая по сцене — это, конечно же, я. Говорю умные вещи и не вредничаю... А какая роскошная Нинель! И все-таки, если бы меня спросили, я бы сказала — скучно, господа, скучно!

Но так мне казалось лишь первые пятнадцать-двадцать минут... Потом действие закрутилось с такой бешеной скоростью, что можно было просто потерять ориентиры. Там было все — и раздавленный на дороге мужчина, и психушка, и угольная платформа, и пик Пионера — правда, в спектакле он назывался пик Любви... Все это действие сначала распутывала, а потом связывала в разумную логическую цепь знаменитый частный детектив — моя Валентина, которую здесь почему-то звали Валенсией. Валенсию играла актриса, так удивительно похожая на мою подругу, что я поначалу даже засомневалась, уж не она ли это ступает по сцене как по собственному

кабинету? Я не сразу поняла, кто играет Игоря, а оказалось, что он сам. Играл, кстати, как-то несколько вяло — очевидно, все силы отдал постановке спектакля. Режиссерская же его концепция держалась на неожиданных, совпадениях, на огорошивающих, но заставляющих восхищаться обманах, на юморе, слезах и страшных признаниях, и все это было перемешано с такой силой, словно из человеческих судеб пытались взбить коктейль. И взбили. Несомненно, они талантливы, Элен и Игорь. Зря я связывала с ним лишь посредственные поступки. Но почему он раньше не обнаруживал своих талантов? Кажется, для этого ему понадобилась великая встряска. И полнейшая оторванность от родителей, дудевших в одну дуду, как ему надо жить и к чему стремиться.

Спектакль прошел на одном дыхании. И это дыхание, несмотря на трагедии, было легким и свежим. Зал аплодировал стоя. Антракта не было, но никто, думаю, об этом не пожалел. Когда артисты раскланивались, то Элен подошла к самому краю сцены, и мы с ней столкнулись нос к носу.

— Приходи сейчас за кулисы, — прошептала она мне.

И вдруг в зале закричали:

— Автора! Автора!

Думаю, Элен этого не ожидала — видимо, на предыдущих спектаклях автора пьесы на сцену не требовали.

— Мне что, подняться? — довольно громко спросила я у нее и примкнувшего к ней Игоря.

— А валяй! — махнула она рукой, а Игорь подошел к боковой лесенке, чтобы помочь мне подняться на сцену. Зал загудел так, как деревья при шквальном ветре. Скажу честно, мне не было стыдно, я не испытывала никакой неловкости, потому что твердо знала, что заслужила эту славу — слишком многим я жертвовала, спасая Элен.

— А мани-мани? — шепнула я ей.

— Да какие мани! Едва хватает на зарплату. Может, выскочим на гребне волны на большую сцену, тогда...

Аплодисменты не смолкали, и Элен снова начала кланяться, прижимая руку к сердцу.

— Я поверила в тебя как в замечательную актрису еще тогда, когда ты разыграла свою смерть, — прокричала я ей в ухо под гул оваций.

— Пришлось, ведь некоторые не преминули вызвать полицию, — парировала она.

— Да, потому что некоторые другие не удосужились вовремя отвести от себя подозрения в убийстве...

— Виновата... Виновата, — говорила мне кланяющаяся Элен, посылая залу воздушные поцелуи. — Но все хорошо, что хорошо кончается. И те-

перь ты быстрее напишешь свою повесть! А мы с мужем издадим ее в Польше, тогда и здесь быстрее напечатают...

— А... кто у нас муж?

— Отличный человек! Прежде всего. А еще — мой дальний родственник. Я взяла его фамилию.

— Но этот брак — фиктивный, я правильно думаю?

— Как всегда.

— И все-таки тебе надо опасаться... Ведь убийцу того старичка еще, наверное, ищут... И спектакль этот может помочь полиции... И рвавшийся в депутаты делец от медицины тоже, небось, до сих пор хочет разыскать того, кто спутал его планы...

Зал затих, все стали расходиться, и я, сделав тете знак подождать меня, отправилась вместе с Элен и Игорем за кулисы.

— А я просто не думаю об опасности, — призналась Элен. — Залечь на дно — это не для меня... Ходить по краю обрыва... По острию ножа... Скорее это мой удел... Жизнь так сложилась...

Вдруг ее взгляд с удивлением стал изучать что-то за моей спиной. Я тут же обернулась — к нам шла моя дорогая тетя. Глаза ее, устремленные на Элен, сияли от радости... Она взяла Элен за руку и, захлебываясь от волнения, сказала:

— Девочка... Милая девочка... А я уж думала, что мы никогда с тобой не встретимся... Дай мне тебя обнять... И расцеловать... Спасительница ты моя... У тебя тогда был трудный выбор. Я знаю...

— Господи, вы... Я тоже рада вас видеть, — несколько натянуто проговорила Элен.

— Девочка, красавица, талантливейший человек, я все эти месяцы думаю об одном, мучаюсь вопросом, который, верно, и не должен меня волновать, но... Ты выбрала меня случайно? То есть — его... То есть...

— Я не могу ответить на этот вопрос — ни вам, ни себе... — с грустью посмотрела Элен на мою тетю.

— Но мне-то вы можете сказать, о чем речь? — не выдержав, воскликнула я, хотя догадалась, что говорят они о том страшном случае на дороге, когда Элен сбила мужчину.

— Эх, Наташенька, да если бы не она, ты заказывала бы мне сейчас мраморный памятник... Белый... Я шла через дорогу на дачу к соседке, пианистка, ты ее знаешь... Она мне зелень всегда дает... И овощи кое-какие... Мне бы, дуре старой, через переход пойти, а я смотрю — машин на трассе нет, и — вперед! Тем более что мужик впереди меня уже почти эту дорогу перешел. Подумалось — а я чем хуже этого дачника? И тут — прямо на меня летит «пежо»... Я руками замахала, а сама от страха с места сдвинуться

не могу... Гляжу только — машина куда-то в сторону рванула... Тогда я ноги в руки — и назад, домой, в родные стены...

Да... Тетя как-то не подумала о том, что оказалась свидетельницей происшествия, и ее показания могут понадобиться нашей полиции... Молодец у меня тетя! Элен только этого и надо было — чтобы ничто не сковывало ее дальнейшие действия. А сейчас она стоит хмурая, кусает губы и не знает, как ей выпутаться из этой ситуации, то есть как объяснить, что у полицейских оказалась совсем другая информация — мужчину сбил кандидат в депутаты, ее бывший врач. Да Элен и не хочется ничего объяснять тете, которая вдруг свалилась ей на голову! Зачем что-то говорить, в чем-то оправдываться, если и так все ясно — из пьесы, которую мы только что посмотрели! Но в пьесе не было моей тети... Вообще не было женщины, переходящей дорогу в неположенном месте... А на самом деле она была... И Элен не могла этого предвидеть... В пьесе дается намек, что героиня сама хитрой уловкой вызвала старика на свидание, точнее — на деловую встречу... И хладнокровно его сбила, потому что он совал нос в дела ее фирмы и имел намерение поживиться за их счет... Только почему этот человек оказался на дороге без машины? И зачем ему было переходить опасную дорогу, если он пришел на свидание с Элен?..

Ход моих мыслей совершенно неожиданно прервала тетя, спокойно заявившая:

— Вы не думайте, что мне Сергея Михайловича не жалко... Очень даже жалко... Я ему, можно сказать, тоже жизнью обязана...

— Тетя, так вы знали этого... сбитого?

— Убиенного-то? Конечно, знала. Жил недалеко от меня. И дача у него метрах в ста от соседкиной... Мы когда там прогуливались, так все время около его палисадничка останавливались... Цветов у него — море, и все сам выращивал! А уж нарциссов-то сколько, нарциссов-то!

Мне стало все понятно. Милая, добрая Элен! Конечно же, ты сбила этого пожилого мужчину совершенно случайно, но это позволило тебе тут же использовать происшествие как фундамент для отмщения... Но главное — ты никого намеренно не убивала! Более того — спасла мою тетку, не зная, разумеется, о наших родственных связях!

— Знаешь, Элен, я тобой восхищаюсь... — участливо посмотрела я на нее. — Но что ты говорила ему перед смертью? Полицейский сказал, что девушка шипела, как змея...

— Да какая змея! Я страшно испугалась. Я называла ему номер машины Георгия Владимировича... Дескать, это он вас сбил...

— Зачем?

— Ну, я ведь не думала, что он умрет... Хотела, чтобы он подкрепил мои показания... И тем самым помог мне избежать обвинения в наезде и начать свою месть... — Она смотрела на меня во все глаза, и по лицу ее катились слезы... — У меня все было сломано... Не знаю, как яснее тебе сказать... Здоровье, любовь, жизнь... И я решила восстановить хоть какую-то справедливость... Сделала из последнего кусочка своей жизни целый театр... Немудрено, что и в настоящий театр меня потянуло...

Я обняла ее, а тетя вытащила из своей сумочки старинный кружевной платок и принялась вытирать ей щеки, влажные от слез...

— Ну, так какой конец будет в твоей повести «Проделки Элен»? — немного успокоившись, спросила Элен.

— Проделки? Нет, лучше я назову ее «Бедная Элен»... А закончу... Знаешь, просто расскажу все как было...

— Придумывай! Но прежде я хочу пожелать... Мало ли, может, больше и не увидимся... Пожелать тебе и правда написать повесть... Может, лучше даже оставить меня злодейкой... В коммерческих целях...

— Никогда!

— А вам... — благодарно посмотрела она на мою тетю, — вам я пожелаю прожить долгую-долгую жизнь... Говорят, так бывает, если человек избежал смерти... А еще надеюсь, что когда-нибудь приведу к вам в гости своих детей... и внуков...

— Идет! — воскликнула моя несгибаемая тетя и тихо добавила: — Девочка! Я буду любить тебя всю оставшуюся жизнь!

На этой ноте я и хотела закончить свое повествование, да не могу! Потому что на следующее утро нас с тетей разбудил телефонный звонок, я первая, шлепая босыми ногами, подскочила к аппарату и услышала голос Элен.

— Понимаешь, он убил себя сам... Его невозможно было заметить на этой дороге... Ему не надо было пересекать трассу в неполюженном месте...

Видно, это мучает ее до сих пор, раз она вот так оправдывается.

— Я догадалась. Не мучай себя, Элен...

— Я ведь почему звоню... Запиши мой варшавский адрес...

Я записала, уверенная, что он мне не понадобится — разве что письмо написать...

— Я вам обещала поездку по Испании, — продолжала она, — но в силу известных тебе обстоятельств Испанию можно заменить на Польшу. Ты согласна?

— Еще бы! Я думаю, что и Нинель обрадуется, когда узнает... обо всем.

— Вот и прекрасно!

ГЛАВА 13

В Польшу после этого разговора мы попали месяца через три. Элен с Игорем развили там бурную деятельность, организовывая свой театр, а важный, но неподвижный в силу своей болезни Скорчевский, который, к слову сказать, мне очень понравился, активно искал им все новых и новых спонсоров. Не знаю уж, каким чудом Элен удалось перегнать туда свой «пежо» — возможно, это была новая машина, купленная там, но ее хозяйка возила нас на ней по всей стране. Честно говоря, Польшей мы не ограничились, а спокойно попутешествовали еще и по Германии — пан Скорчевский устроил для нас это чудо, выхлопотав необходимые разрешительные документы. Я была на вершине блаженства — сбылась моя мечта осмотреть Берлин, посетить Баден-Баден, где я не была никогда, но где у меня много друзей, которые поселились именно в этом целебном курортном месте. Наша машина притормозила возле косметической фабрики, откуда должна была выйти работавшая здесь моя бывшая коллега — мы договорились о встрече. Впереди нас был припаркован шикарный джип. Вдруг двери фабрики распахнулись, и оттуда вышел никем из нас не ожидаемый бывший кандидат в депутаты, он же бывший доктор и нынешний коммерсант — в руках у него была объемистая папка с документами. За ним шел лишь один человек — очевидно, его охранник и водитель. Кандидат спокойно подошел к джипу и хотел, было, открыть дверцу, но тут он увидел нас. Дело в том, что мы вылезли из машины и стояли возле Элен, которая нам что-то рассказывала, усердно жестикулируя. Бывший кандидат буквально врос в тротуар. Элен стояла к нему спиной, Нинель его не знала, а я просто опешила от этой картины и прошептала:

— Дорогая, оглянись...

Но ей не пришлось оглядываться. Этот человек сам подскочил к Элен и совсем не злобным, а довольно спокойным голосом произнес:

— Горгона Медуза!

— К вашим услугам! — не растерялась она.

И мы тут же заметили, как охранник, опустив руку в свой внутренний карман — очевидно, за пистолетом, — рванул к Элен. Хозяин остановил его еле заметным жестом и сказал нашей спутнице:

— Слушай, у меня в руках — прекрасный контракт. И вообще все неплохо складывается в жизни. На все вопросы я давно нашел ответы. Кроме одного. За что?

Элен молчала, обдумывая, что ответить. Но она металась! Я видела, что она металась! Что-то с ней происходило важное, особенное, чего она боялась высказать, но это просто рвалось наружу!

— У меня мало времени. Ты просто скажи правду. Можешь?

Она заговорила как-то быстро, монотонно, на одной ноте:

— Могу. В детстве я была беспокойным ребенком. И меня отправили на лечение к психиатру... Это были вы... Все успокаивающие лекарства, выписываемые вами, вызывали привыкание к наркотикам... И когда я стала взрослой, мне стоило большого... нет, огромного труда это преодолеть... Я многое потеряла в жизни из-за этого... А вы жили спокойно, припеваючи. Я считаю, что вы преступник и должны быть наказаны... И я вас наказала...

— Все это я уже слышал. А ты знаешь, что у нас была определенная методика лечения? Кстати, разработанная и утвержденная совсем не мной...

— Это не оправдание...

— А я и не оправдываюсь... Ты многое мне подпортила... Но... я тебя прощаю.

— И я бы хотела вас простить, да не могу... Уверена — из сотен детей, которые у вас лечились, половина сейчас — наркоманы... И как же вы можете спать спокойно?

— Прощай, горгона Медуза! Лена... Я ведь тебя вспомнил... Что ж... В качестве компенсации за прошлое — я никому не скажу, как ты разделалась с тем мужиком на дороге... Ведь это ты, правда?

И тут она подошла к нему близко-близко и, оперевшись рукой на его машину, что-то сказала. Думаю, то, что и рвалось наружу. Голова его резко откинулась назад, и я подумала, что этот Георгий Владимирович вот вот упадет. Но он благополучно выпрямился и попытался схватить Элен за руки, однако она уже сидела в нашей машине и, как ни в чем не бывало, что-то говорила Нинель. Он бросился к нам и крикнул Элен:

— Выйди! Выйди же! Нам надо поговорить! Господи, ну, пожалуйста!

— Нам не о чем говорить! — отрезала она и отвернулась от этого мужчины, с которым ее, видимо, связывала не только клиника. Но что? Охранник чуть ли не силой оторвал Георгия Владимировича от нашей машины, усадил его в джип, и они медленно отъехали от нас.

В это время в дверях фабрики показалась Людмила, у которой мы и намеревались остановиться в Баден-Бадене. Мы с Нинель бросились ее обнимать, и в это время на улице прогремел взрыв. Мы уставились в ту сторону. Метрах в двухстах от нас пылали остатки взорванного автомобиля.

— Поехали скорее ко мне! — закричала Людмила. — Мы с Колей вас давно ждем!

Но, видя, что мы не отрываем глаз от догорающей машины, заметила, что такое, к сожалению, бывает не только в России, но и в цивилизованных странах, и нечего переживать из-за каждого взорванного автомобиля. Мы вняли ее совету и быстро поехали — естественно, не в ту сторону, где произошла... авария. Может, это действительно была авария? Случайная... Вряд ли карманы Элен набиты бомбами, и она может без труда

склониться над машиной и незаметно прицепить к ней эту магнитную штучку, чтобы та рванула, едва отъехав.

— А у тебя в карманах или в сумочке нет ничего взрывоопасного? — спросила я, взглянув на девушку.

Она вывернула свои карманы, открыла сумочку... Да, видимо, авария — это случайность... К тому же Элен не могла подвергнуть риску других, ни в чем не повинных людей — ведь рядом с машиной в момент взрыва мог проходить ребенок... Правда, от фабрики, где мы стояли, было видно, есть там кто-нибудь посторонний или нет. А в сумочке у нее лежит что-то вроде пульта... И если это радиоуправляемое устройство...

В общем, я окончательно запуталась и смогла только в ужасе прошептать:

— Неужели это все-таки ты?

— Нет. Это провидение. И когда ты начнешь мне верить? — грустно спросила Элен. — Если это действительно их машина, то просто кто-то прочел мои мысли, угадал желания...

Все. Больше я не буду рассказывать о нашем путешествии, иначе никогда не закончу эту повесть. Итак, оставив гостеприимных Людмилу с Колей, Скорчевских и Игоря, занятых своим театральным проектом, мы с Нинель вернулись в родной город. Дома я, обласкав своего драгоценного, все понимающего мужа и детей и наготовив им массу вкусных вещей, пролистала все номера родной газеты, заботливо отложенные для меня домашними. И оторопела — с одной из страниц на меня смотрели глаза бывшего кандидата. Под фотографией говорилось о том, что в одной из зарубежных поездок им с водителем чудом удалось избежать смерти — спасибо новейшему прибору, который умеет фиксировать внутреннее состояние машины и подавать сигнал при малейшей опасности... Благодаря этому сигналу они и успели выскочить до взрыва... Я с облегчением вздохнула — следовательно, дело не в бомбе... И все-таки иногда я думаю — а почему не в бомбе? Прибор мог зафиксировать именно бомбу... Но я бегу от этих мыслей, повторяя — бедная Элен... Даже если у нее будет десять театров, сто великолепных ролей и до конца жизни все будут носить ее на руках, все равно — бедная Элен... Ведь трудно жить с душой, изъеденной жадной мести, словно ржавчиной...

Через пару дней она позвонила мне из Варшавы и стала что-то говорить, но я тут же перебила ее:

— Они живы, Элен! Они выскочили из машины! У них был такой умный прибор, который подал им сигнал тревоги...

— Надо же... Прибор... Кто бы мог подумать...

Больше мы не встречались с Элен. Однако я слышала, что спектакль по пьесе о бедной девушке шел за рубежом с большим успехом. Наш шеф, недавно посетивший в Варшаве своего сыночка, приехал и рассказал нам об этом сценическом действе. Правда, там был другой финал, отличаю-

щийся от московского, — Элен взрывала машину кандидата. Продуманно. И вовсе не случайно. И я долго задавала себе вопрос — она выдавала желаемое за действительное? До тех пор, пока по своим редакционным делам не оказалась в городе своего детства — а, значит, у Валентины.

— А знаешь, что привело на сцену твою бедную Элен? Что заставило ее написать эту пьесу? Да то, что она неспособна на реальную, жестокую месть в настоящей жизни... И от этого чувствует себя униженной и даже... ничтожной. А все эти кровавые выдумки ее возвышают... Она уважает себя — мстительницу, героиню собственных фантазий...

Я всегда верила Валентине, и у меня словно камень с души свалился...

— А толчок этому дал тот случайный наезд на дороге... По существу — убийство... Когда она поняла, что сбила мужчину, то мозги ее сразу двинулись в определенную сторону... Думаю, она уже тогда начала играть свою пьесу... Ей сладко было думать, что она не тряпка, которой все до лампочки, а человек, решившийся отомстить за причиненное когда-то зло... Она себя заважала, почувствовала себя личностью...

— То есть ты уверена, что она ни в чем не виновата!

— К сожалению, нельзя сказать, что она ни в чем не виновата...

Валентина говорила что-то еще, а я думала о том, что вовсе и не бедная наша Элен — все у нее складывается более или менее удачно. Правда, небольшой жизненный клубок ей еще предстоит распутать, чтобы Игорь официально стал ее мужем. Но эта игра в Скорчевскую стоила свеч — Элен смогла на время скрыться от преследователей...

ГЛАВА 14

Самолет взорвался в воздухе, не успев набрать высоту. Когда к пострадавшим подоспели медики, несколько человек были еще живы. И среди них — Георгий Владимирович... Его даже успели довезти до больницы. Несколько раз он приходил в себя и шептал про какую-то Музу... Или медузу... Но по приезде в больницу он скончался. Случилось это днем, а мы узнали обо всем лишь поздно вечером из телевизионных новостей. Итак, бывший кандидат в депутаты и доктор ушел в мир иной — замечу, вопреки своему желанию. Случилось то, чего хотела Элен... И опять в мою душу закрались сомнения... Я не выдержала и позвонила в Варшаву. Ответил мне Игорь. Чувствовалось, что он очень взволнован, и его переполняла радость, она звучала буквально в каждом его слове! Я попросила позвать к телефону Элен. Он загадочно ответил мне, что это невозможно, потому что она находится не дома, но что он может дать мне номер ее теперешнего телефона. Я его записала и тут же набрала. Мне ответил тихий и удивительно счастливый голос Элен.

— Девочка! — с места в карьер начала я. — Должна тебе сообщить одну не очень-то хорошую новость...

— Ну, так и не надо, раз она нехорошая! Я так счастлива, так счастлива, ты даже не представляешь! Прости, нет, вот ты-то как раз и можешь это себе представить! Именно ты!

Что она там мелет?! Уж я-то никогда никого не убивала и не радовалась ничьей смерти! Нет, видимо, мне ее никогда не понять!

— Элен, ты все-таки послушай! Вчера он взорвался! В самолете! То есть взорвался самолет, и все погибли! И он!

— Да кто погиб-то? — спокойно спросила она.

— Как — кто? Георгий Владимирович!

— Вот как... Жалко... А я думала — ты звонишь, чтобы меня поздравить...

— Окстись! Ну разве с этим поздравляют!

— Постой-постой! Уж не думаешь ли ты, что это — моя работа? Ну-ка, признавайся!

Я не знала, что и сказать. Конечно, в первые минуты после трагического сообщения у меня мелькнула такая мысль, но я ее отогнала — ведь в самолете были и другие люди... И все же мне мерещилась какая-то причастность Элен к этому делу. Незримая, что ли. И она это ясно почувствовала.

— Эх, ты! Сыщик-прыщик! А знаешь ли, какое у меня колоссальное алиби? Самое-самое неопровержимое? И самое замечательное на свете? Это случилось вчера, да?

— Да...

— И во сколько? В какое время?

— Около часа дня...

— Так вот, моя недоверчивая и во всем сомневающаяся Наталья... Моя, в общем-то, не буду забывать, спасительница... Сядь на стул, чтобы не упасть! Села? И хорошо, потому что сейчас я скажу, что делала в это время! И это зафиксировано в документах, заметь!

— А ты не можешь все-таки ближе к делу?

— Могу. Так вот, когда у вас в воздухе взрывался самолет с этим... огрызком подлости на борту, а также и с вполне нормальными людьми, я — ро-жа-ла! В тринадцать часов пять минут по московскому времени я! родила! сына! Теперь тебе понятно? А сейчас из-за тебя я его разбудила, потому что вынуждена кричать и доказывать тебе, что я не верблюд! Вот, слышишь? Это он. Наш замечательный Гоша. Жорик. Георгий...

— А почему Георгий? — растеряно спросила я.

— Имя — в качестве компенсации за мою месть этому человеку... Это — как прощения попросить... Надо же когда-то...

— Но... к чему такая жертва? Я понимаю, если бы речь шла о родственниках...

— Так ведь отец — он и есть родственник...

— Что-о-о? Отец?

— Отец, — повторила за мной Элен. — Отец-подлец, — пропела она грустно. — Вот и пусть наш Гоша исправляет породу... В духовном плане... А он... Мир его праху, значит!

— А тот отец, что на Севере...

— Это отчим. Он меня удочерил. А настоящий бросил мою маму, не приехал, чтобы посмотреть на меня... Но только я не хочу об этом... Все!

— Так вот почему ты ничего не боялась в той психушке! Ведь ты думала, что это он тебя туда засадил, а стоило тебе только сказать, кто ты есть, и... Он же не стал бы убивать собственную дочь! Но почему ты все-таки потом сбежала?

— Просто я все проанализировала и пришла к выводу, что он тут ни при чем... Что меня поместил в клинику другой человек и по другой причине, которой я не знала. А когда я чего-то не знаю, мне становится страшно. Вот я и сбежала.

— Валентина нечто подобное и предполагала. Надо же... А еще она мучилась вопросом — почему ты раньше ему не мстила?

— Да я ведь только недавно съездила к родителям на Север, потому что заболела мама... Заболела серьезно — может, поэтому она и рассказала мне правду... А раньше я и не знала ничего...

— А он-то? Он-то знал?

— Нет. Я сказала ему об этом в Баден-Бадене.

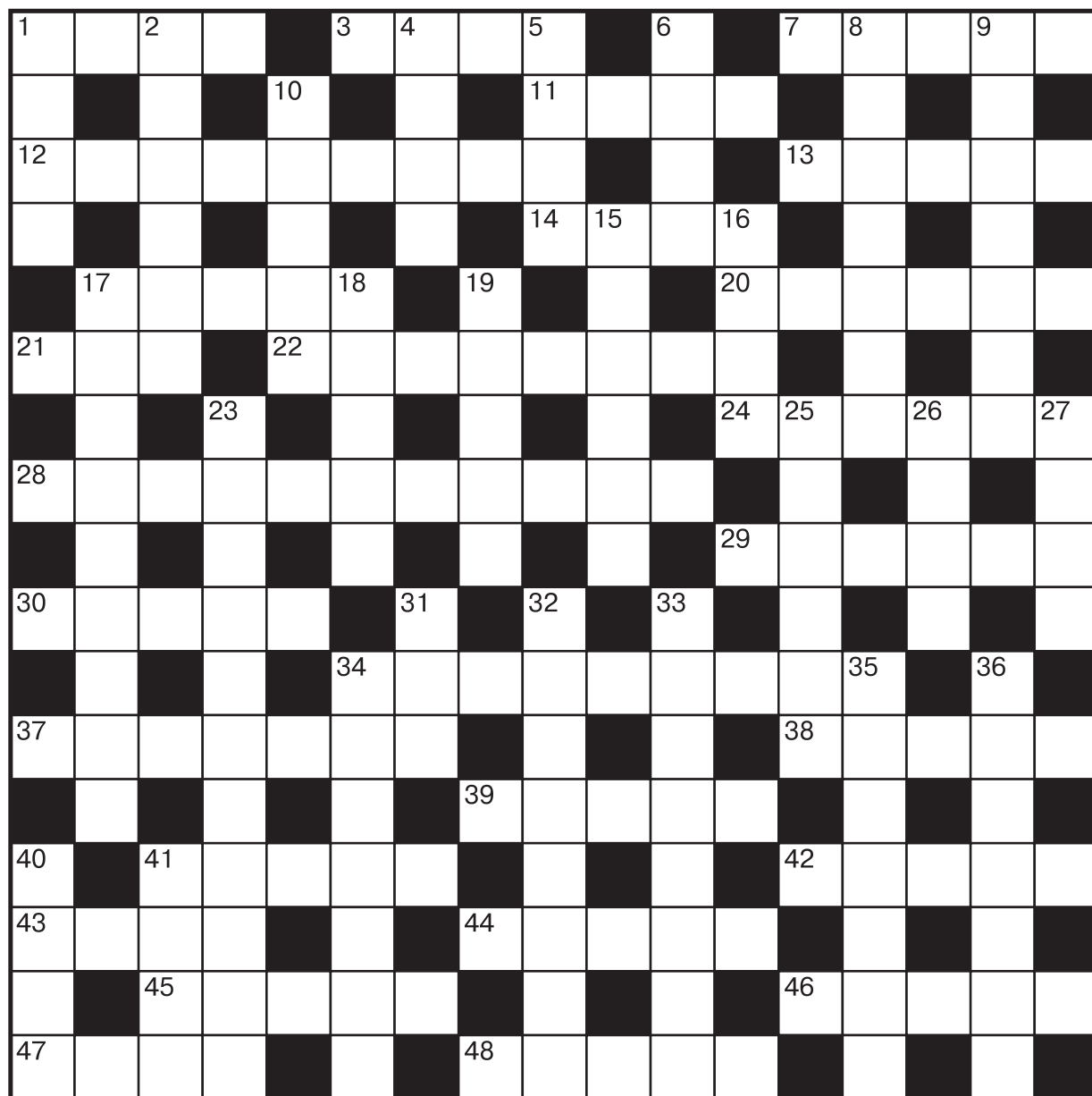
Так вот почему он рвался к нашей машине! К Элен! И вот почему в те далекие годы девочка, лечившаяся в его клинике, вызывала у доктора теплые чувства — он явно относился к ней не так, как к другим... Сердце-то, видно, подсказывало, что у него с ней особенная связь... из космоса, тщетно силясь их разгадать...

— Элен, а ведь это имя будет всегда напоминать тебе... о том, что ты, верно, хочешь забыть...

— Ну, так что ж теперь... Это ведь наше родовое имя... У нас и деды, и прадеды были Георгиями... Он просто случайно тут затесался... Так что можно считать — это простое совпадение...

Я наконец-то поздравила ее с рождением сына и с тем, что она, умница, в своей запутанной жизни оказалась на высоте! А потом позвонила Валентине, рассказала ей все и дала телефон клиники и палаты, где находится Элен с сыном. И она, естественно, стала звонить туда. По кругу... От моих сомнений не осталось и следа — у Элен действительно было самое потрясающее алиби на свете! □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Чем домену доводят до белого каления? **3.** Ближайшая соседка Европы. **7.** Что позволяет почти у каждого найти что-то хорошее? **11.** «Извержение» батареи. **12.** Единственная из азиатских стран, где запрещен развод. **13.** Какого из наших легендарных разведчиков обменяли на американского летчика Гэри Пауэрса? **14.** Ка-

кой напиток превращает овощной салат в окрошку? **17.** Какую часть восточного дома охраняет евнух? **20.** Чем поплатился Прометей за похищение огня? **21.** Лазурный дракон. **22.** Добывание военных секретов. **24.** Горыныч китайских кровей. **28.** Какой мистический знак связан с ранами Иисуса Христа? **29.** Кто изучает «тело в разрезе»? **30.** Что

скрыто за словами «ввести в заблуждение»? **34.** Кто дважды стал олимпийской чемпионкой вместе с Максимом Траньковым? **37.** От чего блестели на экране волосы легендарного Рудольфо Валентино? **38.** «... никогда не заменит газету, потому что им нельзя прихлопнуть муху». **39.** Фаза морской жизни. **41.** Чародейство чародея. **42.** Чем Остап Бендер шантажировал подпольного миллионера Корейко? **43.** В каком колледже Джеймс Бонд учился? **44.** Чайная страна. **45.** Какой Стивен играл на балалайке в Севастополе? **46.** Какая буря пополняет морское дно сокровищами затонувших кораблей? **47.** На каком острове расположен Собор Парижской Богоматери? **48.** Опоненты уголовного розыска.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Напиток с мистической гущей. **2.** «Патронташ лучника». **4.** «Из мертвой главы гробовая ..., шипя, между тем выползала». **5.** Если бы не было его, не сказал бы ничего. **6.** Курорт с дачей Антона Чехова. **8.** Галстук с крылышками. **9.** Кто забил наибольшее число го-

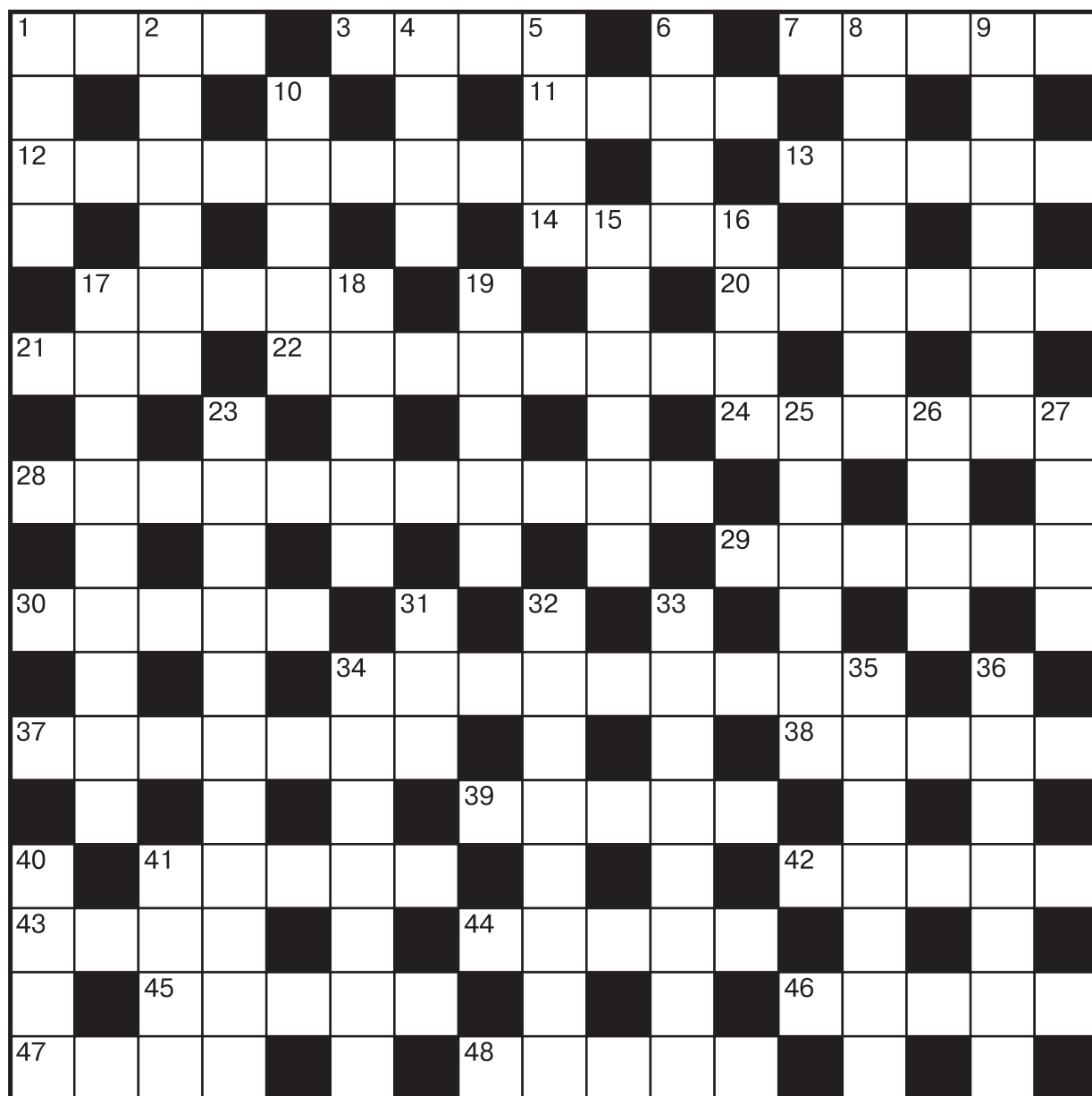
лов в одном матче из истории ЧМ по футболу? **10.** Французский кулинар, придумавший консервирование. **15.** Кто помог сказочной Русалочке обрести пару стройных ножек? **16.** Хандра экономики. **17.** Основположник европейского книгопечатания. **18.** «Плод райского искушения» у индийцев. **19.** Работа «в режиме ошпаренной кошки». **23.** Какая отрасль «желает нам добра сразу после зла»? **25.** Кого из классиков французской живописи Пабло Пикассо не раз навещал в его парижском особняке «Замок туманов»? **26.** «Массовая халтура». **27.** «На рогах дьявола ... держится крепче». **31.** Подарок Морфея. **32.** Воздушная качка. **33.** Кому во время поединка боксер Майк Тайсон откусил кончик уха? **34.** Холм с «термами Диоклетиана». **35.** «Самая яркая эмоция» из диснеевского мультфильма «Головоломка». **36.** «Любовь слепа, но брак — гениальный окулист» (звезда французского кино). **40.** Какой мистер строит козни в мультсериале «80 дней вокруг света»? **41.** Что способны разрушить солдаты, идущие в ногу?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Сахар. **9.** Орган. **10.** Даррелл. **11.** Воробей. **12.** Местком. **13.** Зебра. **14.** Строчок. **15.** Каркаде. **18.** Кобра. **19.** Боль. **21.** Пасха. **23.** Агат. **25.** Лингвист. **26.** Шпион. **27.** Крем. **29.** Овсов. **32.** Лазарев. **34.** Копия. **36.** «Мазда». **37.** Броснан. **38.** Вольт. **39.** Муфта. **40.** Андроид. **41.** Татры. **42.** Амвон.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Арсенал». **2.** Партократ. **4.** Атом. **5.** Апостроф. **6.** Кай. **7.** «Артек». **8.** Клерк. **10.** Делопроизводство. **11.** Воздухоплавание. **13.** Зов. **16.** Носик. **17.** Пьета. **20.** Маркс. **21.** Павел. **22.** Игрок. **24.** Голем. **28.** Маэстро. **30.** Водопад. **31.** Бильярд. **33.** Вакуум. **35.** Бруно.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Барабан в форме песочных часов. **3.** Камень из ахматовского «Летнего сада». **7.** Кузнец по самурайским мечам у японцев. **11.** Филиппинская алебарда. **12.** Виртуальный неформал, предпочитающий сохранять анонимность. **13.** Какой французский классик учился в том же парижском коллеже, что и Шарль де Талейран?

14. Башкирский очаг. **17.** С каким иудейским праздником связано проведение карнавала? **20.** «Животная душа» у Платона. **21.** Русский поэт, не оставивший после себя потомков. **22.** Компенсация за убийство у древних германцев. **24.** Правитель Карики, оставивший свое имя в погребальной архитектуре. **28.** Какому недугу посвящена новелла «Поз-

вольте проверить ваш пульс» американца О'Генри? **29.** Какая душа не может из-за преступлений расстаться с земным существованием в еврейском фольклоре? **30.** Кондитер, придумавший «моцартовские шарики». **34.** Кто разработал систему «словесного портрета»? **37.** Кем в юности подумывал стать актер Бенедикт Камбербэтч? **38.** Волокно хлопкового дерева. **39.** Революционный лидер, чье имя носил «первый послевоенный» мост Будапешта. **41.** Зверек, украшающий монету в четверть динара из Алжира. **42.** Форсирующая заявка в бридже. **43.** Клоунская «пощечина». **44.** Пояс для шаровар. **45.** Воздушный дух в каббале. **46.** Бывшие вогулы. **47.** Прыжковое па в балете. **48.** Медленная часть чардаша.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Фамилия Паспарту из программы «Форт Боярд». **2.** Какая богиня слыла у древних египтян «Оком солнечного бога»? **4.** «Мусор в организме». **5.** Кто написал текст самой знаковой из песен Фрэнка Синатры? **6.** Шелковый платок для турецкой бани. **8.** Лю-

бовник Лили Брик и палач Николая Гумилева. **9.** Какой русский адмирал стал первым военным губернатором Камчатки? **10.** Один из основателей Киева в «Повести временных лет». **15.** Самая длинная река в Крыму. **16.** Кто засеял поле, по совету Афины, зубами дракона? **17.** Какое селение вошло в историю как «столица ракетостроения» Третьего рейха? **18.** Первый игрок в истории Лиги чемпионов, кто забил 5 голов в одном матче. **19.** С какого земляного вала в Древнем Риме сбрасывали преступников? **23.** Дитя знаний (по Бенджамину Дизраэли). **25.** В каком городе Древнего Египта располагались храм и гробница Осириса? **26.** Как во Франции называют то, что голландцы окрестили «кломпами»? **27.** Святой хранитель итальянского города Болонья. **31.** Программа выступления диджея. **32.** Колено соловьиной песни. **33.** Затворничество в монастыре. **34.** Французский рыцарь низшей ступени. **35.** «Цветок нечистой силы». **36.** Где построили первую в мире АЭС? **40.** Пятый столп ислама. **41.** Заслужка на туристическом снаряжении.

Ответы на эрудит, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Шубка». **9.** Бэйли. **10.** Гиммлер. **11.** Батонаж. **12.** Фрактал. **13.** Вента. **14.** Цольнер. **15.** Алатырь. **18.** Акраб. **19.** Таби. **21.** Ратха. **23.** Алас. **25.** Бороньба. **26.** Амиши. **27.** Лэут. **29.** Алмас. **32.** Майорат. **34.** Рагин. **36.** Руссо. **37.** Шикакай. **38.** Адамс. **39.** Топич. **40.** «Титаник». **41.** Рдест. **42.** Ягтан.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кэрролл. **2.** Алькатрас. **4.** Урал. **5.** Кгомолка. **6.** «Чиж». **7.** Ампер. **8.** Ресто. **10.** Гальванопластика. **11.** «Батрахомиомахия». **13.** Веа. **16.** Вальц. **17.** Шинай. **20.** Шатле. **21.** Разум. **22.** Тонар. **24.** Иштар. **28.** Табанан. **30.** Саудади. **31.** Фирмеса. **33.** «Туборг». **35.** Сирин.

**Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2021 года
через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:**

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 179 рубля 30 копеек	За 1 номер — 215 рублей 60 копеек
За полугодие — 1075 рубля 80 копеек	За полугодие — 1293 рублей 60 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

ПОЧТА РОССИИ ОФОРМЛЯЙТЕ ПОДПИСКУ НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА

на сайте podpiska.pochta.ru в мобильном приложении Почты России через почтальона

Мы заботимся о Вашей безопасности! Ваше здоровье – главный приоритет

Инструкция по оформлению подписки на печатную прессу через сайт [PODPISKA.POCHTA.RU](http://podpiska.pochta.ru)

- Выберете журнал и газету из 5 000 изданий:
 - по индексу,
 - по теме и профессиональным интересам,
 - по алфавиту,
 - по части названия,
 - из списка самых популярных
 - по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
- Выберите способ доставки.
- Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
- Выберите период подписки.
- Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
- Оплатите заказ.

Инструкция по оформлению подписки онлайн через МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПОЧТЫ РОССИИ

- Зайдите в мобильное приложение Почты России.
- В правом нижнем углу выберите раздел «Еще».
- Нажмите на строчку «Подписка на журналы и газеты».
- Выберете журнал и газету из 5 000 изданий:
 - по индексу,
 - по теме и профессиональным интересам,
 - по алфавиту,
 - по части названия,
 - из списка самых популярных
 - по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
- Выберите способ доставки.
- Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
- Выберите период подписки.
- Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
- Оплатите заказ.

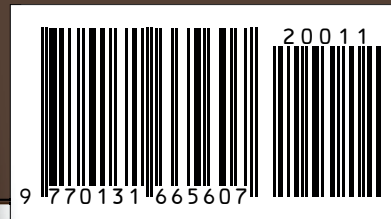
ПОДПИСКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется через ООО «УП УРАЛ-ПРЕСС»
+7(3652)51-02-35; +7-978-117-13-07; Эл. почта: e_bunina@ural-press.ru

Вся пресса в одном месте!

PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Дорогие читатели!

Сегодня проблема отцов и детей остается такой же актуальной, какой была еще в тургеневские времена. Наверное, в каждой семье бывают разногласия между детьми и родителями, которые порой пытаются навязать ребенку свое видение образа жизни.

А ведь рецепт очень прост: надо всего лишь проявлять больше внимания и терпения друг к другу и, конечно, в первую очередь, — просто любить...

Расскажите о своей семье, о своих благополучных — и не очень — детях, о проблемах, связанных с ними. И даже если вы, как говорится, живете «в унисон», наверное, вам есть что рассказать нам и читателям.

Вот мы и решили в 2020 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Отцы и дети».**

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 тысяч знаков) в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru** 15 ноября 2020 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2021 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

